

ISSN:2409-5788

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2014 — 1/2

Кто автор некрологов по случаю смерти М. М. Достоевского? Неизвестный текст Достоевского из старых газет. Если памятник прочитать как текст... «Обыкновенный талант» Михаил Достоевский в витринах ГЛМ. Папиросы с сюрпризом, или Табак от фабриканта Достоевского. Булочник Достоевский из Петербурга — кто такой? Зачем жена редактировала письма мужа? Как выманить деньги у Достоевского? Кого скрывает псевдоним? Кто отгадает тайну анонима? Куда поставить текст? Достоевский рисует Шекспира... Вольтера... кого еще? Первый автопортрет Достоевского

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ISSN 2409-5788

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1-2. 2014

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
Тел. (8142) 71-96-03

ФГБОУ ВПО
«ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»,
2014

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Владимир Николаевич Захаров (Россия) — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета;
Президент Международного общества Достоевского.
E-mail: vnz01@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Horst-Jürgen Gerigk (Deutschland) — PhD, профессор русской и зарубежной литературы университета Гейдельберга, почетный президент Международного общества Достоевского.
E-mail: horst-juergen.gerigk@slav.uni-heidelberg.de

Deborah Martinsen (USA) — PhD, доцент славянских языков и литературы Колумбийского университета; почетный президент Международного общества Достоевского.
E-mail: dm387@columbia.edu

William Mills Todd III (USA) — PhD, профессор литературы и сравнительного литературоведения Гарвардского университета.
E-mail: todd@fas.harvard.edu

Irene Zohrab (New Zealand) — PhD, почетный научный сотрудник университета Виктории (Веллингтон).
E-mail: irene.zohrab@vuw.ac.nz

Игорь Леонидович Волгин (Россия) — доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Московского государственного университета и Литературного института им. А. М. Горького; вице-президент Международного общества Достоевского. Президент фонда Достоевского.
E-mail: mail@volgin.ru

Виктор Федорович Молчанов (Россия) — доктор исторических наук, заведующий научно-исследовательским отделом рукописей Российской государственной библиотеки.
E-mail: VishnevskayaEE@rsl.ru

Борис Николаевич Тихомиров (Россия) — доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге, президент Российской общества Достоевского.
E-mail: btikhomirov@rambler.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Stefano Aloe (Italy) — PhD, доцент-исследователь по русской литературе при университете г. Верона; Vice-President, International Dostoevsky Society.
E-mail: stefano.aloe@univr.it

Carol Apollonio (USA) — PhD, профессор практики русского языка университета Дьюка, президент североамериканского общества Достоевского.
E-mail: flath@duke.edu

Katalin Kroó (Hungary) — PhD, Professor, University ELTE, Budapest; Vice-President, International Dostoevsky Society.
E-mail: krookatalin@freemail.hu

Владимир Александрович Викторovich (Россия) — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт.
E-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Эмил Димитров (Болгария) — PhD, председатель Болгарского общества Достоевского.
E-mail: edimitrov@gbg.bg, eivdim@yahoo.com

Сергей Акимович Кибальник (Россия) — ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, доктор филологических наук.
E-mail: kibalnik007@mail.ru

Павел Евгеньевич Фокин (Россия) — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Государственного литературного музея.
E-mail: pfokin@mail.ru

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Ирина Святославовна Андрианова, кандидат филологических наук, заведующая Web-лабораторией филологического факультета Петрозаводского государственного университета.
E-mail: yarysheva@yandex.ru

ПОМИНКИ
ПО МИХАИЛУ ДОСТОЕВСКОМУ,
150 ЛЕТ СПУСТЯ

Владимир Николаевич Захаров*

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
vnz01@yandex.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.1

ПАМЯТНИК КАК ТЕКСТ, ИЛИ ПОСЛАНИЕ БРАТЬЕВ ДОСТОЕВСКИХ**

Аннотация: В статье рассматриваются обстоятельства создания памятника Марии Федоровны Достоевской, матери писателя. Составление текста на памятник отец Михаил Андреевич поручил братьям Михаилу и Федору. В марте-апреле 1837 г. братья создали идею и концепцию памятника, составили текст первой и четвертой надписи, выбрали евангельские стихи и эпитафию Н. М. Карамзина. Это их первый совместный, воплощенный в камне акт творчества. В Памятнике выражены не только любовь к матери и христианское переживание ее смерти, упование на спасение и будущее воскресение. В сказанных от себя и выбранных из Евангелия и Карамзина словах заключено и иное значение. В них выражен смысл бытия и пасхальная идея личного творчества. Необходимо восстановить могилу Марии Федоровны Достоевской и вернуть Памятник на Лазаревское кладбище в Москве.

Ключевые слова: Достоевские, Мария Федоровна Достоевская, Федор Достоевский, память, памятник как текст, идея творчества, пасхальная тема

История безжалостно обошлась с могилами предков и потомков Достоевского. Казалось бы, обычная участь, но то, что случилось в XX веке, не имеет разумного объяснения. С лица земли исчезли могилы его матери на Лазаревском кладбище в Москве и отца на сельском погосте в Моногарово. Из четырех захоронений детей писателя сохранились лишь два, и то за границей: Сони (1868, Женева) и Любы (1926, Гриес близ Больцано). Утрачены могилы Алеши (Санкт-Петербург) и Федора (Москва).

Случилось то, чего не мог и предполагать автор «Бесов», то, что не укладывается ни в какие обычаи, традиции, нормы.

К чему бы эта война с мертвыми?

В 1920-е годы гражданская война перекинулась на тексты, памятники, церкви и погосты: книги «старорежимной» печати сжигали или сдавали в макулатуру, памятники сносили, могилы разоряли, кладбища ровняли с землей, церкви взрывали, а в тех, что не взорвали, открывали клубы, магазины, склады и прочие учреждения новой власти. Шло беспощадное уничтожение живых и мертвых классовых врагов, уничтожались не только люди, но и сама память о них, стиралось прошлое и настоящее.

Эти беснования и кощунства называли культурной революцией.

Так было почти повсеместно: затапывали погосты, устраивали парки, на кладбищах строили дома, могильные плиты и мраморные надгробья шли на их облицовку, ими мостили улицы и дороги. Во второй половине XX века к этим мотивам добавилась корысть: крали памятники, захватывали и продавали кладбищенские места.

Мог ли Достоевский предвидеть, что из праздного любопытства могилу матери разроют, останки снесут в музей антропологии МГУ, во время работы антрополога М. М. Герасимова по созданию скульптурного портрета исчезнет ее череп, а сам памятник свезут в подвал Московского музея Достоевского?

Между тем это необычный памятник. Он не только символизирует память о матери — это первый запечатленный опыт творчества двух братьев, Федора и Михаила. До сих пор он не понят как текст.

Смерть Марии Федоровны резко изменила жизнь семьи: отец решает выйти в отставку и поселиться в Даровом, Михаил и Федор определены на учебу в Петербург. Как вспоминал младший брат Андрей:

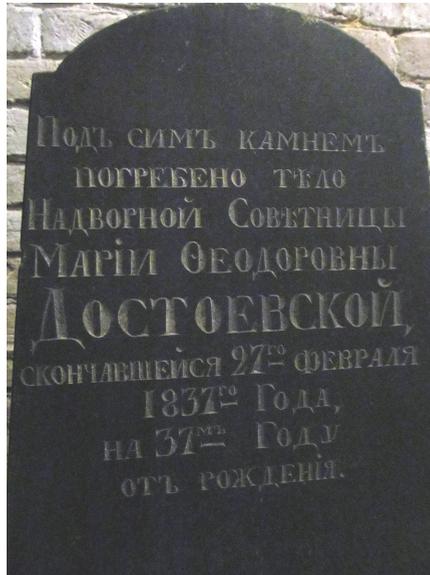
«Папенька, по возвращеніи своемъ изъ Петербурга, намѣревался совсѣмъ переселиться въ деревню (онъ подалъ уже въ отставку), а потому до поѣздки въ Петербургъ желалъ поставить памятникъ на могилѣ нашей Маменьки. — Избраніе надписи на памятникѣ отецъ предоставилъ братьямъ. — Они оба рѣшили, чтобы было только обозначено имя, фамилія, день рожденія и смерти. — На заднюю же сторону памятника выбрали надпись изъ Карамзина: “Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра...” И эта прекрасная надпись была исполнена. —»¹.

Воспоминания Андрея Михайловича нуждаются в уточнении: текст памятника был пространнее, чем припомнилось мемуаристу.

На лицевой стороне памятника были выбиты слова:

«Подъ симъ камнемъ
погребено тѣло
Надворной Совѣтницы
Маріи Ѳеодоровны
Достоевской,
скончавшейся 27го февраля
1837го Года,

на 37мъ Году
отъ рожденія».

На оборотной стороне начертаны предсмертные слова Иисуса Христа: «И возгласъ гласомъ веліимъ Иисусъ, рече: отче, въ руцѣ твои предаю Духъ мой» (Лк. 23:46).

«Господи!
въ руцѣ твои предаю
духъ мой.»

Они давно стали формулой предстояния человека перед Богом.

На правом со стороны памятника торце выбита еще одна евангельская цитата — слова разбойника, обращенные к распятому вместе с ним Иисусу Христу: «И глаголаше Иисусови: помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи си» (Лк. 23:42).

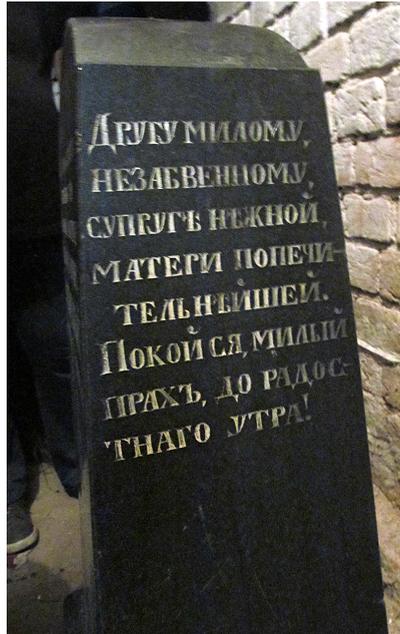
«Помяни мя,
Господи,
егда приидеши,
во царствіи
Твоемъ!»

Эти слова — также молитва прихожан на Божественной литургии, и братья цитируют не церковнославянский текст, а его литургическое оглашение.

Композицию, воспроизводящую последовательность крестного знамения, завершает текст на левом торце:

«Другу милому,
незабвенному,
супругъ нѣжной,
матери попечительнѣйшей.
Покойся, милый
прахъ, до радостнаго утра!»

Братья создали идею и концепцию памятника, составили текст первой и четвертой надписи, выбрали евангельские стихи и эпитафию Н. М. Карамзина.

Они составили текст Памятника, создали Памятник как текст:

«Подъ симъ камнемъ погребено тѣло Надворной Совѣтницы Маріи Феодоровны Достоевской, скончавшейся 27го февраля 1837го Года, на 37мъ Году отъ рожденія.

Господи! въ руцѣ твои предаю духъ мой.

Помяни мя, Господи, егда приидеши, во царствіи Твоемъ!

Другу милому, незабвенному, супругъ нѣжной, матери попечительнѣйшей.

Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!»

Это их акт творчества.

В Памятнике выражены не только любовь к матери и христианское переживание ее смерти, упование на спасение и будущее воскресение. В сказанных от себя и выбранных из Евангелия и Карамзина словах заключено и иное значение. В них выражен смысл бытия и идея творчества.

Марию Федоровну отпели и похоронили в Чистый Понедельник 1 марта 1837 года.

Как это было, описал Михаил в стихотворении «Видение матери» (1838):

«...А сколько было слез,
Когда я, горестный, с тобою расставался,
Когда я в Божий храм твой гроб отверстый нес
И там в последний раз с тобой, мой друг, прощался!

Когда в могильный ров я бросил горсть земли.
Когда пропели вдруг: “Покойся со святыми!”
И в землю поклонясь, домой все побрели,
Толкуя кой о чем с домашними своими².

Те же чувства переживал, то же делал и Федор: нес гроб, скорбел, прощался. Вскоре, с большим опозданием, Достоевские узнали о гибели Пушкина, и это было новое горе.

18 апреля была Пасха.

Когда братья сочинили Памятник?

Это могло случиться только в марте–апреле 1837 года.

В начале мая была паломническая поездка в Троице-Сергиеву лавру. Тетушка А. Ф. Куманина обычно устраивала ее на Троицу, но в этом году в связи с предстоящим отъездом братьев в Петербург она отвезла их в Лавру месяцем раньше. Потом последовала болезнь Федора; не дождавшись его полного выздоровления, все отправились в долгое путешествие из Москвы в Петербург.

Идея Памятника пасхальна.

Пасхален моностих Карамзина³.

Пасхально творчество самого Достоевского.

Достоевский не предполагал, что его последним пристанищем станет Александр-Невская лавра, что его похоронят рядом с В. А. Жуковским и Н. М. Карамзиным, что эпитафией на его памятнике будет эпитаф к роману «Братья Карамазовы» — цитата из Евангелия от Иоанна на церковнославянском языке:

«Аминь, аминь, глаголю вам: аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ» (Ин. 12:24).

Пасхальная тема замкнулась в памятниках матери и сына, в посмертных судьбах Карамзина и Достоевского.

В России есть поговорка: мертвых с кладбища не носят. Советская власть ввела иной обычай: новый мир был опричным миром.

Время возратить прах земле. Время восстанавливать предания и память, могилы и памятники.

Памятник Марии Федоровне Достоевской должен стоять не в подвале, а на Лазаревском кладбище. Не в первый раз звучит это требование [2], пора исполнить очевидное. Есть ясно выраженная воля потомков. Есть давняя инициатива председателя Московского общества православных врачей профессора Александра Викторовича Недоступа. Есть благословение настоятеля храма Сошествия Святаго Духа отца Сергия. Все, с кем я ни говорил, и в первую очередь сотрудники Государственного Литературного музея, — за восстановление могилы и памятника Марии Федоровне Достоевской.

Памятник должен быть возвращен на место.

У читателей русского гения должна быть возможность поклониться его матери, прочитать послание братьев Достоевских.

ПРИМЕЧАНИЯ

* © В. Н. Захаров, 2014

** Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России (ГБТ № 651–14).

¹ *Достоевский А. М.* Воспоминания // РО ИРЛИ. Ф. 56. №1. Л. 171 (С. 113 — в авторской нумерации).

² *Ризенкамф А. Е.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. Публикация Г. Ф. Коган // Литературное наследство. Т. 86: Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 326. Орфограмма «Божий храм» исправлена по автографу.

³ В критике давно отмечено, что моностих был предметом пародийной рефлексии Достоевского в романе «Идиот» и рассказе «Бобок», но ирония автора подчеркивает опошление текста и не затрагивает сакральный смысл эпитафии. Безосновательно расширение предмета пародии. И. Л. Волгин полагает, что указание на статус покойной («надворная советница») некорректно, так как «надворным советником М. А. Достоевский сделался только через два месяца после смерти супруги» [1; 979–980], по получении отставки в 1837 г. Это не так: в тексте памятника нет завышения статуса. 7 апреля 1827 г. М. А. Достоевский был награжден чином коллежского асессора, чин надворного советника он получил через пять лет 7 апреля 1832 г., 18 апреля 1837 г. через пять лет в связи с выходом в отставку ему последовал чин коллежского советника (Любимов С. Ф. М. Достоевский. К вопросу об его происхождении // Литературная мысль. 1923. № 1. С. 208–210) [ср. также: 3; 15, 22, 37]. Каждый чин следовал ему после надлежащего срока выслуги, который составлял четыре года, пятый год уходил на процедуру представления и публикацию указа. Судя по всему, «полковничий» чин не пристал Михаилу Андреевичу в отставке, да он и не чинился. В обиходе его по-прежнему называли надворным советником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Хроника рода Достоевских ; под редакцией И. Л. Волгина (руководитель проекта). Игорь Волгин. Родные и близкие. Историко-биографические очерки / И. Волгин. — Москва : Фонд Достоевского, 2013. — 1223 с.
- 2 *Коростелев, Н., Недоступ, А.* Тихий уголок Марьиной рощи / Н. Коростелев, А. Недоступ // Московский журнал. История государства Российского. — 2002. — № 9. — Сентябрь. — Режим доступа: <http://www.mosjour.ru/index.php?id=1281> (дата обращения: 01.12.2014).
Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского : 1821–1881 : в 3 т. — Т. 1 : 1821–1864. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1993. — 546 с.

Павел Евгеньевич Фокин*

*кандидат филологических наук,
Государственный литературный музей,
ведущий научный сотрудник
(Москва, Российская Федерация)
pfokin@mail.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.2

«БРАТА МОЕГО Я ЛЮБИЛ БЕСКОНЕЧНО»

**Выставка Государственного литературного музея
к 150-летию со дня смерти М. М. Достоевского
в «Музее-квартире Ф. М. Достоевского».
(Москва, ул. Достоевского, д. 2).
25 сентября — 25 декабря 2014 г.**

Аннотация: Литературное наследие Михаила Михайловича Достоевского (1820–1864) невелико и представляет интерес только для специалистов. Гораздо значимее для русской и мировой культуры его личность — он был братом (почти ровесником), другом и единомышленником гения. Отношения с ним были для Ф. М. Достоевского важным элементом его биографии и духовной личности. Михаил был первым и долгие годы единственным собеседником Ф. М. Достоевского. Не менее значима его роль как адресата писем Ф. М. Достоевского. В брате Михаиле Достоевский видел не только друга, но и делового партнёра. Наиболее успешным литературным предприятием братьев стало издание журнала «Время» (1861–1863), инициатором и владельцем которого стал М. М. Достоевский. После смерти М. М. Достоевского его семья стала предметом постоянной заботы Ф. М. Достоевского, что оказывало прямое и косвенное влияние на образ жизни писателя. В 2014 году исполнилось 150 лет со дня смерти М. М. Достоевского. В связи с этой датой Государственный литературный музей в «Музее-квартире Ф. М. Достоевского» подготовил выставку «Брата моего я любил бесконечно...». Это первая выставка, посвящённая личности и наследию М. М. Достоевского. Многие представленные экспонаты ранее никогда не демонстрировались.

Ключевые слова: М. М. Достоевский, брат, собеседник, адресат, деловой партнёр, Государственный литературный музей, выставка.

В сравнении с творческим наследием Ф. М. Достоевского вклад его старшего брата Михаила Михайловича Достоевского (1820–1864) в русскую (не говоря уж о мировой) литературу как писателя практически ничтожен.

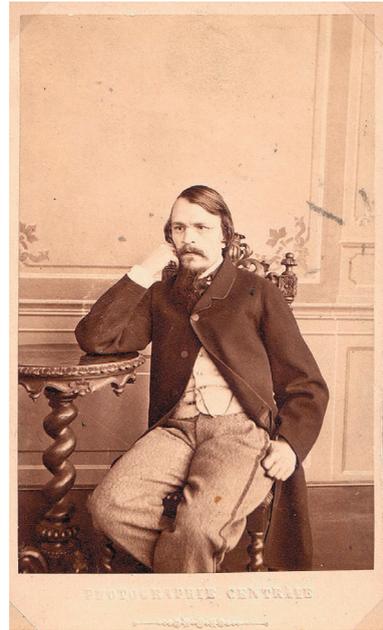
Его беллетристика, поэзия, драматургия, критика целиком остались в своём времени и представляют интерес исключительно и только для узких специалистов по истории русской литературы 1840-1850-х годов да ещё биографов Ф. М. Достоевского.

Зато роль личности Михаила Достоевского, её значимость и важность для мировой культуры по-настоящему до сих пор не оценена и не осмыслена. Его деликатная натура даже для специалистов по-прежнему остаётся в тени его великого брата, столь им любимого и столь любившего его. Чуть больший след оставила его переводческая деятельность. Созданные им переводы произведений Гёте, Шиллера, Гюго неоднократно переиздавались и были востребованы читателями и театром.

«Ежели бы знал ты, как необходимо для нас быть вместе, милый друг! — писал Ф. М. Достоевский брату 19 июля 1840 г. — Целые годы протекли со времени нашей разлуки. Клочок бумаги, пересылаемый мною из месяца в месяц — вот была вся связь наша; между тем время текло, время наводило и тучи и ведро на нас, и всё это протекло для нас в тяжком, грустном одиночестве; ах! ежели бы ты знал, как я одичал здесь, милый, добрый друг мой! любить тебя это для меня вполне потребность. Я совершенно свободен, не завишу ни от кого; но наша связь так крепка, мой милый, что я, кажется, сросся с кем-то жизнью» (281, 76)1.

Судьбой определено было Михаилу Достоевскому быть братом гения. Но не просто братом — у Достоевского, как известно, были ещё братья и сёстры, — но единомышленником и другом. Редкое сочетание. Достоевскому невероятно повезло. Братьев объединял не только возраст — они были почти ровесники, погодки, — но и сходные интересы. У них был общий строй души. Они были влюблены в литературу, страстно читали и страстно сами мечтали творить. Они жили в творческом союзе.

Михаил был первым и долгие годы единственным собеседником Достоевского. В их разговорах, совместных размышлениях, спорах формировалась личность писателя. Судя по запечатлённым в письмах раннего Достоевского фрагментам их полемики, у Михаила был свой ум и оригинальные представления о литературе, которые вызывали у его брата живую и эмоциональную реакцию (достаточно вспомнить «распеканцию», которую устроил он Михаилу по поводу Расина и Корнеля в письме от 1 января 1840 г.). Они не были во всём согласны друг с другом. Они были разные.

Но они слушали друг друга, старались слышать, убеждали и доказывали. Возможно, диалогический тип художественного высказывания в произведениях Достоевского, сам тип диалогического мышления выработался, в том числе, и в личном опыте его общения с братом, в многолетней практике интеллектуального спарринга.

Не менее значима, а для нас, возможно, ещё более ценна роль Михаила Достоевского как адресата писем. Только ему молодой Достоевский писал так откровенно, с таким душевным подъёмом и таким сосредоточением. Из них мы узнаём не только биографические подробности и жизненные обстоятельства Достоевского тех лет, не только круг его интересов и общения, не только творческие планы и замыслы (что само по себе бесценно!) — нам открывается личность Достоевского, её духовная и эмоциональная стороны. Достоевский не вёл дневника, и если бы не эти письма, мы бы навсегда были лишены возможности узнать душу юного гения.

Именно в письмах к Михаилу Достоевский формулирует важнейшие для него идейные и эстетические принципы, своё жизненное кредо.

Ему пишет Достоевский: «Познать природу, душу, бога, любовь... Это познается сердцем, а не умом. <...> Проводник мысли сквозь брентную оболочку в состав души есть ум. Ум — способность материальная... душа же, или дух, живёт мыслию, которую нашептывает ей сердце... Мысль зарождается в душе. Ум — орудие, машина, движимая огнем душевным... <...> Философию не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное — природа... Заметь, что поэт в порыве вдохновенья разгадывает Бога, след<овательно>, исполняет назначение философии. След<овательно>, поэтический восторг есть восторг философии... След<овательно>, философия есть та же поэзия, только высший градус ее!» (31 октября 1838 г.; 281, 53, 54).

Михаилу адресовано письмо со ставшими хрестоматийными словами: «Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (16 августа 1839 г.; 281, 63).

Брату поведаёт Достоевский о тех великих минутах своей жизни, когда он стоял на Семёновском плацу в ожидании скорого расстрела 22 декабря 1849 г. Это письмо бесценно тем, что написано спустя буквально час-другой после событий, это почти репортаж о «воскресении Лазаря» в режиме он-лайн: «Брат! я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да правда! та голова, которая создавала, жила высшею жизнью искусства, которая сознала и свыклась с возвышенными потребностями духа, та голова уже срезана с плеч моих. Осталась память и образы, созданные и еще не воплощенные мной. Они изъязвляют меня,

правда! Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и желать, и помнить, а это все-таки жизнь! *On voit le soleil!* (Видишь солнце! (фр.). – Ред.)» (281, 162).

С братом будет делиться Достоевский тем экзистенциальным опытом, который получит в Омском остроге: «Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его» (281, 173).

В брате Михаиле Достоевский видел не только друга, но и делового партнёра. Кооперация творческих усилий в целях достижения материальной обеспеченности привлекала Достоевского уже в 1840-е годы, когда он планировал совместные с братом переводы романа Э. Сю «Матильда» или издание сочинений Шиллера в переводе брата. «Судьба благословила меня идеею, предприятием, назови, как хочешь. Так как оно выгодно донельзя, то спешу тебе сделать предложение участвовать в трудах, риске и выгодах» (31 декабря 1843 г.; 281, 83).

Наиболее успешным литературным предприятием братьев стало издание журнала «Время» (1861-1863), инициатором и владельцем которого стал Михаил Михайлович, и если бы не его преждевременная смерть, то и возобновлённый в 1864 г. под названием «Эпоха» журнал уверенно продолжил бы своё существование. Во «Времени» Достоевский опубликовал окончание «Записок из Мёртвого дома» и роман «Униженные и оскорблённые», которые вернули его в ряды современной литературы и составили успех у нового поколения читателей. Задуманный Михаилом Михайловичем журнал стал своеобразной купелью зрелого Достоевского.

На страницах «Эпохи» были опубликованы «Записки из подполья», идейно-эстетическое новаторство которых стало возможным не в последнюю очередь благодаря и тому обстоятельству, что создавались они для своего журнала. И, конечно, читатели имели бы сегодня другой текст романа «Преступление и наказание», если бы он печатался под эгидой Михаила Михайловича. А навыки профессионального журналиста, полученные в работе над изданием журналов, пригодились Достоевскому спустя годы, когда он принялся за издание «Дневника писателя».

Не стоит забывать, что на страницах журнала Михаила Михайловича была оформлена концепция почвенничества, предложившего третий путь в обострившемся в те годы споре славянофилов и западников, концепция, которая и сегодня сохраняет свой идеологический потенциал. «Мысль его состояла в том, — писал Достоевский в некрологе, — что нужен свежий литературный орган, независимый от обязательных журнальных преданий, вполне самостоятельный, чуждый партий, чуждый застарелых, преемственных и почти бессознательных антипатий, не поклоняющийся авторитетам и совершенно беспристрастный. С другой стороны, необходимо обращение к народности, к началам народным и возбуждение оторвавшегося от почвы общества к изучению народа нашего и к уверованию в прав-

ду основных начал его жизни. Михаил Михайлович был убежден, что все неудачи русского общества, вся бесхарактерность некоторых слоев русской народности происходит именно от разлагающего, ленивого и апатичного нашего космополитизма, доведшего нашу разобщенность с почвой до равнодушия к ней, до смешного непонимания ее и даже — в иных индивидах — до какого-то как бы обязательного, почти хвастливого принципа не понимать и не признавать ее вовсе» (20, 121).

Смерть брата, пришедшаяся на один год со смертью первой жены, стала для Достоевского тяжёлым ударом: «И вот я остался вдруг один, и стало мне просто страшно, — признавался он в письме Е. А. Врангелю 31 марта 1865 г. — Вся жизнь переломилась разом надвое. В одной половине, которую я перешел, было все, для чего я жил, а в другой, неизвестной еще половине, все чуждое, все новое и ни одного сердца, которое бы могло мне заменить тех обоих. Буквально — мне не для чего оставалось жить. Новые связи делать, новую жизнь выдумывать! Мне противна была даже и мысль об этом. Я тут в первый раз почувствовал, что их некем заменить, что я их только и любил на свете и что новой любви не только не наживёшь, да и не надо наживать. Стало все вокруг меня холодно и пустынно» (282, 116–117).

Семья брата, его вдова, Эмилия Фёдоровна, и дети — Фёдор (1842), Мария (1844), Михаил (1846), Екатерина (1853), Варвара (1855), стали для Достоевского предметом первостепенной заботы: «Я у них остался единой надеждой, и они все — и вдова, и дети сбились в кучу около меня, ожидая от меня спасения. Брата моего я любил бесконечно; мог ли я их оставить?» (282, 117).

Когда-то, в 1841 г., посылая брату, оказавшемуся накануне свадьбы без средств, 150 рублей, Достоевский писал: «Милый, милый мой! Если бы ты знал, как я счастлив, что могу хоть чем-нибудь помочь тебе! <...> Но боже мой. Как же несправедлив ты, мой милый бесценный друг, когда пишешь подобные слова – займы – заплачу. Не совестно ли, не грешно ли, и между братьями! Друг мой, друг мой, неужели ты не знаешь меня. Не этим могу я для тебя пожертвовать!» (281, 7879). Долги, оставшиеся по журналу, Достоевский добровольно принял на себя, принеся в жертву собственное благополучие, здоровье, нервы: «...я охотно бы пошёл опять в каторгу на столько же лет, чтоб только уплатить долги и почувствовать себя опять свободным» (282, 119). И не была ли рулетка следствием финансового кризиса, вызванного прекращением «Эпохи» ввиду смерти Михаила Михайловича?

В 2014 году исполнилось 150 лет со дня смерти Михаила Михайловича Достоевского. В связи с этой датой Государственный литературный музей подготовил выставку «Брата моего я любил бесконечно...», открывшуюся 29 сентября в «Музее-квартире Ф. М. Достоевского», в доме, под крышей которого братья провели почти пятнадцать лет.

Это первая выставка, посвящённая личности и наследию М. М. Достоевского. Несмотря на небольшой объём (три витрины и развеска на двух стенах), она представляет интерес своим составом. Многие представленные на ней экспонаты ранее никогда не демонстрировались.

Настенной развеской экспозиционно акцентированы две темы: «М. М. Достоевский — адресат писем Ф. М. Достоевского» и «М. М. Достоевский — издатель журналов “Время” и “Эпоха”».

Первая тема представлена триптихом, центральная часть которого — муляж (с оригинала РГБ) письма Ф. М. Достоевского брату от 22 декабря 1849 г. из Петропавловской крепости (три листа).

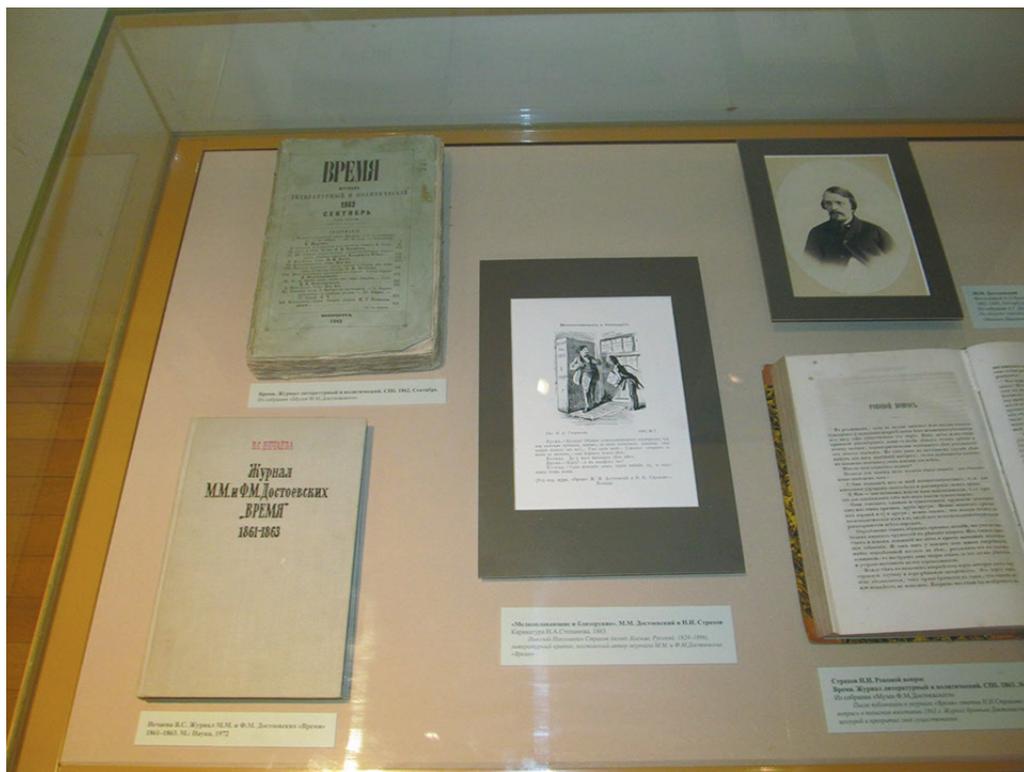
Как известно, Достоевский после возвращения из каторги и ссылки снял копию с этого письма, которую хранил, вместе с несколькими другими реликвиями, в том самом Евангелии, которое подарили ему в 1850 г. в Тобольске жёны декабристов и с которым он никогда не расставался. Это письмо — своеобразная «дополнительная глава» Евангелия, написанная Жизнью и рабом Божиим Феодором.

Помимо всего привлекает в этом письме особая сердечная привязанность Достоевского к брату: «Я стоял шестым, вызывали по трое, следовательно, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты.

Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; <...> я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый!» (281, 161). Трогательна его забота: «Я боюсь, что тебе как-нибудь был известен наш приговор (к смерти). Из окон кареты, когда везли на Семён<овский> плац, я видел бездну народа; может быть, весть уже прошла и до тебя, и ты страдал за меня. Теперь тебе будет легче за меня». (281, 162). Знаменательно восклицание «On voit le soleil!» (281, 162) — усечённая цитата из повести В. Гюго «Последний день приговорённого к смертной казни». Несомненно, её вспомнит Михаил Михайлович, когда десять лет спустя будет переводить повесть на русский язык (опубликовано в журнале «Светоч» (1860) — представлена на выставке).

Левая и правая части «триптиха» — оригиналы известных карандашных портретов М. М. Достоевского (1848–1849) и Ф. М. Достоевского (1847), выполненные художником К. А. Трутовским.

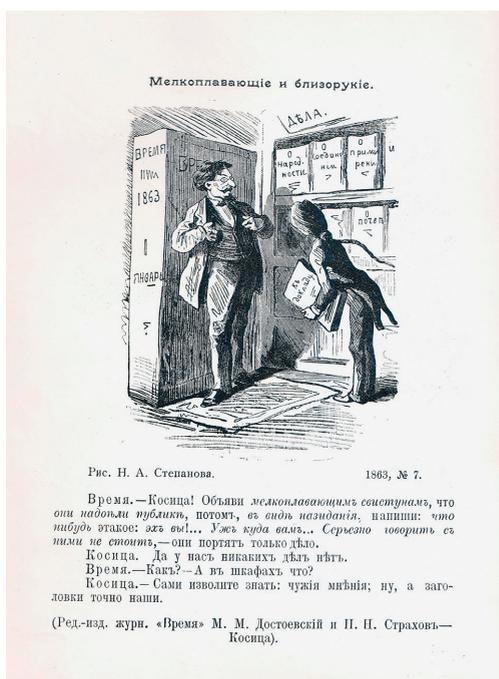
Тема «М. М. Достоевский — издатель журналов “Время” и “Эпоха”» также представлена настенным «триптихом» и дополнена витриной. В центре триптиха — фотокопии обложек журналов «Время» и «Эпоха» (в одной окантовке), слева — портрет Ф. М. Достоевского (Литография П. Ф. Бореля. 1862. По фотографии 1861 г.), справа — портрет М. М. Достоевского (С гравюры П. Ф. Бореля. По фотографии А. О. Баумана. 1862–1863. Выставлена впервые). В витрине — журналы «Время» (1862, Январь и 1863, Апрель)

и «Эпоха» (1864, Июнь, со статьёй-некрологом Ф. М. Достоевского «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском»). Апрельский выпуск журнала «Время» за 1863 г. раскрыт на статье Н. Н. Стрхова «Роковой вопрос», послужившей причиной закрытия журнала. Рядом — карикатура Н. А. Степанова «Мелкоплавающие и близорукие. М. М. Достоевский и Н. Н. Стрхов» (1863). В центре витрины — портреты М. М. Достоевского (фотографии А. О. Баумана. 1862–1863). В витрине также представлены книги В. С. Нечаевой, организатора и создателя «Музея Ф. М. Достоевского» в Москве, «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских “Время”. 1861–1863. (М.: Наука, 1972) и «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских “Эпоха”. 1864–1865» (М.: Наука, 1975).

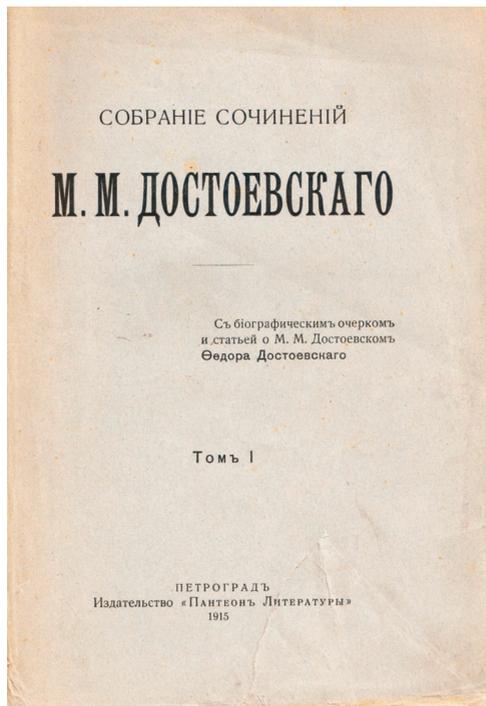
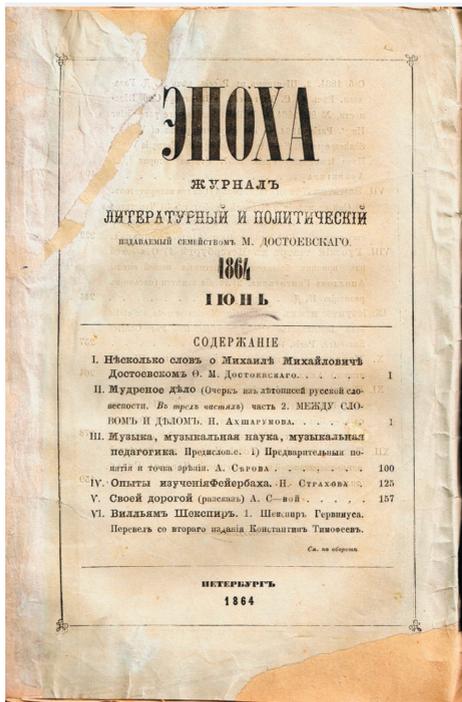

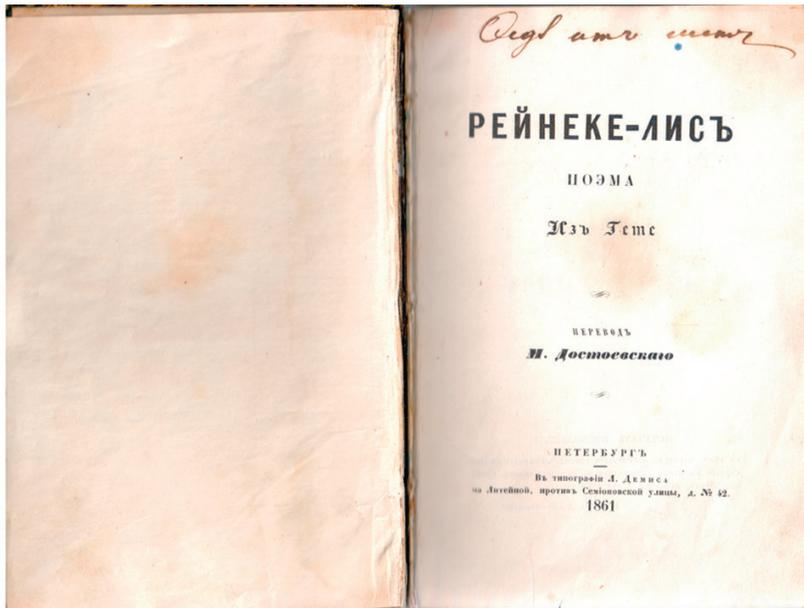
М. М. Достоевский

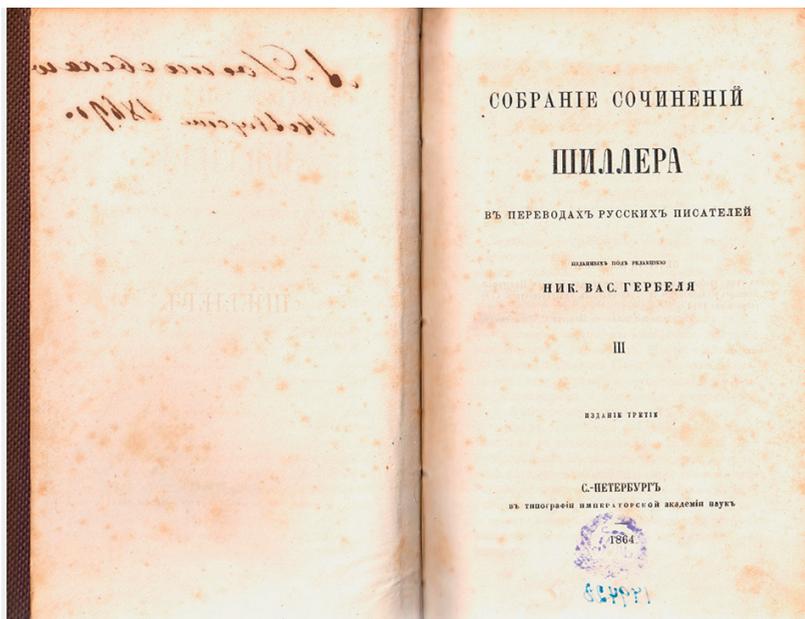
Карикатура Н. А. Степанова
«Мелкоплавающие и близорукие»

Ещё одна витрина представляет литературное наследие М. М. Достоевского. В ней представлены издания: «Отечественные записки» (СПб. 1848. Т. 50 — с переводом поэмы И. В. Гёте «Рейнеке-Лис»; в этом же номере опубликована повесть Ф. М. Достоевского «Слабое сердце»; СПб. 1848. Т. 56 — с повестью «Господин Светёлкин» (СПб., 1851. Т. 76. — с комедией «Старшая и меньшая»), «Светоч. Учено-литературный журнал, издаваемый Д. И. Калиновским» (СПб., 1860. Кн. 3 — с переводом повести В. Гюго «Последний день приговорённого к смерти»), Гёте И. В. «Рейнеке-Лис. Поэма из Гёте.

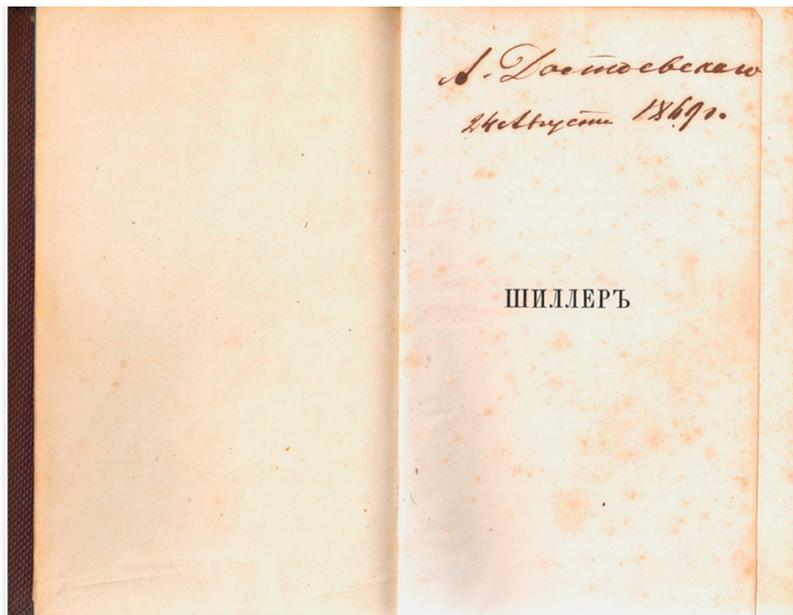

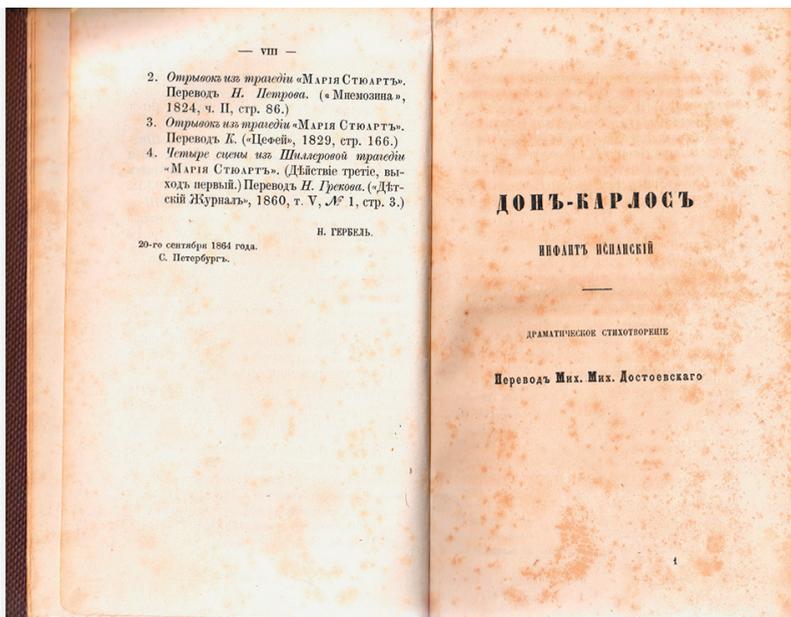
И. В. Гёте «Рейнеке-Лис. Поэма из Гёте. Перевод М. Достоевского»

Ф. Шиллер «Собрание сочинений в переводах русских писателей» 1864 г.
Авантитул

Ф. Шиллер «Собрание сочинений в переводах русских писателей» 1864 г.
Титул

Ф. Шиллер «Собрание сочинений в переводах русских писателей» 1864 г.
Шмуцтитул

Перевод М. Достоевского» (СПб.: в тип. Л. Демиса, 1861. Из собрания «Музея Ф. М. Достоевского». На титульном листе дарственная надпись М. М. Достоевского сыну Федору: «Өедѣ отъ меня»), Ф. Шиллер «Собрание сочинений в переводах русских писателей» (под ред. Н. В. Гербея. Изд. 3. Т. 3. СПб.: в тип. Император. Академии Наук, 1864. На авантитуле владельческая надпись А. М. Достоевского), Достоевский М. М. Собрание сочинений» (в 2 т. Пг.: Пантеон литературы, 1915. Т. 12. Из собрания «Музея Ф. М. Достоевского»).

Книжные издания сопровождается иллюстративный материал того времени: Кракер «Портрет Фридриха Шиллера» (середина XIX в. Гравюра), К. Мейер «Иллюстрация к драме Ф. Шиллера “Дон Карлос”» (около 1855. Гравюра), Кракер «Портрет Иоганна Вольфганга фон Гёте» (середина XIX в. Гравюра), А. Шлейх по рисунку В. Каульбаха «Иллюстрация к поэме И. В. Гёте “Рейнеке-Лис”» (1846 (?) Гравюра).

В центре витрины — прежде не выставлявшийся портрет М. М. Достоевского конца 1850-х гг., фотография, пройденная акварелью:

М. М. Достоевский. Портрет конца 1850-х гг.

Третья витрина — своеобразный «семейный альбом» М. М. Достоевского. Прежде всего привлекает внимание цветная миниатюра на кости 1855 г., на которой Эмилия Фёдоровна Достоевская изображена в окружении всех своих детей, которых на тот момент в живых было шестеро.

М. М. Достоевский.
(Начало 1860-х гг.)

М. М. Достоевский-младший

Варвара и Екатерина Достоевские
с гувернанткой

Екатерина Михайловна
Достоевская

Варвара (Лелюша) Достоевская

Мария Михайловна Достоевская

*Федоръ Михайловичъ
Достоевскій,
племянникъ О. М. Достоевскаго.*

Ф. М. Достоевский-младший и его жена Валентина

В центре витрины — фотографии М. М. Достоевского (фотография. Начало 1860-х гг. СПб. Из собрания А. Г. Достоевской, № 3301а. Внизу на паспорту чернилами надпись А. Г. Достоевской: «М. М. Достоевскій») и Э. Ф. Достоевской (фотография Л. Ключера. 1879–1880. СПб. Из альбома А. Г. Достоевской). Персональными портретами представлены дети М. М. Достоевского: Михаил Михайлович-младший (фотография Грибоедова. II пол. 1870-х гг. СПб. Из альбома А. Г. Достоевской), Мария Михайловна (фотография ок. 1860 г. СПб.), Екатерина Михайловна (фотография Н. Абрагамсона. Конец 1860-х — начало 1870-х гг. СПб. Из альбома А. Г. Достоевской), Варвара (Лелюша) (фотография, пройдена акварелью и лаком. Ок. 1860 г. СПб.), Варвара и Екатерина с гувернанткой Маргаритой (фотография начала 1860-х гг. СПб.), Фёдор Михайлович-младший с женой (из собрания А. Г. Достоевской, № 3312. На паспорту внизу чернилами надпись А. Г. Достоевской: «Еоодоръ Михайловичъ Достоевскій, племянникъ Э. М. Достоевскаго»). Здесь же портрет многолетнего друга братьев Достоевских с 1840-х гг., врача, мемуариста Степана Дмитриевича Яновского (1815–1897) с дарственной надписью на бланке внизу под изображением: «Емилиі Еодоровнѣ и Михаилу Михайловичу на память дружбы. 1861 годъ» (фотография С. Л. Левицкого. 1861 г. СПб.).

В этой же витрине представлен единственный, состоящий в фондах Государственного литературного музея, архивный документ, касающийся биографии М. М. Достоевского — «Патент на чин прапорщика...», выданный ему 26 ноября 1842 г.: Таким образом, благодаря выставке Государственного литературного музея «Брата моего я любил бесконечно» Михаил Михайлович Достоевский на несколько месяцев вернулся в родной дом, а мемориальная экспозиция «Музея-квартиры Ф. М. Достоевского» дополнилась новыми темами и образами.

ПРИМЕЧАНИЯ

* © П. Е. Фокин, 2014

¹ Цитаты из произведений Ф. М. Достоевского даются по изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Л.: Наука, 1972–1991. В тексте после цитаты в скобках указаны номера тома и страниц.

Татьяна Николаевна Шипова

*Государственный литературный музей,
хранитель фондового отдела,
(Москва, Российская Федерация)
shipovatn@mail.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.12

М. М. ДОСТОЕВСКИЙ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКОЙ ПЕРИОДИКИ XIX ВЕКА)

Аннотация: В 1850-е годы старший брат Ф. М. Достоевского Михаил Михайлович Достоевский (1820–1864) занялся предпринимательством и открыл в Санкт-Петербурге табачную фабрику и магазин. Одной из новаций М. М. Достоевского-предпринимателя стали бонусы для оптовых покупателей в виде «сюрпризов». Новшество было отмечено российской прессой. Данная публикация представляет собой подборку газетных материалов (отклики, рекламные объявления и др.), посвящённых табачным изделиям фабрики М. М. Достоевского. Часть материалов впервые была опубликована в вестнике музейной жизни Государственного литературного музея «Звено 2008» (Шипова Т. Н. Забытые факты. М., 2009). В настоящую, расширенную, публикацию включены газетные статьи, размещённые Т. Н. Шиповой в последующие годы.

Ключевые слова: М. М. Достоевский, предприниматель, табачная фабрика, газетные отклики

1

Вести из мира промышленности и торговли (Санкт-Петербургские Ведомости. 1852. № 239. 24 октября. С. 965–966)

Всякое усовершенствование в промышленности, всякое добросовестное начинание всегда найдет в нас ценителей; на этом основании считаем долгом замолвить перед читателями доброе слово о новой фабрике папирос М. Достоевского, только что открытой¹.

Дороговизна хороших сигар и неудобства трубки сделали папиросы предметом общего употребления; следовательно, известие наше будет иметь общий интерес.

Так как папиросных фабрик много и каждая старается привлечь внимание покупателей на свою сторону, то очень естественно, что каждая старается также перещеголять своих соперниц; роскошью коробок, обстановкою магазина, дешевиною.

Г. Достоевский решил устроить свою фабрику так, чтобы публика ничего не теряла.

«Фабриканты, сказал он, уступают одним только торговцам, а если я буду уступать публике так же, как уступают торговцам, то торговцы

не будут забирать у меня, и я лишусь средства распространять свой товар; надо, следовательно, придумать такую уступку для публики, которая не вредила бы торговцам».

Г. Достоевский придумал следующее. В каждый из ящиков в 250 штук папирос его фабрики вкладывается, в виде уступки, сюрприз, то есть какая-нибудь вещь, относящаяся к дамскому туалету, к письменному столу или вообще какая-нибудь модная вещица, как-то: вышитые воротнички, браслеты из лент, серебряные вещицы для шитья, ножи для разрезания книг.

Все вещи выписываются г. Достоевским из-за границы в большом количестве, следовательно, он приобретает их по весьма дешевой цене.

Не сомневаемся, что фабрика г. Достоевского будет иметь у нас огромный успех, тем более что папиросы его нисколько не хуже других и готовятся из чистых табаков, без всякой к ним примеси.

2

Петербургская жизнь (письмо в редакцию «Московских Ведомостей»)

Новые папиросы (Московские Ведомости. 1852. № 129. 25 октября. С. 1329)

Среди толков о Лаблаше и цирке, где явился чудовищный фокусник, Араб из Тлемсена, страны, прилегающей к Орану; змей пустыни как его прозвали земляки; среди толков о холере, которая вдруг напугала Петербург, но после двух-трех случаев затихла, в одно прекрасное утро мы получили объявление на розовой бумаге и собрав по нем должные справки, сообщаем читателям известие о литературных папиросах, принадлежащих автору многих повестей, критических рецензий, очерков, романов и комедий. Мы говорим с позволения их автора, о сочинителе повестей «Белые ночи», «Тёмный человек», о переводчике «Дон Карлоса» Шиллера и «Рейнеке-Фукс» Гёте, о сочинителе комедии, имевшей успех в Петербурге, «Старшая и Меньшая» о сочинителе статьи «Жуковский и его романтизм» мы говорим о М. М. Достоевском, который теперь дарит Русскую публику другими произведениями папиросами.

Эти папиросы в объявлении названы так: «Папиросы с сюрпризами; фабрики Михаила Достоевского». В каждом ящичке вы находите, вместе с папиросами, либо вышитые воротнички, либо браслеты из лент, либо широкие ленты для галстучков, либо серебряные вещицы для шитья, перламутровые ножики для разрезания книг, порткрейны, модные принадлежности для письменного стола, лорнетки, бинокли, порт-сигары, порт-моне, словом, всякого рода самые модные и милые подарки! Вы спро-

сите, почему возможна такая щедрость, и не повредит ли это достоинству самих папирос, их отделки, табаку и бумаги? А в этом-то и секрет; здесь все дело в коммерческом расчете; оно может выразиться в двух словах: фабрикант вместо того, чтоб делать уступку процентов мелким торговцам, употребляет эти проценты на сюрпризы, распродавая свои папиросы в собственном великолепном магазине, на Невском проспекте, между Литейною и Грязною улицами, в доме Логинова. Магазин помещается в новоотделанном доме, в первом этаже, окнами на проспект; мебель, шкафы и столы отделаны со всею роскошью, под лакированный дуб; за стеклами стоят в разрисованных картонажах папиросы, сигары и табак.

Фабрика помещается на углу Екатерининского канала и Малой Мещанской, в доме Пономаревой. Помещение фабрики, чистота зал, порядок между сотнями рабочих и работниц, выбор заграничных сортов табаку, всё заслуживает полной похвалы.

Многие из покупателей тут же распечатывают ящики и, куря купленные папиросы, любят сюрпризами. Мы были свидетелями, как один господин распечатал покупку и вынул из угла ящика, из особенного потайного помещения в нём, прекрасное порт-моне. Это его так заняло, что он купил ещё ящик папирос; в нём он нашел перламутровый ножик, в эмальированной оправе... Он купил ещё три ящика, вынул из них блондовый воротничок, пару лайковых перчаток, и превосходный заграничный перочинный ножик о семи лезвиях. Он вышел из лавки, запасшись почти полутора тысячью папиросами в роскошных картонажах с пятью сюрпризами, которые тут же сам оценил в четыре рубля серебром. По словам многих знатоков, папиросы на этой фабрике делаются из настоящей белой и жёлтой Французской бумаги самого нежного и тонкого сорта, из лучших Мариландских и Турецких табаков, без всякой примеси; без присыпки в них, для дешевизны, Крымского, Испанского и других Европейских табаков. Ящики с сюрпризами заключают в себе 250 штук папирос, как мы уже сказали. Вещи, составляющие сюрпризы заграничные. Фабрика, получая их из иностранных кладовых оптом и платит поэтому гораздо дешевле того, как они продаются в магазинах, приобретает возможность делать покупателям такие сюрпризы. В ящики с высшими сортами папирос вкладываются и вещи ценнее. Такие ящики, в 250 штук, исключительно продаются в одном магазине г. Достоевского. В этом же магазине, кроме папирос, продаются ещё лучшие гаванские сигары. Иногородние покупатели, выписывающие папирос не менее тысячи и сигар не менее пяти сот, за пересылку ничего не прилагают; иначе с сотни берется 10 коп. серебром за пересылку. Тем же, которые для торговли выпишут папирос не менее десяти тысяч штук, не только не поставляется в обязанность платить за пересылку, но ещё делается уступка в 15%.

3

Сюрпризы к праздникам
(Санкт-Петербургские Ведомости. 1853. № 81. 11 апреля. С. 230)

В магазине первоначальных папирос с сюрпризами М. Достоевского, на Невском Проспекте, между Литейной и Грязной, в доме Логинова, поступили в продажу папиросы с сюрпризами, нарочно выписанные из-за границ, для подарков к праздникам. Особенно рекомендуются такими сюрпризами ящики в 3 рубля 75 к. и в 7 руб. 50 к. Там же большой выбор разных галантерейных вещей для подарков, отличающихся возможно умеренными ценами.

4

Московская летопись

Папиросы с сюрпризами
(Санкт-Петербургские Ведомости. 1854. № 161. 23 июля. С. 780)

Давно я собирался попенять известному в Петербурге производителю папирос М. Достоевскому за его невнимание к здешним потребителям папирос. Все петербургские фабриканты имеют здесь свои депо и склады, но папирос Достоевского вы не отыщете НИГДЕ, если не наткнетесь случайно на один весьма скромный табачный магазин в Кузнецком Переулке. Хозяин этого магазина, по требованию своих знакомых, решился выписывать папиросы Достоевского, но и то в самом ограниченном количестве, между тем как каждый транспорт их разбирается нарасхват. Я забыл сказать, что и этот хозяин выписывает только один сорт папирос, слабый мариланд, а других не оказывается нигде. К тому же соблюдение магазинщиками собственных выгод может повредить Достоевскому в мнении здешней публики. Не желая платить значительной суммы за провоз, хозяин магазина получает из Петербурга самые неполновесные ящики, так что все сюрпризы, которыми Достоевский так щедро награждает петербургских любителей, являются здесь в самых ничтожных вещичках. Здесь, конечно, есть и свои папиросы с сюрпризами; но все они много уступают качеству папиросам Достоевского, как и самые сюрпризы.

В минувшем году один здешний фабрикант пустил было в ход папиросы с сюрпризами, которые действительно оправдали это название, но к счастью эти папиросы были немедленно уничтожены.

Его папиросы имели форму обыкновенных, но, по приближении к огню, хлопали и били фонтанчиком разноцветных огней, на манер римской свечи. Не правда ли, что подобная папироска сама составляла довольно

приятный сюрприз, особенно для того, к кому могла быть обращена во время закуривания?

14 июля. Корреспондент.

5

(Санкт-Петербургские Ведомости. 1854. № 209. 21 сентября. С. 1022)

Фабрика папирос и табаку М. Достоевского в С.-Петербурге.

На углу Малой Мещанской и Екатерининским каналом, дом Пономаревой
Магазины:

- 1) На Невском Проспекте, между Владимирской и Грязною, дом Логинова.
- 2) У Каменного моста, дом графини Орловой-Денисовой.
- 3) При самой фабрике.

В Москве склад товаров М. Достоевского находится в магазине: Г. П. И. Аршаулова, на Никольской, в доме Богоявленского монастыря и братьев Красильниковых, на Никольской же, в доме Чижевского подворья.

6

(Санкт-Петербургские Ведомости. 1855. № 44. 26 февраля. С. 212)

Первоначальные папиросы с сюрпризами фабрики М. Достоевского в С.-Петербурге.

Фабрика в Малой Мещанской, в доме Пономаревой.

Магазины: на Невском проспекте, между Владимирской и Грязною, в д. Логинова, и при самой фабрике.

Гг. иногородние благоволят адресовать просто: на фабрику табаку и папирос Господина Достоевского в С. Петербурге.

7

(Санкт-Петербургские Ведомости. 1856. № 149. 6 июля. С. 840)

Сигары фабрики М. Достоевского в С. Петербурге.

Фабрика: в Малой Мещанской, в доме Пономаревой.

Магазины: при самой фабрике и на Невском Проспекте, между Владимирской и Грязною, в доме Логинова.

Огромный успех папирос М. Достоевского и неоднократные требования публики заставили фабрику в начале прошлого года приступить к выделке сигар.

Начиная это новое предприятие, фабрика имела преимущественно ввиду соперничать с гамбургскими и бременскими сигарами, продающимися по огромной цене большею частью за настоящие, гаванские.

Будучи вполне уверена, что в России можно выделывать сигары, несколько не уступающие в достоинствах заграничным, фабрика, для этой цели, выписала из Гаваны лучшие сорта тамошних табаков, подвергла их самой тщательной сортировке и теперь предлагает публике: совершенно вылежавшиеся, более чем годовые сигары.

Фабрика, употребив на это предприятие значительный капитал, несмотря на то, что он более года оставался без движения, предлагает свои сигары по возможно дешевым ценам относительно их качества.

В заключение: фабрика надеется, что многочисленные покупатели ее вспомнят, что в продолжение четырех лет своего существования она ни разу не употребила во зло их доверие, что она первая стала делать значительную уступку публике на папиросы или в виде сюрприза или деньгами, и что она постоянно стремилась к улучшению своего товара. Все это позволяет фабрике думать, что и новое ее предприятие заслужит себе такую же добрую славу, какую пользуются ее папиросы и табак.

Re galia Habaner	100 шт.	8 р.
Re galia Media	100 шт.	6 р.
El pouro Habanera	100 шт.	5 р.
La Famu	100 шт.	3 р.
La Leontina	100 шт.	3 р.
Amores (неб. форм)	100 шт.	3 р. 80
Naturalia	100 шт.	3 р. 80

8

(Санкт-Петербургские Ведомости. 1858. № 50. 5 марта. С. 286)

Магазин табаку, сигар и папирос М. Достоевского переведен на Полицейский Мост, в дом Фольборта, № 6, против Малой Морской.

Прежний магазин М. Достоевского на Невском Проспекте в доме Логина поступил в другие руки и фабрика за его действия не отвечает.

9

(Санкт-Петербургские Ведомости. 1859. № 40. 19 февраля. С. 147)

Магазин М. Достоевского, на Невском проспекте, № 6, против Малой Морской.

1) Совершенно новые сюрпризы, полученные на днях, из Парижа, Лондона и из разных мест Германии, вкладываются в ящики в 250 штук папирус. Цена таким ящикам 2 р. 30 к. и 4 р. 37 к.

2) Турецкие табаки Константинопольской резки, полученные прямо из Константинополя в фунтовых коробках под привозную бандеролью: Самсон, Бафра, Дюбек, Султанский легкий.

Цены: 3 р., 2 р. 50 к. и 2 р. 25 к. за фунт.

3) Большой выбор настоящих гаванских сигар.

Фабрика М. Достоевского сделала опыты прямой выписки их из Гаваны.

Названия: Lady, La Doma, Figaro, Floria, Flor de Cabbannas, Senoritas el Leon, Ambroria, Cabbannas Carrojal...

4) Табаки собственного изделия, как крошеные, так и просеянные.

5) Сигары собственного изделия двухгодовалые.

Гг. иногородние благоволят адресовать свои требования на фабрику Господина Достоевского, в С. Петербурге; адрес фабрики известен.

10

(Санкт-Петербургские Ведомости. 1860. № 2. 3 января. С. 10)

Первоначальные папиросы с сюрпризами фабрики М. Достоевского.

Магазин на Невском проспекте, в доме Фольборта, № 6 против Малой Морской.

Новый и разнообразный выбор сюрпризов, полученных из-за границы с последним пароходом. Сюрпризы состоят преимущественно из вещей мужского и дамского туалетов, перламутровых и фарфоровых изделий, разных паперти, шарфиков, вуалей, галстухов, небольших несессеров, разных письменных принадлежностей и пр.

Сюрпризы эти вкладываются безденежно, в виде премии, в ящики в 250 шт. папиросов. Цена ящикам 2 р. 30 к. и 4 р. 37 к. серебром, смотря по качеству папирос и сюрпризов. Нередко попадают сюрпризы, ценностью своею превышающие ценность самих папирос. Что касается папирос, то они давно уже оценены публикою; в последнее же время фабрика и в них сделала значительные улучшения.

Желающие купить ящик в 250 штук папирос без сюрприза получают 50 коп. уступки и платят вместо 2 р. 30 к. только 1 р. 80 к.

Иногородние благоволят адресоваться на фабрику папирос и сигар г. Достоевского в С. Петербурге, не прибавляя никакого другого адреса; место помещения фабрики известно Почтамту. Все требования исполняются без малейшей задержки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фабрика папирос Михаила Достоевского находится на углу Малой Мещанской и Екатерининского канала, в доме Пономаревой, а магазин на Невском Проспекте, между Литейной и Грязной, в доме Логинова.

Захаров Владимир Николаевич

*доктор филол. наук,
профессор кафедры русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
vnz01@yandex.ru*

Захарова Ольга Владимировна

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ovzakh05@yandex.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.3

**КТО АВТОР НЕКРОЛОГОВ ПО СЛУЧАЮ СМЕРТИ
МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО?**

Аннотация: В процессе изучения рецепции творчества Достоевского в прижизненной критике О. В. Захарова поставила вопрос об атрибуции некрологов и сообщений по случаю смерти М. М. Достоевского, опубликованных в русских газетах в июле 1864 г. Ряд признаков, таких как глубоко личное переживание горя, внутренняя сдержанность и достоинство стиля, делали некролог незаурядным явлением этого жанра в русской периодической печати 1860-х годов.

В данной статье доказывается принадлежность Ф. М. Достоевскому ряда материалов и опубликованного в «Иллюстрированной Газете» некролога. На это указывают обстоятельства болезни и смерти М. М. Достоевского, роль Ф. М. Достоевского в организации похорон, неизвестные или малоизвестные публике подробности жизни и смерти, творчества и редакторской работы старшего брата, смысловые и стилистические совпадения в рассказе о последних днях его жизни в некрологах, опубликованных в «Иллюстрированной Газете» (16 июля 1864 г.) и «Эпохе» (20 августа 1864 г.), в письмах Ф. М. Достоевского брату А. М. Достоевскому (29 июля 1864 г.) и другу А. Е. Врангелю (31 марта — 14 апреля 1865 г.). Участие в похоронах М. М. Достоевского редактора «Иллюстрированной Газеты» В. Р. Зотова способствовало публикации некролога: похороны состоялись в понедельник, газета выходила по четвергам. Передача текста могла состояться во время похорон, некролог Достоевский мог завести в редакцию во вторник-среду.

Ключевые слова: Федор Достоевский, Михаил Достоевский, Владимир Зотов, некролог, атрибуция

22 июля 2014 г. мало кто вспомнил, что 150 лет тому назад умер Михаил Михайлович Достоевский.

В публикации двадцатилетней давности один из соавторов данной статьи писал, что М. М. Достоевский — забытый писатель, имея в виду, что последнее его собрание сочинений вышло в 1915 г., о нем мало, кто вспоминал, а если и вспоминал, то зачастую лишь в связи с изучением биографии

и творчества его младшего брата Федора [1; 614].

За прошедшие с тех пор двадцать лет ситуация изменилась. «Забытый» писатель уже не забыт. Стараниями сотрудников Web-лаборатории филологического факультета Петрозаводского государственного университета опубликована большая часть его литературного наследия: художественные произведения, переводы, критика, публицистика, избранная переписка; все тексты доступны в Интернете, их можно свободно читать, копировать, изучать. <http://smalt.karelia.ru/~filolog/mdost/texts/letters/letters.htm>

Когда мы говорим о значении того или иного писателя, нужно иметь в виду, что не все из них гении. Есть писатели, которые гениев вдохновляют, влияют на них, являются их собеседниками, соратниками в общем литературном деле.

Замечательно о значении «обыкновенных талантов» сказал В. г. Белинский:

Михаи́ль Михаи́лович До́стоевский.

«Бедна литература, не блистающая именами гениальными, но не богата и литература, в которой все — или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы и чем больше их, тем лучше для литературы»¹.

ДВА БРАТА

Михаил Михайлович играл важную роль в судьбе младшего брата, причем не только при жизни, но и после смерти. В своих поздних романах, письмах, записных тетрадях Достоевский постоянно отмечает, что видел брата во сне. «Мих-Мих», как его звали в семейном кругу, был неизменным собеседником брата. Его явления во сне всегда вызывали у Федора Михайловича тревожные предчувствия².

Особое значение имеет переписка братьев, когда они, никогда прежде не расстававшиеся, были разлучены в связи с откомандированием Михаила в конце апреля 1838 г. на службу в Ревельскую инженерную команду.

Как гений, в 1830-е годы Достоевский прежде всего проявил себя в общении с братом, в эпистолярном жанре, в переписке. Сегодня его письма разобраны на цитаты, их воспринимают как сентенции великого человека, хотя их писал семнадцатилетний юноша.

Братья были разными по характеру. Михаил — сдержан, Федор — неукротим. Он живо впечатлялся мыслями и чувствами, бурно переживал их, зажигал ими окружающих.

Третий брат, Андрей, вспоминал: «Я припоминаю еще и другія слова отца, которыя служили не нравоученіемъ, а скорѣе остановкою и предостереженіемъ. Я уже говорилъ неоднократно, что братъ Федоръ былъ слишкомъ горячъ, энергично отстаивалъ свои убѣжденія, и вообще былъ довольно рѣзокъ на слова. При такихъ проявленіяхъ со стороны брата папенька неоднократно говаривалъ: “Эй, Федя, уймись, не сдобровать тебѣ... быть тебѣ подъ красной шапкой!” Привожу слова эти, вовсе не ставя ихъ за пророческія, — пророчество есть слѣдствіе предвидѣнія, отецъ же никогда и предположить не хотѣлъ и не могъ, чтобы дѣти его учинили что нибудь худое, такъ какъ онъ былъ въ дѣтяхъ своихъ увѣренъ. — Привель же слова эти въ удостовѣреніе пылкости братнина характера во время его юности»³.

Выражение «Быть под красной шапкой» означает «угодить в солдаты», что и случилось с Федором после выхода из каторги в середине 1850-х годов.

Михаил сочинял стихи, писал по несколько стихотворений в день. Однако почти ничего из его поэтических опытов не сохранилось. Уцелело только то, что сберег друг юности, доктор А. Е. Ризенкампф.

Федор также писал стихи, хорошо владел версификаторской техникой, но в них исчезла поэзия — оставались рифмованные мысли.

В прозе всё было наоборот. Когда Михаил писал прозу, в ней исчезала поэзия.

Федор был поэтом в прозе, Михаил — поэтом в стихах, оба — поэты.

Они прекрасно понимали и дополняли друг друга.

Без преувеличения можно сказать, что без Михаила не было бы Федора Достоевского.

Для Федора брат Михаил был самым близким человеком. Всё исчерпывают слова:

«Для такого брата, каким он был я и голову и здоровье отдам» (15.2; 80).

«Брата моего я любил бесконечно...» (15.2; 101).

Казалось бы, не во всем Михаил был безупречен.

Когда 23 апреля 1849 г. арестовали Федора и по ошибке Андрея, он «в панике» сжег рукописи — и брата, и свои: письма, документы, уничтожил все следы литературной деятельности. То немногое, что уцелело, сохранилось случайно.

С. Д. Яновский, например, всю жизнь жалел об утрате записки, в которой Федор уведомлял его, что «сильно занят сбором денег по подписке в пользу одного несчастного пропойцы, который, не имея на что выпить, а потом напиться и, наконец, опохмелиться, ходит по дачам и предлагает себя посещаться за деньги. Рассказ Федора Михайловича был верх совершенства в художественном отношении; в нем было столько гуманности, столько участия к бедному пропойце, что невольно слеза прошибала, но было не мало и того юмора и той преследующей зло беспощадности, которые были в таланте Федора Михайловича»⁴.

Так исчез архив Достоевского 1840-х годов [2; 287 296].

После выхода из каторги Федор недоумевал, почему брат слишком осторожно вел себя. Родственники других узников и к начальству с просьбами обращались, и хлопотали об ослаблении наказания, и деньги посылали. Михаил никак не проявил заботу о брате во время Омской каторги.

Федор был великодушен и не упрекал брата.

С братом они затеяли журнал, разделили успех и катастрофу «Времени», тревоги и заботы «Эпохи».

СМЕРТЬ БРАТА

Михаил Михайлович умер неожиданно. Все знали, что он болеет, и чем дальше, тем тяжесть болезни усиливалась, но никто не ожидал скоротечной смерти. Он по-прежнему много работал; живя на даче в Павловске, часто ездил по журнальным делам в Петербург, в конце июня, ослабев, засел на даче; в воскресенье 5 июля почувствовал облегчение, никто не предполагал «худого исхода»; узнав в понедельник вечером о цензурном запрещении одной статьи, не спал всю ночь, чувствовал себя плохо весь день,

вечером заснул, впал в беспамятство, «спал почти покойно и в пятницу 10 числа в семь часов утра скончался не проснувшись» (15.2; 79).

Возле больного Михаила Михайловича было несколько людей, которые находились при нем постоянно: приехавший из Петербурга брат Федор, старинный друг и сосед по даче Александр Милюков. В последние дни Федор был в Павловске безотлучно.

8 9 июля тот пишет пасынку Паше:

«Милый Паша, пришли мне белья. Брат при смерти. Не говори никому об этом. Я написал Коле. Я может быть на малое время буду в городе. Не говори никому» (15.2; 78).

Когда умер брат, у Достоевского не было помощников, все заботы легли на него:

«Семейство его оставалось буквально без всяких средств, хоть ступай по миру. Я у них остался единой надеждой и они все, и вдова и дети, сбились в кучу около меня, ожидая от меня спасения. Брата моего я любил бесконечно, мог ли я их оставить?» (15.2; 101).

Принимать все решения приходилось Федору.

«После брата осталось всего триста рублей и на эти деньги его и похоронили» (15.2; 101).

Одна запись в приходно-расходной книге по журналам «Время» и «Эпоха» обращает особое внимание: 10 июля был произведен расчет с редакцией газеты «Голос», которой было выплачено 15 руб. 60 коп.

	"	Достоевскому	20 "		
	"	Трипольскому	5 "		
	"	Кедровскому	19 20	14 07	90
25	Июль	Федорову за труды №5	100 "		
3		За Тавричан Давыдову	33		
		Давыдову	3		
		Трипольскому	15		
6		М. Трипольскому	10		
10		138 Голос	15 60		
		Итого.	176 60		

НИОР РГБ. Ф. 93.1.3.21. Л. 56.

Запись сделана рукой Федора Михайловича, который продолжил вести приходно-расходную книгу по журналу, отмечая приход с 25 июня, а расходы с 3 июля 1864 г.

Где и как произошел расчет?

Возможно, в этот день в Павловск приезжал сотрудник газеты (время визита могло быть назначено ранее), но скорее всего в Петербург выезжал

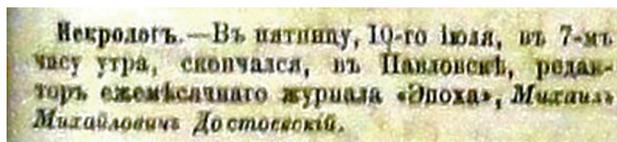
сам Федор Михайлович, чтобы устроить свои дела, принять меры по организации похорон.

Это обстоятельство объясняет, почему газета «Голос» раньше других (11 июля) опубликовала сообщение о смерти редактора «Эпохи», а 12 июля только в этой газете появилось извещение о времени и месте отпевания и похорон Михаила Михайловича.

Вот это первое сообщение:

«Некрологъ. — Въ пятницу, 10-го іюля, въ 7-мъ часу утра, скончался, въ Павловскѣ, редакторъ ежемѣсячнаго журнала “Эпоха”, Михаилъ Михайловичъ Достоевскій»⁵.

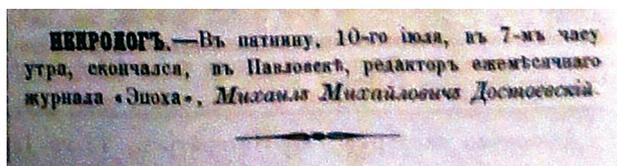
12 июля идентичный текст опубликовали газеты «Русский Инвалид»⁶, «Северная Пчела»⁷, «Петербургский Листок»⁸, со ссылкой на «Голос» дали сообщение «Санкт-Петербургские Ведомости»⁹, из чего следует, что организатор похорон не обращался в «академическую газету», как называли это издание в обиходе. Разночтения незначительны, их вариации объяснимы разными пристрастиями корректоров и метранпажей к оформлению текста.

Голос, 1864. № 189.

Русский Инвалид, 1864. № 155.

Петербургский Листок, 1864. 12 июля.

В своем изложении дали скорбную весть «Московские Ведомости»:

«Петербургскія газеты извѣщаютъ о смерти, послѣдовавшей 10-го іюля, редактора журнала Эпоха, Михаила Михайловича Достоевскаго (брата извѣстнаго романиста)»¹⁰.

Со значительным опозданием этот текст перепечатали «Кронштадский Вестник» (со ссылкой на «Голос»)¹¹, «Киевский Телеграф»¹², «Одесский Вестник»¹³.

Текст не оригинален в том смысле, что он воспроизводит типичную жанровую формулу: **когда где скончался имярек.**

Каким образом идентичный текст попал одновременно в несколько газет накануне похорон?

Очевидно, что опубликованный текст был кем-то написан и доставлен в редакции ведущих петербургских газет.

Кто это был вопрос риторический.

12 июля газета «Голос» сообщила:

«Отпѣваніе тѣла и погребеніе М. М. Достоевскаго будутъ происходить въ понедѣльникъ, 13-го іюля, въ Павловскѣ»¹⁴.

Кто был источником этой информации?

Всё свалилось на одного человека, у которого к тому же не было помощников.

13 июля состоялись похороны.

ПОХОРОНЫ

Этот день описан двумя очевидцами.

Первый — полицейский агент, который донес начальству:

«На похоронахъ бывшаго редактора журнала “Эпоха” М. Достоевскаго не произошло ничего особеннаго.

На кладбищѣ покойнаго сопровождали литераторы: Милюковъ, Полонскій, Зотовъ, Майковъ и Моллеръ. Постороннихъ лицъ было очень мало. Надгробной речи никто не говорилъ. Достоевскій похороненъ въ Павловскѣ». Слева на полях стоит помета: «13 іюля»¹⁵.

Так описаны похороны в полицейском отчете: ничего не случилось, не было даже надгробных речей, названы имена пришедших на кладбище литераторов.

После отпевания ни у кого не возникло желания говорить речи, это было общим состоянием всех, кто шел за гробом.

За молчанием близких скрывалась боль, за молчанием других — равнодушие. Немногие заметили смерть литератора, придали ей значение.

Имя второго очевидца в полицейском отчете не названо. По-видимому, агент не причислил его к литераторам, с почтением отнесся к А. В. Никитенко, к его генеральскому званию и его должностям в Главном управле-

нии цензуры и в совете министра внутренних дел по делам книгопечатания. Генерал, цензор, важный чиновник не внушал никаких подозрений.

Не названы, впрочем, и сам Федор Михайлович, и семейство покойного. А. В. Никитенко так описал этот день в своем дневнике:

«13 июля 1864 года, понедельник

На похоронах Достоевского (Михаила). Он умер от разлития желчи, 44 лет. Это был не столько замечательный литератор, сколько честный и добрый человек. Брат его Федор больше писатель: он сильно пострадал, был замешан в истории Петрашевского. Лет пять он провел на каторге. Я проводил бедного покойника на кладбище»¹⁶.

Хоронили М. М. Достоевского в душный июльский день:

«С балкона моей дачи я часто любовался хорошеньким леском на косогоре, по ту сторону Славянки. Оказалось, что этот лесок есть тихое вечное пристанище павловских обывателей. Вся церемония продолжалась с обедней часов больше двух. Жар был сильнейший, собиралась гроза, великолепные тучи наплывали с запада. Однако грозы не было. Я ни крошки не устал»¹⁷.

Через тринадцать лет и сам Никитенко обрел вечный покой на этом погосте.

НЕКРОЛОГ КАК РЕДАКЦИОННЫЙ ЖАНР «ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ГАЗЕТЫ»

Несколько дней спустя после похорон сначала в «Иллюстрированной Газете» (16 июля), потом со ссылкой на нее в «Русском Инвалиде» (17 июля) и «Северной Пчеле» (18 июля) появился еще один (пространный) некролог.

Можно предположить, что таким образом память о Михаиле Михайловиче почтил бывший на похоронах ее редактор В. Р. Зотов: вернулся, написал, опубликовал. Оба редактора, оба знакомы с конца 1840-х гг., оба были замешаны, но оправдались по делу Петрашевского, если не приятельствовали, то поддерживали личные и деловые отношения.

Некролог редакционный жанр «Иллюстрированной Газеты».

В программном объявлении «Иллюстрированная Газета в 1864 г.» среди многих рубрик значатся: «Разныя извѣстія во всѣхъ городахъ, мелкія фельетонныя статьи, некрологъ всѣхъ замѣчательныхъ лицъ, умирающихъ въ настоящее время, математическія задачи, моды, ребусы, шахматы, игры и проч.»¹⁸.

литературъ и журналь
Разныя извѣстія во всѣхъ городахъ, мелкія фельетонныя статьи, некрологъ всѣхъ замѣчательныхъ лицъ, умирающихъ въ настоящее время, математическія задачи, моды, ребусы, шахматы, игры и проч.

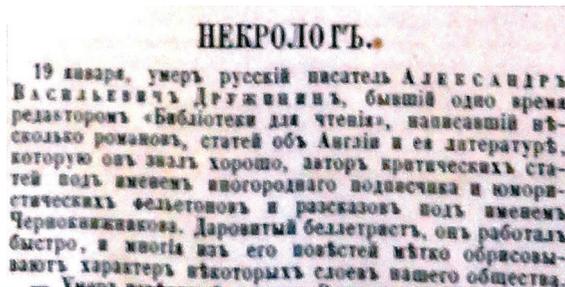
Редакция регулярно печатала сообщения о смертях именитых русских и иностранных деятелей. Они были написаны в соответствии с жанровыми установками издания: отчужденно, сухо, с использованием риторических штампов и заданных шаблонов.

Почти все некрологи анонимны, имеют редакционный характер. Исключение некролог по случаю смерти И. П. Сахарова¹⁹, подписанный инициалами «П. П.» и стилистически выбивающийся из общего ряда редакционных некрологов издания, которые чаще всего если не писал, то правил сам редактор издания.

У В. Р. Зотова бойкая, но штампованная литературная речь. Он набил руку в разных жанрах, пишет легко, подчас бесцеремонно, не особенно утруждая себя книжными разысканиями, не заботясь о логике, не считаясь с хронологией жизни умершего.

Вот как представлена смерть А. В. Дружинина:

«19 января, умеръ русскій писатель Александръ Васильевичъ Дружининъ, бывший одно время редакторомъ “Библиотеки для чтенія”, написавшій нѣсколько романовъ, статей объ Англіи и ея литературѣ, которую онъ зналъ хорошо, авторъ критическихъ статей подъ именемъ иногороднаго подписчика и юмористическихъ фельетоновъ и рассказовъ подъ именемъ Чернокушника. Даровитый беллетристъ, онъ работалъ быстро, и многія изъ его повѣстей мѣтко обрисовываютъ характеръ нѣкоторыхъ слоевъ нашего общества»²⁰.

Из того, что сказано, читатель узнает случайные факты, один из псевдонимов почившего литератора, поверхностное суждение автора некролога о репутации беллетриста, критика и фельетониста.

А вот некролог о другом писателе и редакторе:

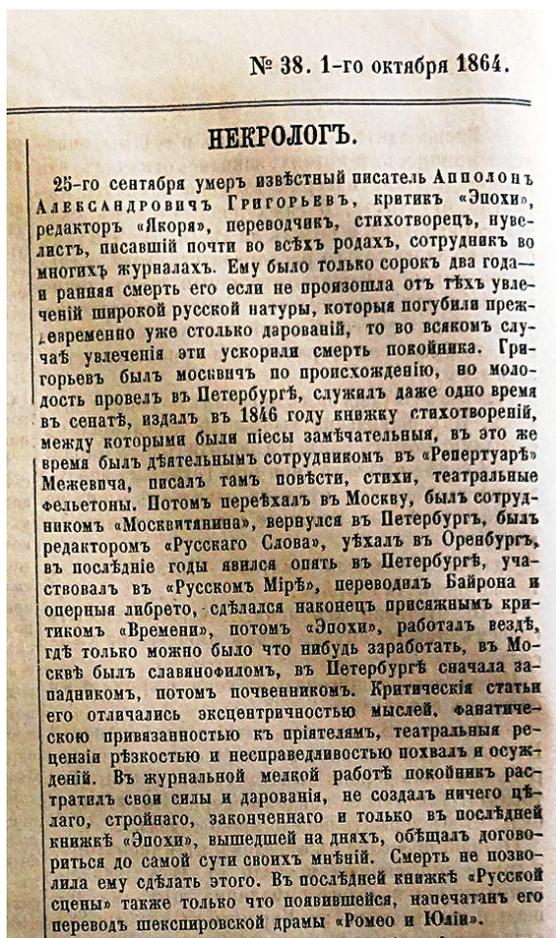
«Въ Москвѣ умеръ редакторъ “Русскихъ Вѣдомостей” Николай Филиповичъ Павловъ, извѣстный писатель и журналистъ. Въ молодые годы онъ составилъ себѣ извѣстность нѣсколькими повѣстями (“Маскарадъ”, “Демонъ”, “Милльонъ”, “Ятаганъ”). Писалъ также стихотворенія. Въ эпоху оживленія русской литературы въ 1853 году, выступилъ съ замѣчательными полемическими статьями “Разборомъ комедіи гр. Соллогуба, «Чиновникъ»”, “Биографъ ориенталистъ”, и др., потомъ сталъ писать в “Русскомъ Вѣстникѣ”, началъ издавать въ 1862 г. свою

собственную газету “Наше время”, неимѣвшую успѣха и прекратившуюся въ половинѣ 1863 г. Съ нынѣшняго года издавалъ дешевую газету, выходившую три раза въ недѣлю и стоившую 3 руб. сер. Павловъ былъ неоспоримо писатель съ дарованіемъ, хотя и употреблялъ его не всегда въ хорошую сторону»²¹.

Снова поверхностные заключения, необязательные подробности, случайные факты, неуместное морализаторство.

Может быть, дарование усопших было ничтожно, что и сказать о них что-либо особо было нечего?

Но вот некролог о колоритной фигуре в русской журналистике и критике:

«25-го сентября умеръ извѣстный писатель Апполонъ Александровичъ Григорьевъ, критикъ “Эпохи”, редакторъ “Якоря”, переводчикъ, стихотворецъ, новеллистъ, писавшій почти во всѣхъ родахъ, сотрудникъ во многихъ журналахъ. Ему было только сорокъ два года и ранняя смерть его если не произошла отъ

тѣхъ увлеченій широкой русской природы, которыя погубили преждевременно уже столько дарованій, то во всякомъ случаѣ увлеченія эти ускорили смерть покойника. Григорьевъ былъ москвичъ по происхожденію, но молодость провелъ въ Петербургѣ, служилъ даже одно время въ сенатѣ, издалъ въ 1846 году книжку стихотвореній, между которыми были піесы замѣчательныя, въ это же время былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ “Репертуарѣ” Межевича, писалъ тамъ повѣсти, стихи, театральные фельетоны. Потомъ переѣхалъ въ Москву, былъ сотрудникомъ “Москвитянина”, вернулся въ Петербургъ, былъ редакторомъ “Русскаго Слова”, уѣхалъ въ Оренбургъ, въ послѣдніе годы явился опять въ Петербургъ, участвовалъ въ “Русскомъ Мірѣ”, переводилъ Байрона и оперныя либрето, сдѣлался наконецъ присяжнымъ критикомъ “Времени”, потомъ “Эпохи”, работалъ вездѣ, гдѣ только можно было что нибудь заработать, въ Москвѣ былъ славнофиломъ, въ Петербургѣ сначала западникомъ, потомъ почвенникомъ. Критическія статьи его отличались эксцентричностью мыслей, фанатическою привязанностью къ пріятелямъ, театральныя рецензіи рѣзкостью и несправедливостью похвалъ и осужденій. Въ журнальной мелкой работѣ покойникъ растратилъ свои силы и дарованія, не создалъ ничего цѣлаго, стройнаго, законченнаго и только въ послѣдней книжкѣ “Эпохи”, вышедшей на дняхъ, обѣщалъ договориться до самой сути своихъ мнѣній. Смерть не позволила ему сдѣлать этого. Въ послѣдней книжкѣ “Русской сцены” также только что появившейся, напечатанъ его переводъ шекспировской драмы “Ромео и Юліи»²².

Снова случайные сведения, намеки на личные пороки, неуместное морализаторство, легкость путаныхъ сужденій и немотивированныхъ оценокъ и напоследокъ совсемъ ненужное примечание.

Те же самыя проблемы проявились, когда В. Р. Зотовъ написалъ о братьяхъ Достоевскихъ в «Русскомъ энциклопедическомъ словаре» И. Н. Березина. Федора Михайловича возмутило, что авторъ биографической справки в краткомъ текстѣ наделалъ множество ошибокъ: перепуталъ, кто старшій, кто младшій братъ, смешалъ порядокъ сочиненій, выдумалъ, чего не было. Его выводъ статья составлена неряшливо и бестолково:

«Бесспорно г<осподин> В. З. (г. Владимир Зотов?) можетъ имѣть свою точку зрѣнія и считать самымъ последнимъ деломъ, в биографическомъ сведеніи о писателе, верное указаніе на то, когда онъ родился, какіе именно испыталъ приключенія, где, когда и в какомъ порядкѣ печаталъ свои произведенія, какіе труды его считать первоначальными, а какіе заключительными, какіе изданія издавалъ, какіе редактировалъ и в какихъ былъ только сотрудникомъ; темъ не менее, хотъ для аккуратности, желалось бы побольше толку. Не то, пожалуй, читатели подумаютъ, что и все статьи в словаре г<осподи>на Березина составлены также неряшливо» (11; 307).

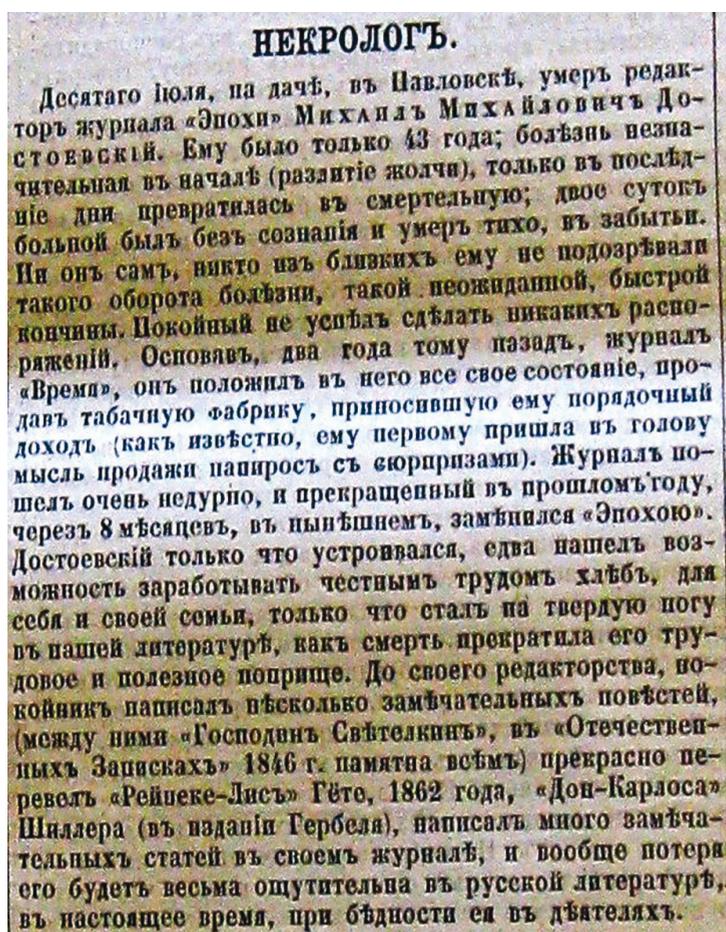
Таковы особенности стilia В. Р. Зотова.

КТО АВТОР?

В «Иллюстрированной Газете» по случаю смерти Михаила Михайловича представлен совсем другой текст:

«НЕКРОЛОГЪ»

Десятаго іюля, на дачѣ, въ Павловскѣ, умеръ редакторъ журнала “Эпохи” Михаилъ Михайловичъ Достоевскій. Ему было только 43 года; болѣзнь незначительная въ началѣ (разлитіе жолчи), только въ послѣдніе дни превратилась въ смертельную; двое сутокъ больной былъ безъ сознанія и умеръ тихо, въ забытіи. Ни онъ самъ, никто изъ близкихъ ему не подозрѣвали такого оборота болѣзни, такой неожиданной, быстрой кончины. Покойный не успѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій. Основавъ, два года тому назадъ, журналъ “Время”, онъ положилъ въ него все свое состояніе, продавъ табачную фабрику, приносившую ему порядочный доходъ (какъ извѣстно, ему первому пришла въ голову мысль продажи папирозъ съ сюрпризами). Журналъ пошелъ очень недурно, и прекращенный въ

прошломъ году, черезъ 8 мѣсяцевъ, въ нынѣшнемъ, замѣнился “Эпохою”. Достоевскій только что устраивался, едва нашелъ возможность зарабатывать честнымъ трудомъ хлѣбъ, для себя и своей семьи, только что сталъ на твердую ногу въ нашей литературѣ, какъ смерть прекратила его трудовое и полезное поприще. До своего редакторства, покойникъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ повѣстей, (между ними “Господинъ Свѣтелкинъ”, въ “Отечественныхъ Запискахъ” 1846 г. памятна всѣмъ) прекрасно перевелъ “Рейнеке-Лисъ” Гёте, 1862 года, “Дон-Карлоса” Шиллера (въ изданіи Гербеля), написалъ много замѣчательныхъ статей въ своемъ журналѣ, и вообще потеря его будетъ весьма ощутительна въ русской литературѣ, въ настоящее время, при бѣдности ея въ дѣятеляхъ»²³.

Сразу отметим, что первое предложение почти дословно совпадает с кратким некрологом, опубликованным 11 12 июля во всех ведущих петербургских газетах.

В тексте точно указан возраст Михаила Михайловича (в чем, как известно, путался В. Р. Зотов), нет отчуждения, выражено личное переживание смерти близкого человека, дана оценка его успешной деятельности в таких подробностях, которые явно были неизвестны посторонним людям, есть логика высказывания, которая отсутствует в редакционных некрологах «Иллюстрированной Газеты».

Кто знал подоплеку коммерческой, журналистской и литературной деятельности почившего, кому были интересны интимные подробности болезни и обстоятельства смерти Михаила Михайловича?

Та же компетентность проявлена и те же чувства выражены в некрологе «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском», опубликованном Достоевским в июньском номере «Эпохи» (цензурное разрешение 20 августа) (5; 282 285), в его письмах А. М. Достоевскому (15.2; 78 81) и А. Е. Врангелю (15.2; 99 103).

На два разночтения стоит обратить внимание.

В «Некрологе» ошибочно указано, что «Господин Светелкин» опубликован в 1846 г., — в статье год публикации указан правильно: 1848, что можно счесть исправлением опечатки.

В «Некрологе» сказано, что Михаил Михайлович «написал много замечательных статей в своем журнале».

Месяц спустя в «Эпохе» градус апологии снижен:

«Всегда буквально заваленный работою по изданию, он сам писал в журнале мало; всего было только несколько статей его, в отделении критики» (5; 284).

Достоевский защищает брата от возможных упреков:

«Те, которые упрекают редакторов в том, что они мало пишут и стало быть как бы пользуются чужими трудами, не понимают что говорят. Если редактор действительно занимается сам своим журналом, то дух, цель, направление издания, все исходит от него. Он мало-помалу неприметно окружает себя постоянными, согласными в убеждениях сотрудниками. Он, часто неприметно для самих сотрудников, наводит их на мысль пи-

сать именно о том что надо журналу. От редактора исходит единство и целостность журнала» (5; 284).

Как некролог мог появиться в «Иллюстрированной Газете»? Присутствие на похоронах В. Р. Зотова способствовало публикации: погребение состоялось в понедельник, газета выходила по четвергам. Передача текста могла состояться после похорон, некролог могли занести в редакцию во вторник или, в крайнем случае, утром в среду.

Некролог Михаилу Михайловичу был признанием его заслуг в русской литературе, признанием того значения, которое он имел в жизни младшего брата.

Чтобы так писать, нужно было быть Федором Достоевским.

Он сказал то, чего не знали и о чем промолчали другие.

Как некролог мог появиться в «Иллюстрированной Газете»?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захаров В. Н. Дебют гения / В. Н. Захаров // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : канонические тексты ; под. ред. В. Н. Захарова. — Т. 1. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 609-637.
2. Захаров В. Н. Куда исчез архив Достоевского 1840-х годов? / В. Н. Захаров // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 287-296.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 8. М., 1955. С. 379.
- 2 Ср.: «Мне всё снятся дурные сны, брат, отец, а их явления, никогда не предвещали доброго. Ты знаешь, я этому давно уже принужден верить, по грозным фактам» (Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 18 т. ; под ред. В. Н. Захарова. М. : Воскресенье, 2004. Т. 15. Кн. 1. С. 214; письмо к А. Г. Достоевской из Эмса от 14/26 июля 1874 г. Далее ссылки на сочинения Достоевского даются в тексте статьи по данному изданию с указанием тома и страницы.
- 3 Режим доступа: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/dostoev/texts/vospomin/vospomin.htm>
- 4 Яновский, С. Д. Воспоминания о Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2 т. М. : Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 235.
- 5 Голос. 1864. № 189. 11 июля. Суббота. С. 3.
- 6 Русский Инвалид. 1864. № 155. 12 июля. Воскресенье. С. 4.
- 7 Северная Пчела. 1864. № 171. 12 июля. С. 615.
- 8 Петербургский Листок. 1864. № 65.
- 9 Санкт-Петербургские Ведомости. 1864. № 154. 12 июля. Воскресенье. С. 622.
- 10 Московские Ведомости. 1864. № 155. 14 июля. С. 2.
- 11 Кронштадтский Вестник. 1864. № 81. 15 июля. С. 324.
- 12 Киевский Телеграф. 1864. № 80. 19 июля. Воскресенье. С. 408.
- 13 Одесский Вестник. 1864. № 161. 23 июля. Четверг. С. 632.
- 14 Голос. 1864. № 190. 12 июля. Воскресенье. С. 3.

- 15 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Ед. хр. 72. Впервые опубликовано: Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; ред. тома И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм. М. : Наука, 1973. С. 399.
- 16 Никитенко А. В. Дневник : В 3 т. Т. 2: 1858-1865. М.: ГИХЛ, 1955. С. 450.
- 17 Там же. С. 450-451.
- 16 Иллюстрированная Газета. 1864. № 1. 2 января. С. 16.
- 17 Там же. С. 10.
- 18 Иллюстрированная Газета. 1864. № 4. 23 января.
- 19 Иллюстрированная Газета. 1864. № 15. 9 апреля. С. 239.
- 20 Иллюстрированная Газета. 1864. № 38. 1 октября. С. 10.
- 21 Иллюстрированная Газета. 1864. № 27. 16 июля. Четверг. С. 32.

ПУБЛИКАЦИИ.
ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ
И АТТРИБУЦИИ

Алексеева Любовь Викторовна*

*специалист 1-й категории
Web-лаборатории филологического факультета,
каф. русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
lempi@mail.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.4

АНОНИМНЫЕ ПИСЬМА В АРХИВЕ ДОСТОЕВСКОГО**

Аннотация: Статья посвящена одной из главных проблем текстологического изучения эпистолярного наследия Ф.М. Достоевского и его корреспондентов – проблеме атрибуции анонимных или неизвестных лиц, с которыми переписывался писатель. Проблема остается актуальной и в настоящее время, несмотря на большую степень изученности личности и творчества Ф.М. Достоевского. В статье обозначены проблемы, с которыми сталкивается исследователь, ставя перед собой задачу атрибутирования писем, но, несмотря на сложность такого исследования, на примере некоторых писем показано, что раскрытие анонимных, неизвестных корреспондентов писателя иногда оказывается возможным.

Ключевые слова: атрибуция, архив, эпистолярное наследие, корреспондент, аноним, неизвестный корреспондент.

Несмотря на большую степень изученности эпистолярного наследия писателя, остается некоторое количество писем Ф.М. Достоевского к неустановленным лицам и писем неизвестных, анонимных авторов к нему, в некоторых случаях они оказываются еще и недатированными. Между тем, переписка Ф.М. Достоевского и его корреспондентов имеет особое значение в наследии писателя, поскольку в наибольшей степени отражает этапы биографии писателя, творческую историю его сочинений, дает сведения об окружении Ф.М. Достоевского. Одна из основных проблем — атрибуция, т. е. выстраивание переписки по адресатам и датам, поскольку многие письма неизвестны или не сохранились, в некоторых со-

хранившихся письмах отсутствуют полная или частичная информация об адресате и указания на дату.

Известны свыше 50 писем с неустановленными на сегодняшний день именами адресатов и адресантов Ф. М. Достоевского. Нами выбрано 36 писем из архива РО ИРЛИ, основная часть которых сосредоточена в ф. 100 архива А. г. Достоевской (1 письмо Ф. М. Достоевского к неизвестному лицу и 35 писем неизвестных к нему), 2 письма Ф. М. Достоевского к неустановленным лицам из архива ОР РГБ, 6 архивных единиц из РГАЛИ (1 письмо Ф. М. Достоевского к неизвестному лицу, 1 конверт и 3 письма неизвестных лиц к нему), 1 письмо Ф. М. Достоевского к неустановленному лицу, хранящееся в Манчестерском университете в Англии, несколько писем Ф. М. Достоевского неустановленным лицам, подлинники которых неизвестны, а также несколько писем с установленными корреспондентами Ф. М. Достоевского. Перечень отобранных рукописных единиц, имеющих в нашем распоряжении, см. в Приложении к статье (письма сгруппированы по архивам, в хронологическом порядке внутри группы. Все редакторские дополнения в приложении и в тексте статьи ставятся в ломаных угловых скобках <>. В основном это уточненные даты, даты по почтовому штемпелю, места написания или направления письма. Пометами «Б. д.» обозначены письма без указания даты, «Б. г.» — без указания года, «п. ш.» — даты, установленные по почтовому штемпелю).

Для установления личности неизвестных или анонимных корреспондентов Ф. М. Достоевского необходимо учитывать весь комплекс методик: идейно-тематические, документальные, фактологические исследования, текстологический и графологический анализ; избегать «субъективно мотивированного приурочения анонимных произведений», в нашем случае писем к избранным именам авторов, от чего предостерегал В. В. Виноградов [1, 85]. Методики формально-грамматического и статистического анализа текстов писем исключаются из исследования по причине недостаточного количества текстов одного и того же корреспондента для сопоставления между собой.

Анонимные письма и письма Ф. М. Достоевского к неизвестным лицам составляют значительную часть эпистолярного наследия писателя и его корреспондентов.

Уже в 1840-е гг. появляются свидетельства о литературной известности писателя. И тогда же появляются письма анонимных авторов к Ф. М. Достоевскому. В письме от 3 июня 1848 г. из Парголово, где Ф. М. Достоевский проводил лето, в ответ на просьбу неизвестного лица прислать свой автограф он пишет письмо, к которому прикладывает листок из одного рассказа, нигде не напечатанного на тот момент¹. История разыскания во Франции автографа этого письма Ф. М. Достоевского изложена в статье И. С. Зильберштейна «Новонайденные и забытые письма Достоевского», где оно и было опубликовано [5, 143]². По предположению И. С. Зильберштейна, адресат письма был, по-видимому, первым из читателей, попросившим автограф писателя [5, 144].

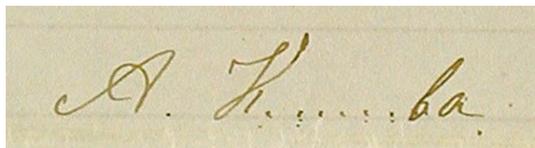
По прошествии времени некоторые анонимные, неизвестные корреспонденты становятся известными.

Так было с письмом Ф. М. Достоевского к неизвестному лицу (Александру Федоровичу <Хотяинцеву>) от <23 марта 1839 г.> (письмо А. Ф. Хотяинцева не сохранилось), в котором он выражает благодарность за участие в делах его отца и удивление по поводу не дошедших до отца стольких писем³. Личность неизвестного лица, к которому Ф. М. Достоевский обращается как к Александру Федоровичу, была установлена А. А. Достоевским, впервые опубликовавшим письмо в разделе Приложений в книге «Воспоминаний» А. М. Достоевского в 1930 г.⁴ В примечании А. А. Достоевского к письму сказано, что в архиве Андрея Михайловича это письмо было обозначено как письмо к неизвестному лицу, но по письму Ф. М. Достоевского к отцу от 23 марта 1839 г. можно догадаться, что письмо адресовано А. Хотяинцеву, соседу Михаила Андреевича по деревне, который, волнуясь об отсутствии известий от Федора Михайловича, написал ему письмо, на которое и отвечает Ф. М. Достоевский, благодаря его о заботах⁵. В письме к отцу Михаилу Андреевичу Ф. М. Достоевский сообщал о получении письма А. Ф. Хотяинцева и объяснял предполагаемую причину, по которой отец так долго не получал от него ничего (См.: ДЗ0, XXVIII, 408)⁶. На основании того же письма к отцу А. А. Достоевский датирует письмо Ф. М. Достоевского к А. Ф. Хотяинцеву 23 мартом 1839 г.

Из писем 1850-х гг., адресаты которых были установлены, известны два письма от 22 декабря 1856 г. из Семипалатинска к прежним семипалатинским хорошим знакомым Ф. М. Достоевского. Судя по содержанию, письма отправлены в одном конверте. Первое письмо обращено к Сусанне⁷, второе содержит обращение к Марье Ивановне с упоминанием Сусанны⁸. В обоих письмах Ф. М. Достоевский рассказывает об изменениях, происшедших в Семипалатинске, и с теплотой вспоминает прошедшие времена: «Но правда Ваша: прошедшее всегда милѣе настоящаго. Вы сами съ грустію сознаетесь въ томъ, говоря, что я Вамъ напомнилъ прошедшее письмомъ моимъ»⁹, «<...>ея <Сусанны. — Ред.> письмо воскресило во мнѣ давнопрожитое. Какъ-то лучше было въ прошедшемъ!»¹⁰ Письма, упоминаемые Ф. М. Достоевским, на которые он отвечает, неизвестны. Н. И. Левченко удалось установить, что Сусанна, к которой обращается Ф. М. Достоевский, — жена семипалатинского городского врача Адама Ивановича Шмейсера, а Марья Ивановна — его сестра [6, 243–244]. Шмейсер — врач из Москвы, окончивший Военно-медицинскую академию, служил в Семипалатинске с конца 1846 г. до 1855 г., где лечил Ф. М. Достоевского, там же он открыл аптеку. По состоянию здоровья вынужден был выйти в отставку и вернуться в Москву. В формулярном списке указано, что его жену звали Сусанной Карловной, дочь — Софьей, а сестру — Марией.

Так произошло и с письмом слушательницы Высших женских курсов, которая написав Ф. М. Достоевскому 11 января 1880 г., не скрывая своего имени (в письме указано, что ответное письмо нужно передать Александру

дре Николаевне через Надежду Николаевну Барт), скрыла свою фамилию, подписавшись в конце письма: А. К...ва¹¹.

Фрагмент письма. РО ИРЛИ. Ф. 100. №29927. Л. 4.

Впервые письмо было опубликовано И. Л. Волгиным, посвятившим этому эпизоду в переписке Достоевского одну из подглав («Письмо с Бестужевских курсов») своей изданной еще в 1986 г. книги «Последний год Достоевского». И. Волгин попытался раскрыть этот аноним. Как он установил, это была Александра Николаевна Курносова [2, 138–143]. Имя курсистки было установлено по списку в изданной в 1903 году «Памятной книжке окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах», где она значилась под № 253 [2, 140] и под № 223 — Надежда Николаевна Барт. Обе они закончили историко-филологические курсы в 1883 году.

Подобные случаи, когда анонимные, неизвестные корреспонденты Ф. М. Достоевского устанавливаются, свидетельствуют о необходимости дальнейших разысканий.

Основная часть переписки с анонимными лицами приходится на 1870-е гг., когда в числе корреспондентов Ф. М. Достоевского появляется большое количество читателей, подписчиков, откликавшихся на творчество писателя. Ф. М. Достоевский придавал таким откликам анонимных корреспондентов важное значение, о чем свидетельствует 3 глава мартовского выпуска «Дневника Писателя» за 1877 г., в которой он выражает намерение в будущем «написать по поводу некоторых из полученных мною за все время издания “Дневника” писем, и особенно анонимных»: «Думаю, что можно бы отделить несколько места в каком-нибудь из будущих “Дневников” по поводу хоть бы одних анонимов, например, и их характеристики, и не думаю, чтоб это вышло так уж очень скучно, потому что тут довольно всевозможного разнообразия» (ДЗ0, XXV, 88–89)¹². Несмотря на сомнения автора совладать с темой из-за невозможности сказать все сразу, в выпуске «Дневника» за май–июнь этого же года появилась его статья «Об анонимных ругательных письмах» как отклик на сочувственные письма читателей по поводу его болезни в противовес враждебно настроенным корреспондентам. Ф. М. Достоевский заявляет: «<...> к слову скажу, за все время издания моего “Дневника” я получил и продолжаю получать много писем, подписанных и анонимных, столь для меня лестных и столь одобрявших и поддерживавших меня в труде моем<...>. Эти письма я сберегу как драгоценность и – что тут приторного, если я заявляю об этом печатно? <...>

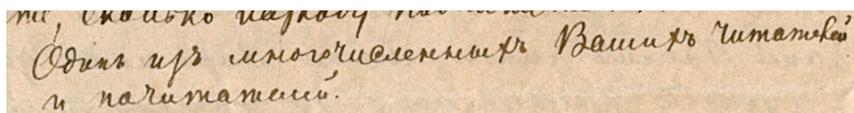
я заявляю лишь мою благодарность, мое искреннее чувство» (Д30, XXV, 125–126).

Ф. М. Достоевский ценил письма корреспондентов, даже анонимные, хоть и не всегда ему удавалось на них отвечать по причине их количества или невозможности выразить в письме всего того, что было в мыслях и всего того, что можно передать при личной беседе с человеком. На это не раз указывал Ф. М. Достоевский в своих письмах. Так, в ответном письме от 27 марта 1878 г. на письмо одной матери от 20 февраля (которое неизвестно), видимо, спрашивающей совета о воспитании своего 8-летнего ребенка, Ф. М. Достоевский объясняет причину своего долгого молчания не только нехваткой времени и болезнью, но и сложностью отвечать письмом на ее вопросы: «Вы задаете вопросы, на которые надо писать вместо ответа трактаты, а не письма. Да и вопросы-то разрешаются лишь всею жизнью» (Д30, XXXI, 16). Он опасается того, что какая-либо недосказанность в письме, которая могла бы быть тотчас разъяснена в устном разговоре, может вызвать полное непонимание у адресата письма, что сразу перечеркнет все написанное автором. При этом Ф. М. Достоевский очень учтиво успокаивает незнакомку и даже увлекается ответом на письмо, давая ей обстоятельные советы по поводу воспитания ребенка в христианских традициях, говоря о материнском долге, о чувстве меры в воспитании, о добре, привычке к труду. Вдруг что-то останавливает его размышления, автор будто выходит из забытья и неожиданно заканчивает письмо: «Но довольно, написал много, устал, а сказал мало, так что, конечно, Вы меня не поймете» (Д30, XXXI, 18). И тут же вновь проявляет свою вежливость и заинтересованность темой письма, делая к нему приписку о любви к труду на примере Петра Великого. Это письмо в достаточной степени выражает взгляды писателя на извечные темы о воспитании, о важнейших ценностях, о роли матери в семье, а также свидетельствует о трепетном отношении писателя к своим корреспондентам.

В той же главе «Дневника Писателя», посвященной анонимным письмам, Ф. М. Достоевский делится своими наблюдениями, что из нескольких сотен писем, полученных за полтора года издания «Дневника» около сотни было анонимных, но только два из них были откровенно враждебными, «ругательными» как исключения (см.: Д30, XXV, 126). Анонимное «ругательное» письмо дает возможность безнаказанно выругаться: «<...> письмо не прибьешь, и письмо не краснеет» (Д30, XXV, 129). Те, кто просто имеют возражения, излагают свои мысли корректно как в подписанных, так и в анонимных письмах, и Ф. М. Достоевский выражает искреннее сожаление о том, что не успевает всем ответить. По наблюдению Ф. М. Достоевского, молодое поколение анонимных «ругательных» писем не пишет, так как без подписи теряется ценность выраженных им идей, кроме того, анонимное

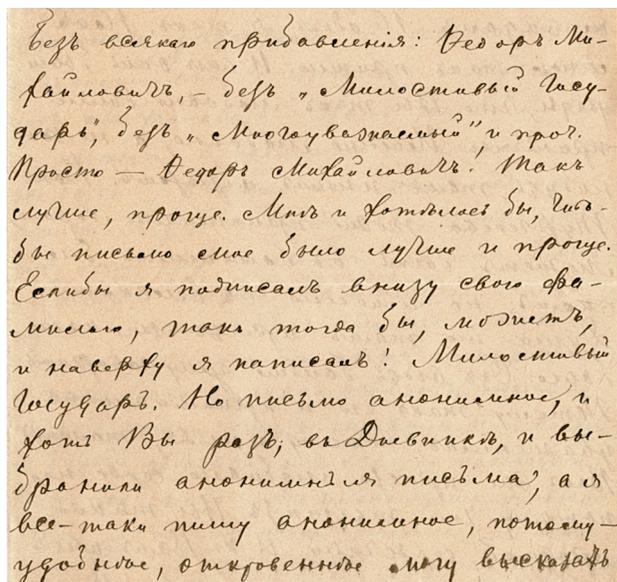
«ругательное» письмо легко выдает возраст писавшего. Как раз наоборот, из полученных им писем от молодежи «не подписанные из них только те, которые выражают слишком уж дружеские чувства» (Д30, XXV, 128).

В чем же причина появления анонимных писем, получаемых Ф. М. Достоевским? Ответ содержится в одном из таких «дружеских писем» от 6 апреля 1879 г., о доброжелательности которого свидетельствуют и его содержание, исполненное искренним уважением к личности писателя и восхищением его талантом, и подпись автора: «Одинъ изъ многочисленныхъ Вашихъ читателей и почитателей»¹³.

Фрагмент письма. РГАЛИ. Ф. 212.1.107. Л. 2 об.

Автор письма, упоминая статью «Об анонимных ругательных письмах», объясняет свою анонимность желанием простоты и искренности письма: «Мнѣ и хотѣлось бы, чтобы письмо мое было лучше и проще. Еслибы я подписалъ внизу свою фамилію, такъ тогда бы, можетъ, и наверху я написалъ: Милостивый Государь. Но письмо анонимное, и хоть Вы разъ, въ Дневникѣ, и выбрали анонимныя письма, а я все-таки пишу анонимное, потому — удобнѣе, откровеннѣе могу высказать Вамъ то, что хотѣлось бы высказать»¹⁴.

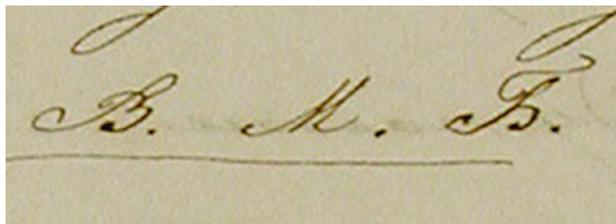
Фрагмент письма. РГАЛИ. Ф. 212.1.107. Л. 1.

Здесь некоторая неточность, которую допустил автор письма: ведь Ф. М. Достоевский ругал не просто анонимные, а анонимные враждебные письма, каких было совсем немного. Как и сам Ф. М. Достоевский, анонимный автор сетует на сложность передать с точностью свои мысли и чувства в переписке: «<...> перо-то плохо умѣю держать въ рукѣ. На словахъ я бы лучше Вамъ сказалъ»¹⁵. Однако тут же вспоминает, как накануне на вечере, в котором принимал участие Ф. М. Достоевский, автор письма не только ничего не мог сказать, но и постеснялся пожать руку писателю, ведь вышло бы «очень замѣтно и торжественно», и так и оставался со своей мыслью весь вечер¹⁶. Выходит, анонимность — маска, но не маска фальши, а наоборот, способ обнажить свою душу. Скорее всего, письмо написано под впечатлением от прошедшего накануне, на Святой неделе, 5 апреля 1879 г., вечера в пользу Бестужевских курсов, где Ф. М. Достоевский читал фрагмент из четвертой книги «Братьев Карамазовых»¹⁷, чем произвел сильный эффект на присутствующих, среди которых был и автор письма: «Отъ этаго и вечеръ вчера былъ такой простой, хорошей, праздничный, свѣтлый. Въ этомъ, впрочемъ, и сами курсистки виноваты: они всѣ смотрятъ такими хорошими, добрыми, простыми»¹⁸. По воспоминаниям жены Ф. М. Достоевского Анны Григорьевны, эффект, произведенный на молодежь, был настолько сильным, что «курсистки не только горячо аплодировали Федору Михайловичу, но в антрактах окружали его, беседовали с ним, просили высказаться о разных, интересовавших их вопросах, а когда в конце вечера он собрался уходить, то громадную толпой в двести или более человек бросились вслед за ним по лестнице до самой прихожей, где и стали помогать ему одеваться» [4, 355]. Об ажиотаже среди читателей, вокруг нового романа свидетельствует и сам автор письма: «<...> его всѣ читаютъ: въ библіотекахъ теперь Русскаго Вѣстника не найдешь, на расхватъ...»¹⁹. Заканчивается письмо глубокой убежденностью автора в том, что необходимо издавать «Дневник Писателя», который найдет еще больше читателей, особенно среди молодежи: «Сколько бы у Васъ читателей было! Вѣдь у Васъ ихъ и тогда было достаточно, а теперь еще больше. И все между молодежью. Старые-то почему-то не очень Васъ понимаютъ»²⁰.

Творчество и личность писателя находили горячие отклики читателей, особенно после таких литературных вечеров, которые вызывали всплеск эмоций и желание поделиться своими размышлениями с самим Ф. М. Достоевским лично, но не от своего лица, а анонимно.

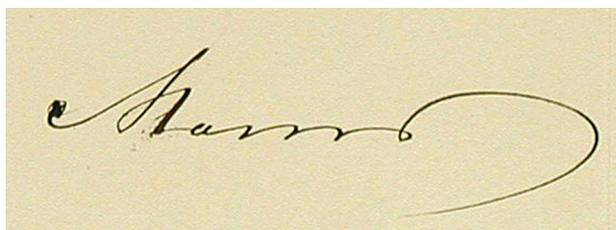
Среди корреспондентов писателя были представители разных сословий, профессий, в основном молодое поколение: гимназисты, студенты, особенно курсистки, учителя, писавшие о восприятии его произведений, спрашивавшие советов, касающихся личной и общественной жизни.

Желая быть неузнанными, анонимные авторы подписывались инициалами или вымышленными буквами: «Х» (письмо о телесных наказаниях)²¹, Кот. ... А.²², В. М. Б.²³, Иг<уменья> П. А.²⁴, Б. Л. Т.²⁵, П. Н-ъ²⁶ и др.

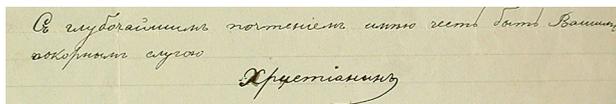

Фрагмент письма. РО ИРЛИ. Ф. 100. №29923. Л. 2 об.

В других случаях авторы писем придумывали себе псевдоним: «Мать»²⁷, «Сельская учительница»²⁸, «Человек, желающий быть им»²⁹, «Одна из Ваших подписчиц»³⁰, «Подписчик»³¹, «Один из Потугиных»³², «Христианин»³³ «Один из многочисленных Ваших читателей и почитателей»³⁴ и др.

Фрагмент письма. РО ИРЛИ. Ф. 100. №29931. Л. 1.

Фрагмент письма. РО ИРЛИ. Ф. 100. №29941. Л. 6.

Такие письма получали ответную реакцию Ф.М. Достоевского. Письмо курсистки, разуверившейся в Христе, от 11 января 1880 г. заинтересовало писателя, и он написал ей ответное письмо от 15 января 1880 (ДЗ0, XXX1, 139–140, 322)³⁵. По мнению И. Волгина, письмо курсистки задело адресата за живое, ведь то, о чем она писала, было знакомо ему (и его вера прошла через сомнения) и составляло центральную часть его романов [2, 141]. Начало письма подобно письму Ф.М. Достоевского к неизвестной «государыне» от 27 марта 1878 г., о котором мы уже говорили выше. Он объясняет свой несвоевременный ответ на ее письмо, хотя с момента его получения прошло несколько дней, большой занятостью, своим состоянием от усиленной работы и, ко всему прочему, сложностью отвечать в письме на такие вопросы, как вопросы веры: «На эти вопросы нельзя отвечать письменно. Это невозможно. <...> хоть у меня времени вообще мало, но глаз

на глаз несравненно больше и увидишь и скажешь, чем на письме, где все-таки отвлеченно» (ДЗ0, XXXI, 140). Несмотря на свою краткость, письмо, написанное в свойственной Ф. М. Достоевскому безыскусственной манере, проникнуто сочувствием, желанием поддержать девушку, развеять ее сомнения в истинности веры во Христа, готовностью выслушать ее лично при встрече.

Поражает искренность, открытость писем Ф. М. Достоевского к анонимным адресатам из числа молодежи. Он трепетно относился к молодому поколению, в котором видел будущее России, и именно в общении с молодежью проявлялось то, что шло из глубины его души — желание «сказать правду от сердца и совести»: «<...> никогда еще не было у насъ, въ нашей русской жизни, такой эпохи, когда-бы молодежь <...> въ большинствѣ своемъ огромномъ была болѣе, какъ теперь, искреннею, болѣе чистою сердцемъ, болѣе жаждущею истины и правды, болѣе готовою пожертвовать всѣмъ, даже жизнью за правду и за слово правды», — пишет Ф. М. Достоевский в ответном письме к московским студентам от 18 апреля 1878 г.³⁶

Заметим, что в переписке с анонимными корреспондентами выстраивается своеобразный диалог между ними и писателем. Анонимные лица через переписку дают понять Ф. М. Достоевскому, что, не открывая своего имени, им легче вести откровенную беседу с ним на волнующие их вопросы. А сам Достоевский неоднократно повторяет, что в письме сложнее донести до читателя то, что хотелось бы высказать, и, несмотря на нехватку времени, выражает готовность и желание лично общаться со своими корреспондентами (см. также письмо к московским студентам от 18 апреля 1878 г.³⁷).

Не раз Достоевский подчеркивал сложность, которую для него представляло написание писем. «Но еслибъ вы знали, до какой степени я не умѣю писать писемъ и тягочусь писать ихъ. Но вамъ всегда буду отвѣчать, если вы еще напишете», — сообщает Достоевский «государыне NN» в письме от 11 апреля 1880 г. в ответ на «тонкую, такую глубокую оцѣнку <его> какъ писателя»³⁸.

Особенно Достоевскому импонировали письма, в которых он находил родственную душу, способную его понять, и тогда он сам обращался за советом. Так, в записке к неизвестному лицу, не имеющей точной даты, Ф. М. Достоевский просит разъяснить свой сон³⁹. Картон, на который наклеена записка, имеет по обеим сторонам пометы. Слева: «Ранній автографъ Ф. М. Достоевскаго: записка къ неизвѣстному лицу, съ просьбой объяснить тутъ-же сообщаемый сонъ». Справа: «Судя по датамъ бумагъ (писемъ), среди которыхъ найденъ этотъ автографъ, его можно отнести къ 1860-мъ годамъ». Однако символика сна (восток, запад, щит, движущийся на запад, с надписью старинными церковнославянскими буквами) затрагивает в аллегорической форме тему предназначения православной России, призванной обновить духовно разлагающуюся Европу.

Эта тема прослеживается не только в 1860-е гг., но и в 1870-е гг. в «Дневнике Писателя», а также в переписке Достоевского в этот период с его корреспондентами, откликавшимися на темы судеб России и Запада. Так, в одном из писем от 4 декабря <1877 г.>⁴⁰ анонимный автор задается вопросом, что же отличает православие от социализма: «Но что же, однако, это за новое Слово, которое произнесетъ міру православное славянство?»⁴¹ Под впечатлением от «Дневника Писателя», перевернувшем его сознание, он обращается к Ф. М. Достоевскому, пытаясь разобраться в мучивших его вопросах: «Съ тѣхъ поръ пошатнулось во мнѣ старое, а къ новому, болѣе путному, я никакъ не могу прійти... Я хочу, я желаю быть русскимъ (по рожденію, я коренной русскій, православный, сынъ сельскаго священника), но я не пойму многого»⁴². В письме есть некоторая незавершенность мысли, поскольку оно было недописано и отправлено корреспондентом в черновом виде. То, что письмо, подписанное 4-м декабря, можно датировать 1877 годом, следует из его содержания: автор упоминает «Вестник Европы» за ноябрь 1877 г.⁴³ и говорит о своей приверженности социализму «до появленія Дневника, Т. е. года два тому назадъ» («Дневник Писателя» издавался с января 1876 г.)⁴⁴.

Очевидно, что самое большое количество анонимных писем, полученных Ф. М. Достоевским, пришлось на 2 пол. 70-х гг. (см. Приложение), когда круг его корреспондентов значительно расширился (читателями, подписчиками и т. д.). Это период издания «Дневника Писателя», работы над романами «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы», получившими живой отклик современников. Несмотря на усталость и обилие работы, Ф. М. Достоевский не оставляет без внимания эти отклики. В одном из писем от 17 декабря 1877 г. к госпоже Л. А., бывшей провинциальной учительнице, он замечает: «<...> зато и много доставилъ мнѣ этотъ “Дневникъ” счастливыхъ минутъ, именно тѣмъ, что я узналъ, какъ сочувствуетъ общество моей дѣятельности. Я получилъ сотни писемъ изо всѣхъ концовъ Россіи и научился многому, чего прежде не зналъ. <...> Во всѣхъ этихъ письмахъ если и хвалили меня, то всего болѣе за искренность и прямоту. Значить этого-то всего болѣе и недостаетъ у насъ въ литературѣ<...>»⁴⁵. Такие письма, искренние, простые от людей из разных сословий, порой малограмотных, порой наоборот, талантливых, образованных, тонко чувствующих то, что хотел донести до читателя Ф. М. Достоевский, поддерживали его и вызывали ответную реакцию, желание говорить обо всем, что мучило и волновало его. Но тем сложнее задача исследователя — расширить круг известных корреспондентов писателя из числа простых, малоизвестных лиц, не желавших быть узанными.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма Достоевского Ф. М. к неизвестным лицам (РО ИРЛИ):

Р. III. оп. 2. № 1025: Достоевский Ф. М. Записка к неизвестному. Б. д. <1860-е гг.>. Из альбома Е. Н. Опочинина

Письма неизвестных лиц к Ф. М. Достоевскому (РО ИРЛИ):

Р. I. оп. 6. № 250: Неизвестный «X». Письмо к Достоевскому Ф. М. (о телесных наказаниях). Б. д. <Около 17 дек. 1861 г.>

29920: Неизвестная (Кот. ... А.). Письмо к Достоевскому Ф. М. 09.10.1864, <в Петербург>

29932: Неизвестного из монашествующих. Письмо к Достоевскому Ф. М. 29.08.1873

29957: Неизвестный. Письмо к Достоевскому Ф. М. 29.08.1873.

29923: Неизвестный (В. М. Б.). Письмо к Достоевскому Ф. М. 08.09.1873, С. Соковнино, ст. Сергиево <по п. ш. — Сергиевск> Тульской губернии — <в Петербург> (п. ш.)

29922: Неизвестная (Иг. П. А.). Письмо к Достоевскому Ф. М. 23.01. Б. г. <1876>, Киев, Флор<овский> Мон<астырь>

29939: Неизвестная (Б. Л. Т.). Письмо к Достоевскому Ф. М. 08.12.1876.

29928: Неизвестная (А. М.). Письмо к Достоевскому Ф. М. 09.02.<1876, Петербург> (п. ш.) — <в Петербург>

29929: Неизвестный (А. М.). Письмо к Достоевскому Ф. М. Б. д. [1876] <Петербург> — <в Петербург>

29931: Неизвестная («Мать»). Письмо к Достоевскому Ф. М. <01.03.1876, Петербург> (п. ш.) — <в Петербург>

29955: Неизвестное лицо. Письма (2) к Достоевскому Ф. М. 2 п-ма (02.03.1876, <Санкт-Петербург>, 03.11.1876, <Санкт-Петербург>)

29954: Неизвестное лицо. Письмо к Достоевскому Ф. М. <25.04.1876, Санкт-Петербург> (п. ш.) — <в Петербург>

29943: Неизвестный. Письмо к Достоевскому Ф. М. <17.05.1876, С.-Петербург> (п. ш.) — <в Петербург>.

29956: Неизвестный. Письмо к Достоевскому Ф. М. 09.06.<1876> (п. ш.), Санкт-Петербург

29940: Неизвестная («Сельская учительница»). Письмо к Достоевскому Ф. М. 10.07.1876, <Царское село> (п. ш.) — <в Петербург> (п. ш.)

29942: Неизвестный («Человек, желающий быть им»). Письмо к Достоевскому Ф. М. 03.08.1876, С.-Петербург

29948: Неизвестная. Письмо к Достоевскому Ф. М. 04.09.1876, <Санкт-Петербург> (п. ш.) — <в Петербург>

29936: Неизвестная («Одна из Ваших подписчиц»). Письмо к Достоевскому Ф. М. 29.09.1876, Киев.

29945: Неизвестный (М. Я.) Письмо к Достоевскому Ф. М. <14.10.1876, Чудово> (п. ш.) — <в Петербург>

29949: Неизвестная. Письмо к Достоевскому Ф. М. 30.10.1876, <Санкт-Петербург> (п. ш.) — <в Петербург>

29947: Неизвестный. Письмо к Достоевскому Ф. М. 11.11.1876, Киев — <в Петербург>

29951: Неизвестное лицо. Пометка рукой Ф. М. Достоевского на конверте. Письма к Достоевскому Ф. М. 1876–1877. 3 п-ма (<12.05.1876, Москва> (п. ш.), 06.07.1876, <Москва> (п. ш.), 12.04.1877, <Москва> (п. ш.))

29921: Неизвестный (М. А.). Письмо к Достоевскому Ф. М. 22.04.<1877>, <Петербург> (п. ш.) — <в Петербург>

29924: [Ф.М. Брауде]. Пометки рукой Ф.М. Достоевского. Письма (2) к Достоевскому Ф. М. 1877 (<06.02.1877, Петербург> (п. ш.) — <в Петербург> (п. ш.), 08.04.1877, Петербург — <в Петербург> (п. ш.)

29925: Неизвестный (гимназист). Пометки рукой Ф.М. Достоевского. Письмо к Достоевскому Ф. М. <20.02.1877, Смоленск> (п. ш.) — <в Петербург> (п. ш.)

29935: Неизвестный («Подписчик»). Пометки рукой Ф.М. Достоевского. Письмо к Достоевскому Ф. М. 06.03.1877, Петербург — <в Петербург>

29946: Неизвестный. Письмо к Достоевскому Ф. М. 09.03.1877.

29926: Неизвестный. Пометки рукой Ф.М. Достоевского. Письмо к Достоевскому Ф. М. 19.03.1877, Санкт-Петербург — <в Петербург>

29952: Неизвестное лицо. Пометка рукой Ф.М. Достоевского на конверте. Письмо к Достоевскому Ф. М. <19.03.1877, Гродно> (п. ш.) — <в Петербург>

29950: Неизвестный. Пометка рукой Ф.М. Достоевского. Письмо к Достоевскому Ф. М. 07.04.<1877, Санкт-Петербург> (п. ш.) — <в Петербург>

29933: Неизвестный (П. Н-ъ). Пометки рукой Ф.М. Достоевского. Письмо к Достоевскому Ф. М. <25.09.1877, Санкт Петербург> (п. ш.) — <в Петербург>

29937: Неизвестный («Один из Потугиных»). Письмо к Достоевскому Ф. М. 11.03.1878, <Санкт-Петербург> (п. ш.) — <в Петербург>

29944: Неизвестная. Письмо к Достоевскому Ф. М. 14.03.1879.

29953: Неизвестное лицо. Письмо к Достоевскому Ф. М. 06.04.1879, <Санкт-Петербург> (п. ш.) — <в Петербург>

29941: Неизвестный («Христианин»). Письмо к Достоевскому Ф. М. <02.11.1880, Севастополь> (п. ш.) — <в Петербург> (п. ш.)

Письма Достоевского Ф. М. к неизвестным лицам (ОР РГБ):

Ф. 93.III.14.59: Достоевский Ф.М. Письмо к неустановленному лицу. 03.06.1848. Парголово. Факсимильное воспроизведение из печатного каталога аукциона автографов, состоявшегося в Париже 1го июля 1970 г. (Hotel Drouot, Charavay expert).

Ф. 93.I.6.50: Достоевский Ф.М. Письмо к неустановленному лицу (Николаю Александровичу). 19.12.1880. Петербург.

Письма Достоевского Ф. М. к неизвестным лицам (РГАЛИ):

Ф. 212.I.55: Достоевский Ф. М. Письмо неустановленному лицу. [1879–1880 гг.].

Письма неизвестных лиц к Ф. М. Достоевскому (РГАЛИ):

Ф. 212.I.105: Неустановленное лицо (писательница). Письмо к Ф. М. Достоевскому. <Март> 6. г. <Петербург>.

Ф. 212.I.109: Конверт письма, адресованного неустановленным лицом Ф.М. Достоевскому в Петербург, угол Лиговки и Гусева пер., дом № 8 Сливчанского, кв. № 17. 11.02.1874.

Ф. 212.I.106: Неустановленное лицо (черновик письма без подписи). Письмо к Ф.М. Достоевскому. 04.12.[1877], <Петербург>.

Ф. 212.I.107: Неустановленное лицо за подписью («Один из многочисленных Ваших читателей и почитателей»). 06.04.1879.

Библиотека Манчестерского университета (Англия):

Достоевский Ф.М. Письмо к неустановленному лицу. 05.12.1863. Подлинник хранится в Манчестерском университете в Англии. Впервые опубликовано Д. С. г. Симмонсом: Oxford Slavonic Papers, Oxford, 1959, vol. IX, pp. 64–65. УБРАНО ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Отдельно можно выделить письма, известные по первым своим публикациям, подлинник которых неизвестен:

Письмо Ф. М. Достоевского к неизвестной от 27.03.1878 (Петербург), опубликованное в 30-томном полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского по тексту первой публикации: «Вестник воспитания». 1894. № 1. С. 1–5 (Д30, ХХХ1, 16–18, 269–270);
 Список писем с установленными корреспондентами Ф. М. Достоевского:
 РО ИРЛИ. Ф. 56 № 394: Достоевский Ф. М. Письмо к Александру Федоровичу <Хотяинцеву> Б. д. [1839, 23 марта]
 РГАЛИ. Ф. 212.1.54: Достоевский Ф. М. Письмо Сусанне <Карловне Шмейсер>. 22.12.1856. Семипалатинск.
 РГАЛИ. Ф. 212.1.53: Достоевский Ф. М. Письмо неустановленному лицу (Марии Ивановне) <сестре Адама Ивановича Шмейсера>. 22.12.1856. Семипалатинск.
 РО ИРЛИ. ф. 100. № 29927: К<урносо>ва А<лександра> <Николаевна>. Письмо к Достоевскому Ф. М. <11.01.1880, Санкт-Петербург> (п. ш.)
 Письмо Ф. М. Достоевского к слушательнице Высших женских курсов, <Александре Николаевне Курносовой> от 15.01.1880 (Петербург), впервые напечатано по Полному собранию сочинений Ф. М. Достоевского. Т. I. Биография, письма и замѣтки изъ записной книжки. СПб., 1883. С. 340–341).

ПРИМЕЧАНИЯ

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-34-01245а2.

- ¹ ОР РГБ. Ф. 93. III. 14. 59. Факсимильное воспроизведение из печатного каталога аукциона автографов, состоявшегося в Париже 1го июля 1970 г. (Hotel Drouot, Charavay expert).
- ² Письмо опубликовано: Зильберштейн И. С. Новонайденные и забытые письма Достоевского // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 86. С. 143.
- ³ РО ИРЛИ. Ф. 56 № 394.
- ⁴ Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / Ред. и вступ. ст. А. А. Достоевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. С. 379.
- ⁵ См. примечания: Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. С. 419.
- ⁶ РО ИРЛИ. Ф. 56 № 389. Опубликовано: Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. С. 377–379.
- ⁷ РГАЛИ. Ф. 212.1.54.
- ⁸ РГАЛИ. Ф. 212.1.53.
- ⁹ РГАЛИ. Ф. 212.1.54. Л. 2 об.
- ¹⁰ РГАЛИ. Ф. 212.1.53. Л. 1 об.
- ¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29927.
- ¹² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. XXV, 88–89. Далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках (Д30) с указанием римской цифрой тома, нижним индексом обозначается часть тома, книга, арабской — страницы.
- ¹³ РГАЛИ. Ф. 212.1.107. Л. 2 об.
- ¹⁴ РГАЛИ. Ф. 212.1.107. Л. 1–1 об.
- ¹⁵ РГАЛИ. Ф. 212.1.107. Л. 2 об.
- ¹⁶ Там же.

- ¹⁷ А. г. Достоевская ошибочно писала, что Ф. М. Достоевский читал отрывок из «Преступления и наказания» (см.: Достоевская А. г. Воспоминания. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 355. См. также: Примечания. С. 459).
- ¹⁸ РГАЛИ. Ф. 212.1.107. Л. 2.
- ¹⁹ РГАЛИ. Ф. 212.1.107. Л. 2 об.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ РО ИРЛИ. Р. I. оп. 6. № 250.
- ²² РО ИРЛИ. Ф. 100. №29920.
- ²³ РО ИРЛИ. Ф. 100. №29923.
- ²⁴ РО ИРЛИ. Ф. 100. №29922.
- ²⁵ РО ИРЛИ. Ф. 100. №29939.
- ²⁶ РО ИРЛИ. Ф. 100. №29933.
- ²⁷ РО ИРЛИ. Ф. 100. №29931.
- ²⁸ РО ИРЛИ. Ф. 100. №29940.
- ²⁹ РО ИРЛИ. Ф. 100. №29942.
- ³⁰ РО ИРЛИ. Ф. 100. №29936.
- ³¹ РО ИРЛИ. Ф. 100. №29935.
- ³² РО ИРЛИ. Ф. 100. №29937.
- ³³ РО ИРЛИ. Ф. 100. №29941.
- ³⁴ РГАЛИ. Ф. 212.1.107
- ³⁵ Опубликовано по первой публикации: Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Т. I. Биография, письма и замѣтки изъ записной книжки. СПб., 1883. С. 340–341.
- ³⁶ Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Т. I. Биография, письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 328. С. 334, 336.
- ³⁷ Там же. С. 332–333.
- ³⁸ Там же. С. 342.
- ³⁹ РО ИРЛИ. Р. III. оп. 2. № 1025.
- ⁴⁰ Год поставлен рукой сотрудника архива.
- ⁴¹ РГАЛИ. Ф. 212.1.106. Л. 1 об.
- ⁴² Там же. Л. 2.
- ⁴³ Там же. Л. 1 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 2.
- ⁴⁵ Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Т. I. Биография, письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 328.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Худож. лит., 1961. 614 с.
2. Волгин И. Последний год Достоевского: исторические записки. М.: АСТ: Зебра Е, 2010. 736 с.
3. Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / Ред. и вступ. ст. А. А. Достоевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 432 с.
4. Достоевская А. г. Воспоминания. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 480 с.

5. Зильберштейн И. С. Новонайденные и забытые письма Достоевского // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 86. С. 114–152.
6. Левченко Н. И. Круг знакомых Ф. М. Достоевского в семипалатинский период жизни // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1994. Т. 11. С. 235–246.

Андрианова Ирина Святославовна

*кандидат филологических наук,
заведующая Web-лабораторией филологического факультета,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
yarysheva@yandex.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.5

ПИСЬМА ДОСТОЕВСКОГО К ЖЕНЕ: ПРОБЛЕМА ЦЕНЗУРНЫХ ИСПРАВЛЕНИЙ А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Аннотация: После смерти Ф. М. Достоевского его вдова Анна Григорьевна стала хранительницей и собирательницей личного архива писателя и других документов, связанных с его именем. Это собрание она тщательно берегла для потомков и систематически пополняла до последних дней своей жизни. Наряду с этим, в архиве Достоевского, сохранившемся до наших дней, имеются рукописи, которые его вдова подвергла правке. Речь идет о письмах Достоевского к ней. В статье анализируются избранные цензурные исправления, сделанные Анной Григорьевной Достоевской в письмах Ф. М. Достоевского к ней. В задачи данной работы входит уточнение первоначального текста писем Достоевского к жене за 1873 год за счет расшифровки зачеркнутых слов и строк, определение перспектив в дальнейшем текстологическом изучении указанных рукописей. Расшифровка выполнялась с помощью традиционных (визуальных) методик чтения и анализа рукописных текстов. Целью публикации является — разобраться в причинах, побудивших вдову писателя стать редактором и цензором писем Достоевского к ней. При подготовке данной работы использовались архивные материалы, в том числе неизвестные широкому кругу исследователей творчества писателя и его окружения (копии писем Достоевского к жене и примечания к письмам, сделанные ее рукой).

Ключевые слова: Достоевский, А. Г. Достоевская, эпистолярное наследие, цензурные исправления, текстология.

В архивах России сохранились 164 письма Ф. М. Достоевского к жене¹. Они проанализированы Н. Ф. Бельчиковым [2], А. С. Долининым [3], С. В. Беловым, В. А. Тунимановым [1], Н. В. Шевцовой [7–8]. Значительные

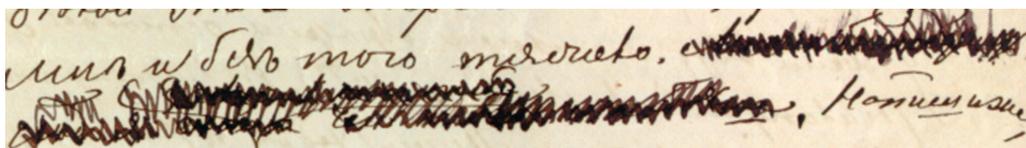
перспективы в их изучении открывает оптико-электронная текстология, позволяющая исследовать не доступные визуальному прочтению места в рукописях Достоевского (авторские зачеркивания, краткие пометы, неавторские подчистки, угасший текст и т. п.)². За неимением результатов подобных исследований в изучении эпистолярного наследия писателя попытаемся, ограничившись традиционными методиками чтения рукописных текстов, уточнить первоначальный текст писем Достоевского к жене, разобраться в причинах, побудивших его вдову стать их редактором и цензором.

А. Г. Достоевская умерла в 1918 году, оставив распоряжение относительно судьбы ее переписки с мужем. Письма к Достоевскому она, в силу своей скромности и нелюбви к публичности, не предполагала издавать: «Въ случаѣ если найдены будутъ письма мои къ моему мужу, я прошу моихъ наслѣдниковъ *уничтожить* ихъ, такъ какъ для меня было бы чрезвычайно тяжело, еслибы онѣ когда либо появились въ печати»³. «Письма Феодора Михайловича ко мнѣ, какъ представляющія собою чрезвычайный литературный и общественный интересъ, — указала завещательница, — могутъ быть напечатаны послѣ моей смерти въ какомъ либо журналѣ или отдѣльною книгою. *Умоляю* моихъ наслѣдниковъ отнестись къ дѣлу напечатанія этихъ писемъ съ необычайною осмотрительностью. Изъ числа ихъ должны быть исключены *всѣ* особенно интимныя, касающіяся только меня лично. Прежде чѣмъ письма будутъ кому либо отданы, наслѣдники мои, сынъ мой и дочь, должны сообща прочесть и обсудить возможность появления въ печати тѣхъ или другихъ писемъ. <...> Желательно чтобы письма были напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ цѣликомъ (кромѣ исключенныхъ моими дѣтьми). Если нельзя напечатать цѣликомъ, то можно бы было напечатать лишь письма, относящіяся къ Пушкинскому празднеству. *ПРОШУ* моихъ дѣтей *НЕ* давать писемъ для чтенія, т. к. они могутъ затеряться или ихъ спишутъ и напечатаютъ въ искаженномъ видѣ»⁴.

Письма мужа были для Анны Григорьевны самой ценной частью его рукописного наследия, она называла их «художественной поэмой» [5, 584]. При том, что жена являлась редактором и издателем сочинений Ф. М. Достоевского, она никогда не издавала его писем, объясняя это тем, «что въ нихъ сказано столько ласковаго, столько лестнаго обо мнѣ, что мнѣ казалось невозможнымъ напечатать это при жизни. <...> Въ письмахъ, въ частности, онъ такъ преувеличивалъ мои достоинства, такъ не замѣчалъ недостатковъ, что, мнѣ казалось, это должно было остаться между нами, чтобы меня не обвинили въ безмѣрномъ честолюбіи, не назвали безумной самокларамисткой»⁵.

Не имея намерения при своей жизни опубликовать письма Достоевского, вдова писателя все-таки тщательно подготовила их к публикации. Руководствуясь строгой личной цензурой, она густо зачеркнула отдельные строки. Остановимся для примера на одной из архивных единиц писем

Ф. М. Достоевского к жене, а именно — РГАЛИ, ф. 212, оп. 1, д. 26. Это письма за 1873 год. В них около 18 строк зачеркнуты А. Г. Достоевской (на л. 1 об. — 1 слово; на л. 7 об., 12, 14 об., 19, 27 об., 35 об. — по 1 строке; на л. 16 — 2 строки; на л. 33, 33 об. — по 5 строк), причем намеренно зачеркнуты слишком тщательно, густо, горизонтальными и зигзагообразными линиями в несколько слоев. Некоторые из этих вымаранных мест не удалось прочитать ни специалистам, работавшим над Полным собранием сочинений писателя в 1972-1990 гг., ни автору данной статьи. Задача усложняется тем, что в этих строках не встречается букв с выносными элементами, характерными для почерка Достоевского («б», «р», «к», «л», «т», «ш»), по которым можно определить зачеркнутое слово. В будущем здесь необходимо провести оптико-электронное исследование.

Фрагмент письма Ф. М. Достоевского с зачеркиванием А. Г. Достоевской

Далее используем следующие условные текстологические обозначения: расшифрованный зачеркнутый текст приводим в квадратных скобках []; слова, прочитанные предположительно, обозначены знаком вопроса в угловых скобках <?>. В косых скобках / / приводится вписанный текст. Попутно выявляем ряд неточностей в предположительных вариантах прочтения зачеркнутого текста в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского (ПСС).

- От 22 июня: «Опять у ангела моего Лили будутъ зубки болѣть! Береги ее Аня [и не обходишь съ нею<?> грубо когда она стонетъ отъ боли]»⁶. (Ср. в ПСС: [и не обижай, пожалуйста, когда она станет <нрзб.>]) [4; 271].
- От 26 июня: «Я же ничего не пишу за хлопотами. [*Далее полстроки густо зачеркнуты и не расшифрованы.*> къ 20 му] у меня колоссальный дефицитъ» (12) [4; 274].
- От 10 июля: «Другъ мой незнаешь ты какъ я тебя люблю; еслибъ знала сердечнѣе бы обращалась со мной иногда» (14 об.) [4, 277].
- От 12 июля: «Между тѣмъ номера Гражд. стали ужасно дорого оплачиваться. Въ слѣдующій понедѣльникъ мнѣ надо выдать 130 руб. (minimum) а гдѣ я возьму? Не выдать же низачто нельзя: есть писатели новые и марать журналъ, неуплатой, невозможно; [съ меня за него<?> справедливо спросить Мещерскій такъ какъ мнѣ выданы деньги.]» (16).

(Ср. в ПСС: [С меня <нрзб.> справедливо требует Мещерский, так как мне все более жалко<?> <нрзб.>]) [4, 278].

От 23 июля: «[Аня обѣщай думать <Далее строка густо зачеркнута и не расшифрована.> больше.]» (19)

(Ср. в ПСС: [Аня, обещаешь думать <5–7 нрзб.>]) [4, 281].

От 13 августа: «Ты Аня вѣрно [<Далее несколько слов густо зачеркнуты и не расшифрованы.> все это прочтешь<?>], дума[я]/ешь/⁷ что припадки мои какъ прежніе» (19)

(Ср. в ПСС: Ты, Аня, верно, [<2 нрзб.> всё это пустяки,] думая, что припадки мои какъ прежніе) [4; 289–290].

От 19 августа: «При спокойствіи я больше и лучше могу писать. [Я не разъ тебѣ говорилъ это, но ты [моимъ] /этимъ/⁸ словамъ рѣдко цѣну давала.] Говорю тебѣ что больше наработаю при спокойствіи. [Теперь то ужъ меня покрайней мѣрѣ нельзя обвинять въ томъ что вздорилъ:]» (33).

(Ср. ошибочное прочтение в ПСС первого зачеркивания: [Я не разъ тебе говорилъ это, но ты слишкомъ этимъ словамъ редко цену давала.]) [4, 294].

«Вѣдь послѣ худо будетъ, коли зимой онъ насъ сгонитъ. [<Далее вписана между строк и густо зачеркнута фраза — не расшифрована.> А потомъ бѣда.]» (33) [4, 294].

«[Мостовскій<?>, который разыскиваетъ Анну Николавну. Онъ имѣетъ росписку ея въ 150 ~ <рублей. — И. А.>, сдѣланную ею какому то Ленчу въ 67 году. Анна Николавна еще не была у меня, и я ей не передалъ. Но ему сказалъ, что не знаю гдѣ она но что моя жена можетъ быть знаетъ, Т. е. ты, чтобы какъ нибудь отговориться. Онъ стало быть купилъ документъ рублей за 5. Въ Адресс<номъ> столѣ Анна Николавна незаписана], онъ говорилъ мнѣ что ужъ искалъ» (33 об.) [4, 295].

От 20 августа: «Анна Николаевна [была очень смущена долгомъ Ленчу.]» (35 об.) [4, 298].

В письме Ф. М. Достоевского от 20 мая 1873 года вдова делает исправление своей рукой — зачеркивает более экспрессивное слово и заменяет стилистически нейтральным: «Братъ Андрей пріѣхалъ только потому что узналъ о Шерахъ и тоже (какъ и мы) былъ увѣренъ въ возможности [захватить] /получить/ все» (1 об.) [4, 267]. Известно, что с О. Ф. Шер и ее семьей писатель и его брат А. М. Достоевский долгие годы никак не мог разделить наследство тетки А. Ф. Куманиной. Очевидно, Анна Григорьевна этим исправлением желала смягчить в восприятии читателей сложность ситуации.

Готовя письма мужа к публикации, Достоевская сняла с них копии. Последние занимают три тетради и хранятся в РГАЛИ⁹. Будучи аккуратной

и опытной переписчицей, она в большинстве случаев сохранила даже авторскую пунктуацию. При этом сам текст копий писем не избег цензуры вдовы. Кроме того, что в них уже изначально нет текста, вычеркнутого ею в автографах, Анна Григорьевна стирает очередные строки ластиком. Такому уничтожению подверглись в первую очередь интимные признания Достоевского и бытовые подробности его жизни (напр., в письме от 7 июля 1877 г. описание того, как писатель травил тараканов¹⁰).

Как подтверждают процитированные рукописные материалы, записи, которые вдова Достоевского тщательно зачеркивала, не желая выставлять на суд потомков, — не крамольные, а вполне невинные, жизненные. Это в первую очередь любовные признания мужа и его ревнивые укоры в ее адрес, обвинения в недостаточной материнской ласке и заботе о детях, а также строки, повествующие о некоторых долговых делах семьи Достоевских.

Особое значение для исследователей творчества писателя имеют «Примѣчанія, сдѣланныя А. Г. Достоевскою къ письмамъ къ ней Ѳ. М. Достоевскаго». Они относятся к письмам 1866–1872 гг., размещены в конце первой тетради с копиями¹¹ и, судя по этому, задуманы как затекстовые пояснения. Анна Григорьевна, не понаслышке знакомая с редакторской деятельностью, проявила себя грамотным оформителем и составителем пояснительного текста. Установка на помощь читателям в чтении и понимании писем Ф. М. Достоевского стала главной для нее. Ее примечания насчитывают 75 пунктов, к которым отсылают знаки сносок в тексте. Достоевская поясняет имена и фамилии, специальные слова и отдельные фразы, понятные только авторам переписки. Фактическая точность, в большинстве случаев лаконичность отличают справочные сведения, данные А. Г. Достоевской: «4. У Ивановыхъ, Т. е. въ семьѣ Вѣры Михайловны Ивановой, своей любимой сестры. <...> 9. Любимовъ, Н. А. профессоръ, имѣвшій большое значеніе въ редакціи «Русскаго Вѣстника». <...> 48. Вѣрочка — Вѣра Михайловна Иванова, сестра Ѳ<едора> М<ихайловича>»¹². Однако не все примечания содержат пояснения общего характера — наиболее объемные из них содержат отношение составительницы к субъекту или предмету справки: «20. Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ — знаменитый поэтъ. Онъ часто заходилъ къ Ѳ<едору> М<ихайловичу> и заставлялъ его диктующимъ мнѣ романъ «Игрокъ». Мнѣ случалось бесѣдовать съ нимъ и онъ произвелъ на меня чудесное впечатлѣніе своимъ умомъ и добротою»¹³. Подобные оценки супруги писателя не менее важны для читателей и исследователей его эпистолярного наследия.

Анна Григорьевна не успела придать своей работе по составлению примечаний законченный вид. В некоторых случаях обозначены пункты, к которым намечено дать примечания, но самих сведений не дано; или знаки сносок в тексте писем поставлены, но примечания отсутствуют; встречаются

слова, над которыми вписаны варианты, но окончательный выбор из синонимического ряда не сделан.

А. Г. Достоевская была человеком щепетильным, «прюдствующим»¹⁴, по выражению писателя. «Не прюдствуй читая это», — наставлял он ее в письме 16 (28) июня 1874 г.¹⁵. Вспоминая свой диалог с М. Е. Салтыковым-Щедриным, она писала в мемуарах: «Посмотрите ка что Вы тамъ написали о женщинѣ, какія выраженія. Да вѣдь этакъ вашу книжку нельзя дать въ руки молодой дѣвушкѣ. Какая вульгарность, какой жаргонъ! Какія неприличныя выраженія. А вы знаете что я прежде всего за приличія. Приличія и нравственность!»¹⁶.

С одной стороны, Анна Григорьевна ясно понимала и признавала, что письма мужа к ней составляют «цѣнность всей Россіи»¹⁷. Не случайно она их сохранила и сделала к ним примечания. С другой — для нее это документы личной и семейной жизни, избранные моменты которой она не хотела выносить на общественный суд и вымарывала. О том, как исследователю относиться к фактам уничтожения и порчи историческими личностями своих личных архивов, справедливо писала М. О. Чудакова: «Потомки — не судьи. Мы не вправе выносить приговоры поступкам этих людей, быть может, не вправе даже их оценивать» [6, 48]. Но исследователь-текстолог, особенно вооружившись возможностями оптико-электронных исследований, может попытаться решить практическую задачу — установить критический текст писем Достоевского, освободив его от цензурных вмешательств супруги: расшифровать зачеркнутые строки, выявить исправленные слова, устранить искажения. Задача эта непростая, но ее решение поможет восстановить историю текста писем Ф. М. Достоевского к Анне Григорьевне, прояснить некоторые факты из жизни и творчества писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект 14-34-01245а2.

- ¹ Опубликованы в изданиях: Письма Ф. М. Достоевского к жене. М.-Л.: Центрархив, 1926; Достоевский Ф. М. Письма: в 4 Т. М; Л.: Academia, 1928–1959; Ф. М. Достоевский. А. Г. Достоевская. Переписка. М.: Наука, 1979.
- ² См. об этом: Молчанов В. Ф., П. П. Петров, С. П. Петров. Евангелие Достоевского (Неизвестные аспекты творческого наследия Ф. М. Достоевского: опыт оптико-электронного исследования) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 18 Т. М.: Воскресенье, 2005. Т. 18: Документы; Воспоминания. 2005. С. 9–154; Молчанов В. Ф. Евангелие Достоевского: Оптико-электронная реконструкция авторских маргиналий // Евангелие Достоевского: Исследования. Материалы и комментарии. В 2 Т. М., 2010. Т. 2. С. 36–43; Молчанов В. Ф. Инновационные методы экспертизы и научного описания рукописных текстов // Библиотековедение. 2012. №2. С. 44–51.
- ³ Достоевская А. Г. Записная тетрадь с заголовком: «En cas de ma mort ou d'une maladie grave. Объяснения домашних дел и указания, сделанные А. Г. Достоевской на случай

- ее смерти или тяжелой болезни, в марте 1902 года и в последующие годы» (1902–1911) // РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 224. Л. 21–21 об.
- ⁴ Там же. Л. 47 об.
- ⁵ Измайлов А. Спутница жизни Достоевского (Памяти А. Г. Достоевской): вырезка из газеты // РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 181. Л. 30.
- ⁶ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 26. Л. 7 об. Далее ссылки на эту архивную единицу хранения даны в тексте в круглых скобках с указанием листа.
- ⁷ Исправление было сделано рукой Ф. М. Достоевского.
- ⁸ Исправление было сделано рукой Ф. М. Достоевского.
- ⁹ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 152, 153, 154.
- ¹⁰ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–2 об. (Ср.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 2. С. 161–163.)
- ¹¹ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 152. С. 131–153. Опубл. в: Достоевский Ф. М. Письма к жене. М.; Л., 1926. С. 312–366 — вместе с дополнительными примечаниями редакторов.
- ¹² Там же. С. 132, 134, 149.
- ¹³ Там же. С. 135.
- ¹⁴ grude — преувеличенно стыдливый (франц.).
- ¹⁵ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 27. Л. 15. (Ср.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 333.)
- ¹⁶ Достоевская А. Г. Воспоминания (1877 г., литературные друзья) // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29599. Л. 1 об.
- ¹⁷ Измайлов А. Спутница жизни Достоевского (Памяти А. Г. Достоевской) // РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 181. Л. 30.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов С. В., Туниманов В. А. Переписка Достоевского с женой // Ф. М. Достоевский. А. Г. Достоевская. Переписка. М., 1979. С. 353–388.
2. Бельчиков Н. Ф. Предисловие / Н. Ф. Бельчиков // Дневник А. Г. Достоевской. М., 1823. С. VII–XVI.
3. Долинин А. С. Предисловие // Достоевский Ф. М. Письма. М.; Л., 1928–1959.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1986. В 30 т. Т. 29. Кн. 1. 574 с.
5. Ковригина З. С. Последние месяцы жизни А. Г. Достоевской // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы. М.; Л., 1924. Сб. 2. С. 583–590.
6. Чудакова М. О. Беседы об архивах. М.: Молодая гвардия, 1975. 224 с.
7. Шевцова Н. В. Эпистолярный жанр в наследии Ф. М. Достоевского: дис... канд. филол. наук: Челябинск, 2004. 228 с.
8. Шевцова Н. В. Эпистолярное наследие // Достоевский: сочинения, письма, документы. Словарь-справочник. СПб., 2008. С. 401–410.

Андрианова Ирина Святославовна

*кандидат филологических наук,
заведующая Web-лабораторией филологического факультета,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
yarysheva@yandex.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.6

КЛЕВРЕТ ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: П. А. Попов — один из самых настойчивых кредиторов Ф. М. Достоевского. В стремлении «выбить» долг с литератора этот опытный кредитор не только не гнушается настойчивыми посещениями квартиры Достоевского, но и искусно применяет методы психологического воздействия в письмах. Его письма в полном объеме публикуются впервые.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, П. А. Попов, кредитор, эпистолярное наследие

Известно, что после смерти старшего брата Михаила Достоевский принял огромные долги по журналам «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865), которые они вместе издавали. Как вспоминала А. Г. Достоевская, «долги были вексельные, и кредиторы страшно беспокоили Федора Михайловича, грозя описать его имущество, а самого посадить в Долговое отделение. <...> Федор Михайлович всюду искал денег, но без благоприятного результата»¹.

Некоторые кредиторы буквально преследовали Достоевского и доводили его «до отчаяния»². Один из них — Попов Петр Александрович (1832–1872). Сохранилось девять его писем к писателю за 1865–1867 гг. Они написаны трудночитаемым почерком с небольшими исправлениями текста. В каждом из них — настойчивые просьбы об уплате денег по векселю, выданному покойным М. М. Достоевским издателю Г. Е. Благосветлову.

В отличие от большинства кредиторов Достоевского, писавших короткие письма-напоминания сухим канцелярским языком, Попов выходит за рамки официально-делового стиля. В стремлении «выбить» долг с литератора этот опытный кредитор не только не гнушается настойчивыми посещениями квартиры Достоевского, но и искусно применяет методы психологического воздействия в письмах. Попов то обращается к порядочности и благородству Достоевского, то давит на жалость («*Крайне обременительно вести переписку<, > имѣть разгъзды къ Вамъ по отдаленности моего жительства слѣдовало бы облегчить и меня*»), то угрожает долговой тюрьмой, то, манипулируя словами самого Достоевского, их же обращает в адрес писателя («*Въ заключеніе мнѣ остается повторить Ваше изрѣченіе, что тотъ день будетъ истиннымъ свѣтлымъ для меня праздникомъ<, > когда я получу удовлетвореніе*»). Для кредитора Попова письма — инструмент воздействия на должника Достоевского, поэтому в них используются сарказм («*вѣдь будущее извѣстно единому Богу, отъ насъ же смертныхъ оно сокрыто, а потому я рѣшительно не знаю, когда ниспослется Вамъ финансовая манна?*»), риторические вопросы («*Будетъ ли конецъ этимъ отсрочкамъ? Долго ли буду я упитывать этотъ путь моими подошвами? И когда увижу конецъ моему путешествію?*»), метафоры («*финансовая манна*», «*услышала старую песню*», «*свѣтлый праздникъ*», «*текутъ къ Вамъ въ карманъ финансы*»), устойчивые выражения и пословицы («*долженъ вѣкъ, только платежа нѣтъ*», «*по пословицѣ, иногда молчаніе служитъ всему отвѣтомъ но не во всякихъ дѣлахъ*» — посл.: «*доброе молчаніе, чем не отвѣтъ?*»), экспрессивная лексика («*расквитаться*», «*давить*»).

Любопытно, что Попов в письмах дважды использует церковно-книжное слово «клеверт» по отношению к Достоевскому: «*я давилъ моего клеверта за этотъ долгъ*», «*ожидая добровольной благостыни отъ клеверта*». К истории значений этого слова обращался В. В. Виноградов³. В современных толковых словарях русского языка клеверт обычно определяется как «приспешник, приверженец», имея ярко отрицательную экспрессивную тональность, выражая чувства презрения и даже негодования, ненависти⁴. Между тем это слово, пришедшее в русский литературный язык из старославянского, до середины XIX в. не имело эмоционально-экспрессивных оттенков и употреблялось в значении «друг», «союзник», «единомышленник», «товарищ», «собрат». В 30-40-е гг. в книжной речи оно становится менее употребительным. Однако в середине XIX в., как раз в 60-х годах, когда ведется переписка Попова с Достоевским, оно возрождается с новым значением — «приверженец, приспешник монархической партии»⁵. В. В. Виноградов приводит в пример следующую цитату из автобиографической повести Ф. М. Решетникова «Между людьми» («Записки канцеляриста»), изданной в 1865 г.: «(Это слово он где-то вычитал и ему оно очень понравилось. Это слово, по его понятию, было нехорошее, хуже всех ругательных слов.) И начинает он рассказывать целые истории об этих "клевертах"»⁶.

По всей видимости, большую роль экспрессивных оттенков в значении слова «клевет» мог учитывать и Попов в своих обращениях к Достоевскому.

Рассуждения о том, кем является Попов, — «желчным и неумным вымогателем», не заботившимся о судьбе русской литературы⁷, или просто «несчастливым», нуждающимся человеком, которому длительное время не возвращают долг⁸, — ни к чему не приведут. Достоевский написал навязчивому кредитору не менее 7 ответных писем (с апреля 1864-го по 25 января 1866 г.), однако они не сохранились. Документальных подтверждений тому, что именно Попов «во многом и способствовал решению Достоевского хоть на время скрыться за границей»⁹ не обнаружено. Есть только косвенные доказательства. Так, из содержания писем кредитора ясно, что они оказывали сильное воздействие на писателя: заставляли полемизировать, почти молить об «оттяжке» долга, ссылаясь даже на свою тяжелую болезнь, доводили до отчаяния, выводили из себя, мучили («тогда бы конечно не написали Вы упрека кредитору что вексель этотъ составляетъ Ваше несчастіе и что тяжело для Васъ терпѣть столько мукъ изъ за остатка этаго долга отъ безжалостныхъ кредиторовъ и работать не для того, что бы шить себѣ штаны, а что бѣ платить не за свои долги»).

Публикуется по подлиннику: РО ИРЛИ, ф. 100, №29820.

<1.>

Милостивый Государь
Федоръ Михайловичъ

По возвращеніи Вашемъ изъ заграницы, Вы при личномъ моемъ съ Вами свиданіи рѣшительно объявили мнѣ, что не можете уплатить остальную сумму /по/ Вашему¹⁰ векселю, какъ въ будущемъ 1866 году, а если я буду дѣйствовать чрезъ полицейское начальство, то и ничего не получу. Этотъ Вашъ рѣшительный отвѣтъ изумилъ меня тѣмъ болѣе, что Вамъ здѣлано было всякое снисхожденіе и что Вы обѣщались по прибытіи восвояси уплатить хотя половину, и не исполнили Вашего слова. Этаго же результата

// л. 1

можно ожидать отъ Васъ и въ предстоящемъ году; Слѣдовательно это все равно, что долженъ вѣкъ, только платежа нѣтъ. Въ семъ случаѣ поставлю Васъ самихъ судьей, какая же предстоитъ для меня вѣрная надежда получить отъ Васъ удовлетвореніе? Воля Ваша, если Вамъ не угодно будетъ на этихъ дняхъ уплатить сколько нибудь по вексельной претензіи, то Вы заставите меня во преки желанія моего дѣйствовать какъ предоставляютъ законы а тамъ увидимъ, что Богъ дастъ. По этой причинѣ я ожидаю отъ Васъ на письмо сіе положительнаго отвѣта. —

*Имѣю честь быть съ почтеніемъ
моимъ Вашъ покорный слуга П. Поповъ*

Ноябрь 23 дня
1865 года

// л. 1 об.

<2.>

Милостивый Государь
Федоръ Михайловичъ.

Всеубѣдительнѣйше прошу Васъ къ новому году уплатить мнѣ хотя 30 рублей; вчера возвратясь отъ Васъ домой, встрѣтилъ не ожиданно большую и безотлагательную экстренность въ деньгахъ по одному дѣлу, производящемуся у меня въ Правит. Сенатъ, которому должно послѣдовать рѣшеніе въ первыхъ числахъ января наступающаго 1866 года. Я увѣрилъ, что бы до 1го числа или до новаго года подождало бы извѣстное лицо

// л. 2

а потому что бы не краснеть¹¹ и не быть лжецомъ, я вынужденъ беспокоить Васъ этимъ письмомъ и на канунъ новаго года заѣду къ Вамъ утромъ часу въ 11м въ полной надеждѣ исполненія моей покорнѣйшей просьбы — съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашъ

покорный слуга П. Поповъ

Декабря 28 дня
1865 года

// л. 2 об.

<3.>

Почтеннѣйшій Федоръ Михайловичъ

Вы напрасно принимаете косвенныя пути и хлопоты для учиненія отсрочки платежа по извѣстному векселю. Документъ этотъ составляетъ полную мою собственность, и ни кто, кромѣ меня, не можетъ и не вправе располагать временемъ или обожданіемъ уплаты. Я весьма уважаю Гр. Евл. Бл<агосвѣтлова> но въ семъ случаѣ не могу уважить его просьбу; причины же сему, Вамъ слишкомъ извѣстны. — Съ моей стороны оказано Вамъ большое снисхожденіе и вряд ли кто другой это сдѣлаетъ? Покорнѣйше прошу Васъ позаботиться объ исполненіи отъ Васъ зависящаго. — Уплатите мнѣ въ число слѣдующаго долга на дняхъ хотя 50 руб., а тогда можно еще повременить. Чѣмъ премного обяжете меня

преданнаго слугу Попова

«20» января
1866 года

// л. 4

<4.>

Достойнѣйшій Федоръ
Михайловичъ.

Предъ моими глазами лежитъ семь Вашихъ писемъ, полученныхъ мною съ Апрѣля 1864 и по 25 число января сего 1866 года. Главное ихъ содержаніе заключается въ томъ, что бы я сколько возможно укрѣплялся терпѣніемъ и ожиданіемъ того времени, когда будутъ у Васъ деньги: но вѣдь будущее извѣстно единому Богу, отъ насъ же смертныхъ оно сокрыто, а потому я рѣшительно не знаю, когда ниспослется Вамъ финансовая манна? Будьте же и Вы сколько нибудь къ моему терпѣнію великодушны и позаботьтесь¹² объ исполненіи

// л. 5

моей покорнѣйшей просьбы. Январь истекаетъ, а мнѣ за терпѣніе обѣщается токмо новое дальнѣйшее терпѣніе, а имянно: когда у Васъ будутъ деньги, то расплатитесь. Нельзя ли хоть на 30^е число обрадовать меня настоящимъ, сего января месяца¹³. Вы сами знаете, вѣдь во всѣхъ дѣлахъ есть мѣра и конецъ. Мое крайне/нѣ/¹⁴ положеніе вынуждаетъ меня столько Васъ беспокоить. Короткой Вашѣ знакомый Осипъ Абрамовичъ¹⁵ прекрасно бы здѣлалъ, вмѣсто ходатайства своего за Васъ, предъ Г. Благосвѣтловымъ¹⁶, снабдилъ бы Васъ финансами и это весьма бы было благопріятно и для меня и для Васъ. Надѣюсь, что это письмо будетъ для меня удачнѣе прежнихъ

имѣю честь преданный слуга П. Поповъ

«27» Января
1866 года

// л. 5 об.

<5.>

15 марта / 1866 года
Милостивый Государь
Федоръ Михайловичъ

Читая Ваше письмо отъ 13 сего марта, нельзя не удивляться необыкновеннымъ Вашимъ понятіямъ о вексельномъ кредитѣ, установленномъ Монаршими законами. – О вексель Вашемъ я поговорю ниже; а прежде всего обращусь къ тому, что въ началѣ Вашего письма, Вы между прочимъ изъясняете, что я будто бы не понялъ Вашихъ словъ, назвавъ оттяжкою, когда Вы сказали, что какъ скоро будутъ деньги тогда Вы заплатите, но Вы не прибавили, что такое удостовѣреніе употребили въ деликатномъ смыслѣ, изъ одной совѣсти; но вѣдь право трудно было разгадать Ваше намѣреніе; по этой причинѣ я и принялъ Ваши слова въ букваль-

номъ смыслъ, полагая что и каждый бы на моемъ мѣстѣ понялъ оныя такимъ же образомъ. –

Послѣ сего Вы объясняете тѣ источники изъ

// л. 6

коихъ текутъ къ Вамъ въ карманъ финансы. Но согласитесь, что подобныя свѣденія не для какого заимодавца ни сколько не интересны. Благосклонный кредиторъ въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ одно неотъемлемое право, а имянно: оказать снисхожденіе въ отсрочку, подождать платежа по миновеніи срока документу; но это снисхожденіе съ моей стороны оказано и оказывается; съ Апрѣля месяца 1865 года, по уваженію Вашихъ многократныхъ убежденій¹⁷. Здѣсь совѣсть моя нисколько не укоряетъ меня, что бы я давилъ моего кред клеветы за этотъ долгъ. Между тѣмъ въ прошлый разъ, при свиданіи моемъ съ Вами, Вы сказали, что непременно¹⁸ постараетесь удовлетворить меня къ празднику Пасхи; а теперь пишите¹⁹, что положительно можете удовлетворить меня на святки. Вѣдь это тоже походитъ на оттяжку. Какими же ресурсами я буду жить до Пасхи? Ежели подобно Вамъ должники будутъ мнѣ отказывать въ удовлетвореніи;²⁰ вѣдь это почти тоже значитъ; что было бы

// л. 6 об.

намъ хорошо а другіе пусть умираютъ съ голоду; посему излагаемые Вами факты, въ письмѣ Вашемъ ничуть для меня не радостны, и, нисколько для меня не интересно знать, сколько у Васъ въ настоящее время имѣется въ карманъ денегъ?

Въ заключеніе, Вы пишите²¹, что Вы не брали у меня въ займы ни одного рубля; что то долгъ Вашего брата Благосвѣтлову и что онъ послѣ смерти его не получилъ бы отъ Васъ ни одной копѣйки, эта грамота Ваша рѣшительно для меня мудрена и непонятна; напрасно все Вы такъ не поступили въ ознаменованіе памяти къ Вашему покойному брату; тогда бы конечно не написали Вы упрека кредитору что вексель этотъ составляетъ Ваше несчастіе и что тяжело для Васъ терпѣть столько мукъ изъ за остатка этаго долга отъ безжалостныхъ кредиторовъ и работать не для того, что бы сшить себѣ штаны, а что бъ платить не за свои долги. Признаюсь что эта запальчивость Ваша вовсе не умѣстна,

// л. 7

что Вы имѣете какое то странное, не скажу дикое понятіе, о вексельныхъ долгахъ. Въ семъ случаѣ не мешало²² бы Вамъ заглянуть въ X и XI томъ<а> Зак<оновъ> гдѣ помѣщены уставы о существѣ долговыхъ обязательствъ: напримѣръ если бы я заплатилъ валюту по Вашему векселю извѣстному лицу, послѣднее же получивъ удовлетвореніе отъ меня передало Вашъ вексель для полученія денегъ отъ Васъ: развѣ Вы не должны платить? развѣ я не такія же платилъ деньги Вашему должнику /заимо-

давицу/? Слѣдовательно брали, или не брали Вы непосредственно денегъ, но какъ скоро вексель Вашъ дошелъ ко мнѣ законнымъ образомъ, Вы обязаны платить и неговорить, что Вы не брали отъ меня денегъ. Напрасно Вы изъявляете неудовольствіе, что я будто бы подсмѣиваюсь въ моемъ письмѣ надъ Вашею болѣзнію, чего я не имѣлъ и въ помышленіи, а коснулся о семъ потому только, что Вы почти въ каждомъ письмѣ извиняете себя въ неустойкахъ Вашихъ и обѣщаніяхъ болѣзненными припадками и за это навязываете мнѣ для испытанія Вашу болѣзнь, благодарю, но даже не желаю и Вамъ ею пользоваться. Въ заключеніе мнѣ остается повторить Ваше изрѣченіе, что тотъ день будетъ истиннымъ свѣтлымъ для меня праздникомъ<,> когда я получу удовлетвореніе. Имѣю честь быть съ моимъ почтеніемъ Вашъ покорный къ услугамъ П. Поповъ
// л. 7 об.

<6.>

Милостивый Государь
Федоръ Михайловичъ

Я всегда былъ и есмь готовъ здѣлать въ удовлетвореніе Ваше все, что отъ меня только зависитъ и въ моей возможности: но случилась домашняя крайность, которую можно только сообщить лично, а не на бумагу. По этой причинѣ я и рѣшился беспокоить Васъ: но впрочемъ ежели Вы не имѣете въ настоящее время способа удовлетворить моей крайней²³ нужды, то конечно и отъ прежняго условія не прочь; но по крайней²⁴ мѣрѣ не можете ли Вы мнѣ дать и на апрѣль. Это также бы нѣсколько облегчило²⁵ мои нужды; слѣдовательно до мая я бы уже не беспокоилъ

// л. 8

Васъ моими докуками и очень бы остался Вамъ благодаренъ. Нужды мои безотлагательны; теперь ѣзжу черезъ рѣку; на Николаевской мостъ большая для меня /даль/. Завтра мнѣ необходимо быть въ Вашихъ краяхъ; по этой причинѣ заверну и къ Вамъ въ надеждѣ полученія отъ Васъ благостыни -

имѣю честь быть съ истиннымъ уваженіемъ покорный къ услугамъ П. Поповъ

Апрѣля 9 дня
1866 года

// л. 8 об.

<7.>

Милостивый Государь
Федоръ²⁶ Михайловичъ.

Кажется у насъ возникаетъ прежняя полемика на счетъ извѣстнаго векселя: на предпоследнее письмо мое, Вы отвѣчали молчаніемъ, конечно по пословицѣ, иногда молчаніе служитъ всему отвѣтомъ но не во всякихъ дѣлахъ. Вы почтеннѣйшій Федоръ Михайловичъ могли убѣдиться, что я далеко отъ всѣхъ притязаній въ долговыхъ искахъ и по мѣрѣ возможности ожидаю добровольной благостыни отъ клеверта. Но обращаюсь къ добровольному глаголу Вашему платить каждый мѣсяцъ²⁷

// л. 10

опредѣленную Вамъ извѣстную сумму. Божусь Вамъ честію, что крайнюю имѣю нужду, и всепокорнѣйше прошу Васъ принять во вниманіе мою безотлагательную надобность; въ среду 1 Юня я заѣду къ Вамъ около 12ти часовъ /дня/. Какъ бы Вы меня обязали, еслибъ расквитались со мною. Крайне обременительно²⁸ вести переписку<, > имѣть разъѣзды къ Вамъ по отдаленности моего жительства слѣдовало бы облегчить и меня.

Имѣю честь быть преданный²⁹ къ услугамъ

П. Поповъ

Мая 31 дня
1866 года

// л. 10 об.

<8.>

Милостивый Государь
Федоръ Михайловичъ

Между благородными, въ буквальномъ смыслѣ, людьми, честное слово весьма уважается и въ особенности исполняется непреложно. При уплатѣ мнѣ 22 числа части денегъ по Вашему векселю; Вы сказали мнѣ, что остальную сумму непременно³⁰ уплатите мнѣ около 9го числа сего декабря и что бы я потерпѣлъ до этого времени. Я далъ мое честное слово и въ теченіе слишкомъ 2½ мѣсяцевъ³¹ не являлся къ Вамъ, въ полной надеждѣ, что Вы также запомните этотъ срокъ, и примите всѣ мѣры расквитаться со мною безъ всякихъ

// л. 11

дальнѣйшихъ отсрочекъ, продолжающихся по срокъ векселя почти два года. Вчерашняго числа отправляясь къ Вамъ, я былъ совершенно увѣренъ, что Федоръ Михайловичъ не заставитъ меня болѣе путешествовать въ домъ Г. Алонкина, но увы! Въмѣсто полученія денегъ услышалъ старую пѣсню «денегъ нѣтъ, денегъ нѣтъ» и припѣвъ: подождите, потерпите, вотъ приблизится январь. –

Послѣ такихъ безпримѣрныхъ отсрочекъ, невольно скажешь: Господи! Будетъ /ли/ конецъ этимъ отсрочкамъ? Долго ли буду я упитывать этотъ путь моими подошвами? И когда увижу конецъ моему путешествію? Воля Ваша и при встѣмъ³² моемъ къ Вамъ уваженіи, я уже теряю вѣру къ Вашимъ честнымъ словамъ. Въ особенности же когда Вы сказали мнѣ, что бы я дѣлалъ

// л. 11 об.

что мнѣ угодно; но денегъ у Васъ нѣтъ. Это значитъ, что бы я просилъ извѣстное начальство, если еще нехочу питаться отсрочкою. Горько слышать было отъ Васъ подобныя слова, но что же прикажете дѣлать, когда Вамъ угодно вводитъ меня въ столь непріятныя хлопоты. Мое ли дѣло знать какими мѣрами Вы пріобрѣтаете финансы? Всякой должникъ, коль скоро назначаетъ срокъ платежа, то и долженъ оный помнить и всячески стараться приготовить платежъ денегъ. Прошу Васъ всеусерднѣйше Федоръ Михайловичъ озаботится³³ уплатить мнѣ остальной долгъ на сихъ дняхъ, и тѣмъ сдержать Ваше честное и благородное Ваше слово. Я ужасную имѣю нужду въ деньгахъ; объяснять мои тѣсныя обстоятельства считаю излишнимъ. Прошу почтить меня отвѣтомъ.

Имѣю честь быть всегдашній слуга П. Поповъ

8го декабря
1866 года.

// л. 12

<9.>

Милостивый Государь
Федоръ Михайловичъ

Вмѣняя себѣ въ пріятный долгъ поздравить Васъ съ новымъ годомъ и пожелать Вамъ цвѣтущаго здоровья, а совокупно съ нимъ и всѣхъ благъ земныхъ. Извините, что возобновляю мои письма объ извѣстной моей покорнѣйшей просьбѣ, на основаніи Вашего обѣщанія, расквитаться даже и ранѣе 10го января со мною по вексельной претензіи. Вы много и премного меня обяжете, если имѣете /возможность/ предварить вышесказанное число. Впрочемъ да будетъ воля Ваша урѣченное число близится...

Имѣю честь быть съ моимъ почтеніемъ

преданный и покорный слуга П. Поповъ

4 Января
1867 г.

// л. 13

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 53.
- ² Там же, С. 53.
- ³ Виноградов В. В. История слов. М., 1999. С. 246-247.
- ⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2001. С. 276.
- ⁵ сл. Грота — Шахматова, т. 4, вып. 4, С. 972-973.
- ⁶ Виноградов В. В. История слов. М., 1999. С. 246-247.
- ⁷ Наседкин Н. Достоевский: Энциклопедия. М., 2003. С. 692.
- ⁸ Строганов М. Рец. на кн.: Наседкин Н. Достоевский: Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2003. 800 С. НЛО. 2004. №66. <http://magazines.russ.ru/nlo%20/2004/66/kn28.html>
- ⁹ Наседкин Н. Достоевский: Энциклопедия. М., 2003. С. 692.
- ¹⁰ Далее было не зачеркнуто: по.
- ¹¹ В рукописи ошибочно. Нужно: краснѣть.
- ¹² В рукописи ошибочно. Нужно: позаботьтєсь.
- ¹³ В рукописи ошибочно. Нужно: мѣсяца.
- ¹⁴ В рукописи ошибочно. Нужно: крайнее.
- ¹⁵ Имеется в виду Филиппов Осип Абрамович – юрист, автор статей журналов «Время» и «Эпоха».
- ¹⁶ Благодетель Григорий Евлампиевич – журналист, редактор журнала «Дело».
- ¹⁷ В рукописи ошибочно. Нужно: убѣжденій.
- ¹⁸ В рукописи ошибочно. Нужно: непремѣнно.
- ¹⁹ В рукописи ошибочно. Нужно: пишете.
- ²⁰ В рукописи ошибочно поставлена точка с запятой. Нужно двоеточие.
- ²¹ В рукописи ошибочно. Нужно: пишете.
- ²² В рукописи ошибочно. Нужно: мѣшало.
- ²³ В рукописи ошибочно. Нужно: крайней.
- ²⁴ В рукописи ошибочно. Нужно: покрайней.
- ²⁵ Исправленная описка. Было: облечило.
- ²⁶ Здесь используется написание: Федоръ. Далее и по тексту этого письма, и в остальных письмах – Федоръ.
- ²⁷ В рукописи ошибочно. Нужно: мѣсяць.
- ²⁸ В рукописи ошибочно. Нужно: обременительно.
- ²⁹ Исправленная описка. Было: преданый.
- ³⁰ В рукописи ошибочно. Нужно: непремѣнно.
- ³¹ В рукописи ошибочно. Нужно: мѣсяцевъ.
- ³² В рукописи ошибочно. Нужно: всемъ.
- ³³ В рукописи ошибочно. Нужно: озаботитѣсь.

Тихомиров Борис Николаевич*

*доктор филологических наук,
заместитель директора по научной работе
Литературно-мемориального музея
Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге,
президент Российского общества Достоевского.
btikhomirov@rambler.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.7

ПОРТРЕТНЫЕ ЗАРИСОВКИ ДОСТОЕВСКОГО ИЗ НОВЫХ АТРИБУЦИЙ

Аннотация: В статье осуществлены атрибуции некоторых портретных зарисовок, сделанных Достоевским на страницах его творческих рукописей. Описан ранний графический автопортрет писателя на полях так называемой "Сибирской тетради", атрибутированы портретные зарисовки Вольтера и Шекспира. Использован метод визуальной аргументации с привлечением известных графических и скульптурных портретов атрибутируемых исторических личностей.

Ключевые слова: Достоевские, Вольтер, атрибуция, рисунки, автопортрет, записные тетради, творческий процесс

Тема «Достоевский — рисовальщик» уже несколько десятилетий как введена в научный оборот [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [12], [13], но и по сей день освоена далеко не полно. За единичными исключениями рисунки Достоевского, выполненные чаще пером, реже карандашом, содержатся среди материалов творческой лаборатории писателя — большей частью на страницах его записных тетрадей, содержащих подготовительные материалы к «Преступлению и наказанию», «Идиоту», «Бесам», «Подростку», на отдельных листках с набросками к «Братьям Карамазовыми», в нескольких случаях — на полях связных черновых автографов «Бесов» и «Подростка».

Писатель преимущественно рисовал мужские, реже женские портреты, а также элементы архитектурных, чаще готических сооружений: шпили, башенки, стрельчатые окна и т. п. Эти зарисовки, которых выявлены многие десятки, образуют своеобразный «графический конвой», сопутствующий творческому процессу романиста. Логика связи рисунков в рукописях Достоевского с окружающим вербальным контекстом — исключительно сложная и на сегодняшний день, если говорить обо всем массиве графического наследия писателя, далеко не решенная проблема. В редких, единичных случаях связь графики и окружающего текста устанавливается более или менее определенно, для подавляющего большинства рисунков она может быть обозначена лишь гипотетически, иногда же соотношение записей и зарисовок, сделанных на одном и том же листе, не поддается никакой интерпретации.

В настоящей статье речь пойдет о некоторых портретных зарисовках в рукописях Достоевского. Тут надо сразу отметить, что среди многих десятков подобных рисунков практически нет примеров, за одним-двумя далеко не бесспорными исключениями, в отношении которых связь с конкретным историческим лицом, а тем более с вымышленным литературным персонажем была бы авторизована самим писателем. Другими словами, в нашем распоряжении нет изображений, рядом с которыми рукою автора было бы, например, написано: Белинский, Вольтер или Раскольников, князь Мышкин, Хромоножка. Так что атрибуция подобных портретов — это в значительной степени область исследовательских гипотез. Однако в части конкретных исторических лиц на помощь исследователю приходит иконография: фотографии, графические и живописные, иногда даже скульптурные портреты и т. п.¹ В настоящих заметках я как раз и намерен рассмотреть несколько случаев, когда опыты портретных атрибуций, по необходимости гипотетических, будут основываться прежде всего на визуальной аргументации, поддержанной, естественно, и другими наблюдениями и соображениями.

1

Первая портретная зарисовка, к которой я намерен обратиться, заслуживает самого пристального внимания уже потому, что это самый ранний из известных нам рисунков Достоевского². Он сделан на полях так называемой «Сибирской тетради», в которой будущий автор «Записок из Мертвого дома» записывал подслушанные им от товарищей по каторге пословицы, поговорки, фразеологические обороты, шутки, арготизмы и т. п.³ Датировка «Сибирской тетради» вызывает серьезные споры у специалистов. Кто-то считает, что писатель вел эти записи еще в Омском остроге, возможно, во время нахождения в госпитале, изобретательно пряча свою «каторжную тетрадку» от всевидящего ока надзирателей⁴. Другие полага-

ют, что «Сибирская тетрадь» начата в январе-феврале 1854 г., в первый месяц после выхода Достоевского с каторги, когда он перед отправкой рядовым солдатом в 7-й линейный Сибирский батальон целый месяц провел в Омске в гостеприимном доме дочери декабриста Ольги Ивановой (урожд. Анненковой). Наконец, третьи настаивают, что писатель завел эту тетрадку уже в Семипалатинске, перенеся в нее записи, сделанные на разрозненных лоскутках бумаги еще на каторжных нарах. Действительно, на последних листках «Сибирской тетради» мы находим несколько дат, самая ранняя из которых — 5 июля 1855 г. Но начата была, скорее всего, «каторжная тетрадка» Достоевского все-таки еще в остроге.

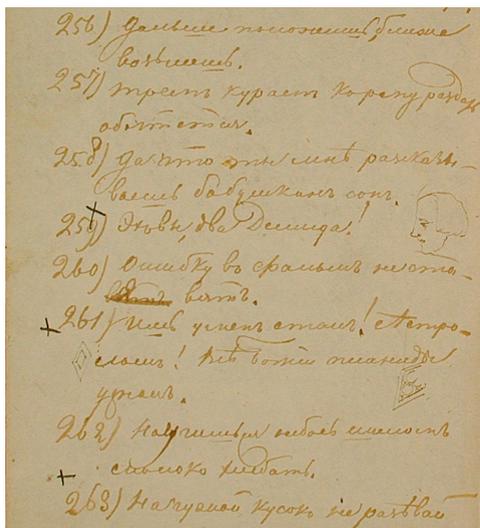
Однако интересен названный рисунок не только как самый ранний в графическом наследии писателя. До сих пор исследователям был известен только один автопортрет Достоевского, выполненный пером на полях рабочей тетради писателя первой половины 1870-х годов [2], [14, 60–62]. Однако, как оказывается, это не единственная попытка писателя зафиксировать на бумаге свои собственные черты. Есть основания считать автопортретом и названный рисунок на полях «Сибирской тетради» Достоевского, причем автопортретом не обычным, а, так сказать, «ретроспективным».

Рисунок, о котором идет речь, сделан практически в середине тетрадки, на полях 30-й странички, против записи под № 259: «Эх, вы, два Демида!» Исследователь «Сибирской тетради» В. П. Владимирцев, первым обративший внимание на нарисованный пером рядом и судя по всему одновременно с этой записью мужской профиль, задался вопросом о том, кто изображен на этом рисунке: уж «не один ли из Демидов?» [10, 118]. Ответ на этот вопрос, однако, оказывается более неожиданным.

«Два Демида» — это персонажи известной народной поговорки, представленной в «Сибирской тетради» в усеченном виде: «Два Демида, да оба не видят» [10, 118]⁵. Облику фольклорного «Демида» вполне соответствуют некоторые черты графического портрета на полях тетрадки, — например, зачесанные назад, по-простонародному, волосы. Но именно эта деталь и заставила вспомнить другой рисунок — помещенную в «Иллюстрированном альманахе» 1848 г. карикатуру Н. Степанова «Журналист и сотрудник», на которой были изображены издатель «Отечественных записок» Андрей Краевский и опубликовавший в его журнале свою повесть «Двойник» Федор Достоевский⁶.

Писатель в изображении Степанова рядом черт отличается от того, каким он выглядит на известном карандашном портрете К. Трутовского 1847 г. Одним из существенных отличий как раз и является прическа: на карикатуре у Достоевского также зачесанные по-простонародному назад волосы. И это точно соответствует мемуарным свидетельствам современников, например, доктора С. Яновского, который, описывая внешность писателя середины 1840-х гг., также отмечает «белокурые и мягкие волосы, причесанные по-русски»⁷. Во второй половине 1847 г. Достоевский изме-

нил прическу (кроме того, отпустил маленькую «шкиперскую» бородку). Эти наблюдения позволяют говорить о карикатуре Н. Степанова, несмотря на то что в печати она появилась несколько позднее, как о самом раннем известном нам изображении автора «Двойника» [14, 34 43]. И вот совершенно замечательно, что мужской профиль на полях «Сибирской тетради» (Илл. 1) обнаруживает чрезвычайно близкое сходство с портретом Достоевского в изображении карикатуриста середины 1840-х гг. (Илл. 2).

Илл. 1

Илл. 2

Может быть, только более открытый и высокий лоб и чуть приоткрытый рот на сибирском рисунке да оставленные незачерненными волосы несколько различают два этих портрета. При их сравнении даже может возникнуть впечатление, что Достоевский срисовывал свой абрис с карикатуры Степанова. Но такое предположение надо сразу же отбросить как совершенно невероятное!

«Иллюстрированный альманах» был запрещен цензурой сразу же после выхода из печати и в продажу не поступал. Мы должны полностью исключить, что он мог быть в распоряжении Достоевского в Омске или Семипалатинске. И однако, поразительное сходство двух портретов требует объяснения. Конечно, можно было бы удовлетвориться тем соображением, что, запечатлевая в годы сибирского лихолетья по какому-то неясному душевному движению свой облик времени триумфального вхождения в литературу, писатель естественно совпал во внешних чертах с тем, как некогда изобразил его художник минувшей эпохи. Но в том-то и дело, что в данном конкретном случае речь должна идти не о близости отдельных черт портретируемого лица, но – естественно с поправкой на различие тех-

ник: литография и рисунок пером — двух портретов, взятых как целое! Тут и единый ракурс изображения, и абсолютно тождественная линия скулы от уха до нижней губы, и полностью совпадающий контур прически... То есть из сравнения двух этих рисунков напрашивается вывод, что на полях «Сибирской тетради» Достоевский не просто нарисовал свой «ретроспективный» автопортрет середины 1840-х гг., но именно воспроизвел по памяти — и воспроизвел весьма точно — свой облик, как он запечатлен на карикатуре Н. Степанова. Чем так запомнилось писателю это карикатурное его изображение, сказать затруднительно⁸. Но другого объяснения близости двух портретов у меня нет. Сегодня мы бы сказали об этом феномене: «фотографическая память!» Но применительно к эпохе, когда еще и дагеротипия лишь делала свои первые шаги, употребление этого выражения надо посчитать не вполне подходящим.

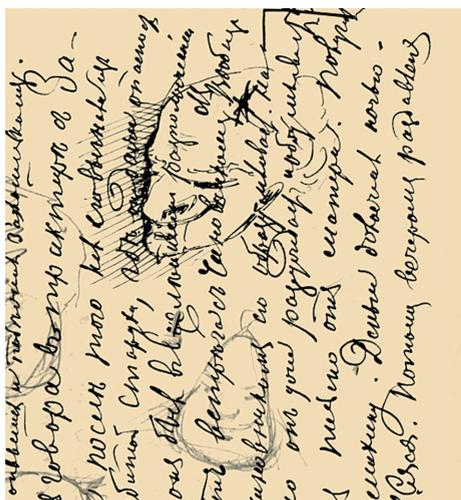
2

В Записной тетради Достоевского 1864–1865 гг.⁹ портретные зарисовки присутствуют особенно «густо». Большинство из них сделаны среди записей, относящихся к ранней, так называемой «висбаденской» редакции романа «Преступление и наказание». Вообще замечено, что большей частью рисунки сопровождают рукописные материалы, относящиеся к художественным замыслам Достоевского, и их крайне мало среди набросков публицистического или литературно-критического характера, деловых или автобиографических записей. Однако в этой тетради самые ранние и весьма интересные рисунки появляются рядом с публицистическими набросками, сделанными в 1864 г., в период редактирования Достоевским после смерти брата Михаила журнала «Эпоха» (и это заставляет уделить им специальное внимание). Настаивать на прямой, непосредственной связи публицистических замыслов и их «графического конвоя» было бы опрометчиво. Но и совершенно случайным их сочетание назвать также нельзя.

14 сентября 1864 г. Достоевский-публицист, внимательно следивший за политической и общественной жизнью Западной Европы, записывает в своей рабочей тетради тему предполагаемой статьи «Коеи и католицизм» (20; 191). По-видимому, он намеревался откликнуться на нашумевшую историю 10-летнего еврейского мальчика Иосифа Коена, жившего в гетто в обучении у башмачника, который был похищен католическим аббатом и помещен в римскую школу оглашенных для насильственного обращения в католицизм. В связи с этой историей Достоевский намеревался писать о кризисе католицизма и неизбежном, как ему представлялось, скором падении папской власти («Папская власть падет. Может быть, падением поднимется и очистится, но не пойдет впрок; ибо очистится кунштником. Нет веры в самом папе. В служителях церкви — разве суеверие» — 20; 189). По-видимому, в контексте именно этих размышлений в памяти

писателя возник образ такого страстного и последовательного критика католицизма, как Вольтер, который, выражая свое резко негативное отношение к католической церкви, к широко распространенным в ней религиозным суевериям, призывал (в частности, в письме от 28 ноября 1762 г. к Д'Аламберу) «раздавить гадину».

На той же странице¹⁰, где записан набросок «Кое и католицизм», Достоевский делает пером портретную зарисовку (Илл. 3), в которой вполне определенно опознается облик Вольтера, как он широко известен по скульптурному бюсту работы Ж.-А. Гудона: высокий лоб со складками морщин, почти лишенный волос голый череп, крупный нос, выдающийся вперед узкий подбородок и, главное, язвительная, растянутая в пол-лица улыбка [1]¹¹. Достоевский мог видеть бронзовый бюст Вольтера в Петербурге, в Эрмитаже¹² — он наиболее схож с изображением в Записной тетради (Илл. 4). Также писатель видел выполненную в мраморе фигуру Вольтера в парижском Пантеоне, о посещении которого (упомяная, в частности, и гробницу французского философа) он писал в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см.: 5; 89).

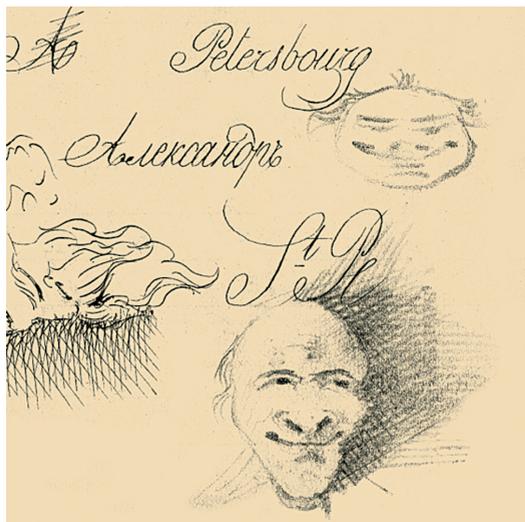

Илл. 3

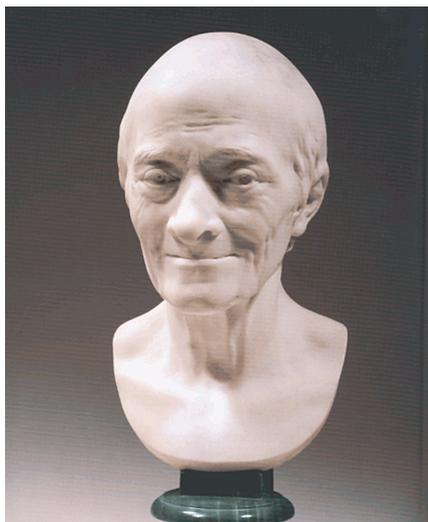

Илл. 4

Любопытно, что в Записной тетради несколько более позднего времени, 1866–1867 гг., мы встречаем еще один портрет со схожими чертами, но на этот раз изображенный анфас и выполненный карандашом (Илл. 5)¹³. Глаза человека на портрете лукаво прищурены, рот вновь растянут в улыбке. И вновь этот портрет обнаруживает сходство с хранящимся в Эрмитаже бюстом Вольтера работы Гудона, но на этот раз не бронзовым, а мраморным (Илл. 6), который — кстати, упоминается Достоевским в «Дневнике писателя» 1877 г.¹⁴

Илл. 5

Илл. 6

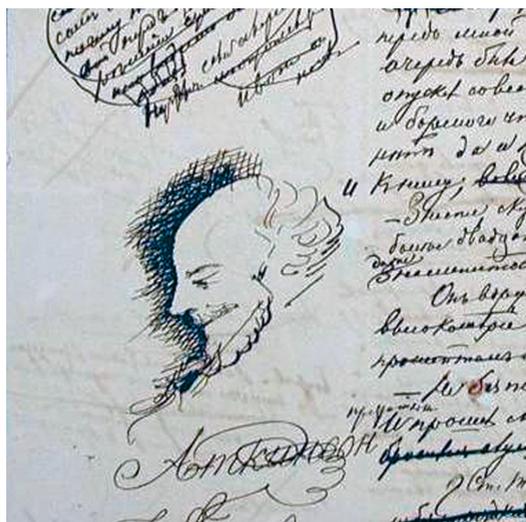
Косвенным подтверждением верности нашей атрибуции является дважды повторенная на странице с карандашным портретом Вольтера каллиграфия: «Bousiris». Бусирис (или Бузирис) — легендарный древнеегипетский царь, убивавший всех попадавших в его страну чужеземцев, принося их в жертву своим богам. Вольтер не однажды иносказательно упоминал его в своих произведениях: и в «Орлеанской девственнице», и в «Назидательных проповедях»¹⁵. Возможно, чтение одной из этих книг и вдохновило писателя на создание портрета их автора. Известно, что во Флоренции в 1868–1869 гг. Достоевский «читал всю зиму сочинения Вольтера и Дидро на французском языке»¹⁶. Рассматриваемый рисунок сделан несколько ранее, но и интерес писателя к Вольтеру также возник задолго до того, как каллиграфическая запись «Bousiris» появилась в его Записной тетради. О Вольтере, например, критически отзывается Лебедев в «Идиоте» (см.: 8; 311), «Вольтерова Кандида», кстати, в едином контексте с папой римским («...вот и о папе. Вольтеров Кандид. О Фонте-неле» — 7; 79), упоминает Раскольников в черновом наброске сцены трактирного разговора с Заметовым, сделанном в той же Записной тетради 1864–1865 гг., в которой был обнаружен первый портрет смеющегося Вольтера.

К великому сожалению этот портрет Вольтера мы не имеем возможности увидеть в его «первозданном» виде: через год, осенью 1865 г., работая над первоначальной редакцией «Преступления и наказания», прямо поверх разбросанных в нижней части страницы портретных зарисовок писатель чернилами делает запись, озаглавленную «Программа ближайшая», где намечает развитие событий после разговора в трактире Раскольникова и Заметова. Так что теперь портрет Вольтера можно рассматривать лишь сквозь плотную сетку чернильных строк наброска к великому роману¹⁷.

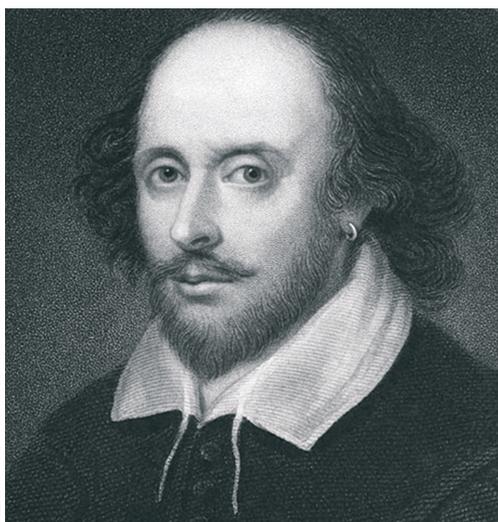
3

В фонде Достоевского, находящемся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, хранится несколько листов большого формата, содержащих черновой автограф главы «Праздник по подписке» из третьей части романа «Бесы»¹⁸. (Он относится к тому времени, когда в составе романа еще планировалась глава «У Тихона» и две будущих главы «Праздник. Отдел первый» и «Окончание праздника» составляли единое целое.) Листы исписаны мелким, убористым почерком, и как обычно в связных черновых автографах Достоевского слева оставлены широкие поля, на которых то там, то здесь внесена правка основного текста. А на листе, где начинается эпизод выступления на празднике Степана Трофимовича Верховенского, на полях, тем же пером, которым записан текст «Бесов», сделан рисунок мужской головы (Илл. 7).

На этом хотя и лаконично, но тщательно прорисованном портрете, выполненном строго в профиль, изображен мужчина лет пятидесяти с покатым лбом, переходящим в обширную залысину. Однако в задней части головы курчавятся обильные волосы. Небольшая, также курчавящаяся бородка и усы довершают портретную зарисовку. Кто же это?

Илл. 7

Илл. 8

В своей лекции на празднике в пользу гувернанток, как помнят читатели «Бесов», Степан Трофимович решил «дать бой» современному нигилизму и прагматизму и говорить о «роли и значении красоты». «Все недоумение лишь в том, — вопрошает он, — что прекраснее: Шекспир или сапоги, Рафаэль или петролей?» И сам же дает ответ: «...а я объявляю, что Шекспир и Рафаэль — выше освобождения крестьян, выше народности,

выше социализма, выше юного поколения, выше химии, выше почти всего человечества, ибо они уже плод, настоящий плод всего человечества и, может быть, высший плод, какой только может быть!» (10; 372–373). Эти слова — выражение пафоса и кульминация его речи. И как бы в унисон пафосу своего героя на полях рядом с этим эпизодом Достоевский зарисовывает портрет одного из величайших гениев человечества, творца абсолютной и вечной красоты — английского поэта и драматурга Уильяма Шекспира.

Тут, правда, возникает вопрос: от какого из известных портретов Шекспира отправлялся Достоевский, делая свой рисунок? Не касаясь проблемы, которая находится в компетенции специалистов: какие из изображений великого драматурга являются подлинными, а какие апокрифическими, — считаю возможным заключить, что ближе всего к зарисовке Достоевского так называемый «чандосский портрет», предположительно приписываемый руке художника Джона Тейлора и датируемый 1600–1610 гг. (Илл. 8). Стоит, впрочем, отметить, что автор «Бесов» не копирует указанный оригинал, а создает на его основе свою версию облика английского драматурга: если на полотне Тейлора взгляд Шекспира, изображенного в $\frac{3}{4}$ влево, устремлен прямо на зрителя, то Достоевский рисует драматурга строго в профиль, со взглядом, обращенным долу, и с полузакрытыми глазами — наиболее излюбленный писателем ракурс и тип изображения, чаще других встречающийся в его портретных зарисовках. Можно также отметить, что его Шекспир выглядит, пожалуй, несколько старше, чем в изображении Джона Тейлора.

Требует специального рассмотрения также вопрос: где, в каком издании мог Достоевский познакомиться с «чандосским портретом» английского драматурга? Еще в Главном инженерном училище он читал Шекспира во французских переводах, и значит, поиск нельзя ограничивать только русскими изданиями. Оставляю эту проблему на будущее, а в завершении приведу один «анекдот», опубликованный 5 февраля 1873 г., вскоре после завершения Достоевским «Бесов», в редактируемом писателем еженедельнике «Гражданин» (по мнению шекспироведа Н. В. Захарова [11, 272–273], не исключено, что этот анекдот, непосредственно предвещающий в указанном выпуске «Гражданина» рассказ Достоевского «Бобок», вполне может принадлежать самому писателю):

«На дняхъ намъ передавали слѣдующій разсказъ. Одинъ господинъ зашелъ въ одну изъ калачныхъ Петербурга. Мальчикъ продававшій ему калачъ долго на него смотрѣлъ.

— Что ты на меня такъ пристально смотришь? спрашиваетъ покупатель.

— А смотрю я на васъ потому, что вы на Шекспира похожи.

— На Шекспира? Ты откуда его знаешь?

— А какже, онъ мой любимый писатель, я его и читаю, и портретъ имѣю!»¹⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вызывает удивление, что в работах К. А. Баршта, предложившего целую серию атрибуций портретных зарисовок в рукописях Достоевского, практически отсутствуют воспроизведения портретов исторических лиц, черты которых исследователь обнаруживает в графическом наследии писателя, и даже нет указаний на какие-либо их конкретные изображения (с указанием имен художников, фотографов, дат создания, мест хранения и т. п.). Читатель должен верить К. А. Баршту на слово! Однако в ряде случаев обращение к иконографии называемых исследователем лиц (Краевский, Бальзак, св. Тихон Задонский, Россини и др.) вызывает серьезные сомнения в правомочности предложенных атрибуций.
- ² Выношу здесь за скобки вопрос атрибуции трех карандашных рисунков на отдельных листах, хранящихся в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, предположительно изображающих преподавателей Главного инженерного училища, которые находятся в фонде младшего брата писателя, А. М. Достоевского (Ф. 56. Оп. 1. № 400/1–3). Согласно архивному описанию, они принадлежат руке либо Ф. М. Достоевского, либо К. А. Трутовского, младшего товарища писателя по Инженерному училищу, впоследствии известного художника. На чем базируется такая атрибуция, не указано. Рисунки сопровождаются подписями, сделанными, по-видимому, тем же карандашом, что и изображения. Почерк Ф. М. Достоевского в них не опознается. Характерных примет графики писателя, известных по его позднейшим рисункам, также не усматривается. В любом случае предложенная в архивном описании атрибуция носит дубиальный характер.
- ³ НИОР Российской государственной библиотеки (РГБ). Ф. 93.1.2.5.
- ⁴ Такое предположение поддерживает словоупотребление Достоевского, который называл «Сибирскую тетрадь» «моей тетрадкой каторжн<ой>» (21; 259), характеризуя в этом определении не столько содержащиеся в ней записи, сколько ее саму как относящуюся к эпохе его пребывания на каторге. В пользу того, что «Сибирская тетрадь» была начата в остроге, как будто свидетельствует и ее самодельный характер. В Омске, по выходе из острога, или в Семипалатинске писатель, скорее всего, использовал бы для записей «фабричную» тетрадь.
- ⁵ Ср.: Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 485.
- ⁶ См.: Образ Достоевского в фотографиях, живописи, графике, скульптуре. С. 35.
- ⁷ Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 232.
- ⁸ Возможно, тем, что это было первое его портретное изображение. Сведений о более ранних случаях создания кем-то и когда-то портретов Достоевского, пусть и несохранившихся, в нашем распоряжении нет.
- ⁹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 212.1.4.
- ¹⁰ Там же. С. 14.
- ⁸ Исследователь творчества Ж.-А. Гудона писал: «...портретные бюсты Вольтера, включая те, что были сделаны самим Гудоном и в мастерской под его наблюдением, по своему количеству далеко превзошли все остальные. Каждый большой или маленький театр, каждая академия, каждая библиотека или научное общество и научное учреждение по всей Франции, а также многие в Европе и Америке желали иметь его бюст. Гудон сам подарил по одному гипсу всем сорока членам Французской Ака-

демии. Бюсты Вольтера выходили из мастерской Гудона до самого конца жизни скульптора, и их продолжали копировать после его смерти».

- ¹² В ХХ в. передан в Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
- ¹³ РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 12.
- ¹⁴ Говоря о смятении в умах в эпоху кануна Великой Французской революции, Достоевский писал: «Все они, как известно, сбились тогда с толку: Шиллер написал, например, тогда дифирамб на открытие национального собрания; путешествовавший по Европе молодой Карамзин смотрел с умиленным дрожанием сердца на то же событие, а в Петербурге, у нас, еще задолго перед сим красовался мраморный бюст Вольтера» (25; 147). Ср.: «Из переписки Екатерины с Гриммом следует, что императрица получила бронзового и гипсового Вольтера в 1778 году (она предпочитала вариант без парика, так как считала парики смешными). <...> В письме Гримма от 8 ноября 1778 г. также упоминается мрамор, над которым Гудон еще работает и который будет готов к концу года. Несомненно, речь идет о прекрасном мраморе, находящемся сейчас в Эрмитаже...».
- ¹⁵ См., например: «Бузирис хитрый в образе прелата, / Страшась, что приближается расплата, / Ты свой прием обычный применил: / В согласье с Инквизицией ты был, / И ждал вердикт суровый супостата, / Который вздумал бы сорвать покров / С твоих неопикуемых грехов» (Вольтер. Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести. М., 1971. С. 100. Перевод М. Лозинского).
- ¹⁶ Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб., 2011. С. 191. См. также свидетельство самого Достоевского в письме Н. Н. Страхову от 6/18 апреля 1869 г. (291; 35).
- ¹⁷ Возможно, является не случайным, что набросок, в котором намечается сюжетная схема, включающая сцену разговора в трактире Раскольников и Заметова, сделан поверх портрета Вольтера, а в последующей детальной разработке этой же сцены, как будто не очень к месту, упоминается сам Вольтер (РГАЛИ. Ф. 212.1.4. С. 14, 42; ср.: с. 7; 89, 79). Можно предположить, что сделанная годом ранее портретная зарисовка французского философа могла вызвать у Достоевского определенные ассоциации и обусловила вербальное появление имени Вольтера в рабочих материалах «Преступления и наказания».
- ¹⁸ РГБ. Ф. 93.1.1.3–4.
- ¹⁹ Гражданин. 1873. 5 февраля. № 6. С. 161 162.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнасон Г. Г. Скульптура Гудона. М., 1982. С. 47.
2. Баршт К. А. Автопортрет Ф. М. Достоевского // Вечерний Ленинград. 1981. 4 июля. № 152. Или: То же // Огонек. 1981. № 46. С. 13.
3. Баршт К. А. «Готика» Достоевского // Нева. 1984. № 10. С. 192 195.
4. Баршт К. А. Рисунки в рукописях Достоевского. СПб.: Формика, 1996. 224 с.
5. Баршт К. А. Рисунки великого романиста // В мире книг. 1980. № 7. С. 69 71.
6. Баршт К. А. Рисунки Достоевского в историческом аспекте // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 18 т. Т. 17. М.: «Воскресенье», 2005. С. 679 867.
7. Баршт К. А. Рисунки. Каталог // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 18 т. Т. 17. М.: «Воскресенье», 2005. С. 6 672.

8. Баршт К. А. Страница из тетради № 4 // Литературная Россия. 1983. 22 июля. № 30.
9. Баршт К. А. Что рисовал Достоевский // Литературная Россия. 1978. 6 октября. № 40.
10. Владимирцев В. П. Каторжная тетрадка Достоевского: монография. Иркутск, 2009. 165 с.
11. Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы: Тезаурусный анализ / Н. В. Захаров ; отв. ред. Вл. А. Луков. М.: Изд. МосГУ, 2008. 320 с.
12. Коган г. В. Штрихи знакомых образов // Литературная газета. 1971. 10 ноября. № 46.
13. Лихачев Д. С. «Готические окна» Достоевского // Лихачев Д. С. Литература реальность литература. Л., 1984. С. 104 105.
14. Тихомиров Б. Н. Прижизненная иконография Достоевского. 1847–1881 // Образ Достоевского в фотографиях, живописи, графике, скульптуре. [Альбом]. СПб., 2009. С. 60–62.

Сизюхина Клавдия Валерьевна

*специалист 1-й категории Web-лаборатории
филологического факультета,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
klasizz@yandex.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.8

МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ И РОДОВАЯ В ДНЕВНИКАХ А. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: Статья целенаправленно знакомит с наиболее интересными фрагментами дневников Андрея Михайловича, которые помогут читателю по-новому взглянуть на уже знакомые персоналии из семейно-родовой хроники Достоевских. На страницах дневников встречаются портретные зарисовки Ф.М. Достоевского, В.М. Достоевской, А.М. Достоевской, А.Г. Достоевской, Л.Ф. Достоевской и т. д. Психологические наблюдения, сделанные автором в отношении круга близких ему людей, преобразуют частный домашний хронотоп дневникового повествования в общеродовой: отталкиваясь от собственной семейной истории, Андрей Михайлович параллельно рисует картину бытования целого рода Достоевских. Также читателю будут небезынтересны упоминания о персоналиях, которые ранее не фигурировали в энциклопедических документах, посвященных анализу семейного древа Достоевских. В частности, в одном из дневниковых эпизодов появляется имя некоей Анны Достоевской, вероятно, одной из двенадцати сестёр М. А. Достоевского (отца), доселе не получившее своё освещение.

Ключевые слова: дневник, А.М. Достоевский, Ф.М. Достоевский, М.М. Достоевский, В.М. Достоевская, А.М. Достоевская, А.Г. Достоевская, Л.Ф. Достоевская, М.М. Владиславлева, род, семья, персоналии, жанр, стиль, хронотоп, Даровое

Я, голубчикъ братъ, хотѣлъ бы тебѣ высказать,
что съ чрезвычайно радостнымъ чувствомъ
смотрю на твою семью. Тебѣ одному кажется
досталось съ честью [продолжать]¹ вести родъ нашъ <...>
(Из письма Ф. М. Достоевского к А. М. Достоевскому
от 13 марта 1876 г.)²

Дневники А. М. Достоевского охватывают период с 7 ноября 1884 года по 18 октября 1896 год. Ранее они не были представлены широкой публике и до сегодняшнего момента оставались закрытым нерасшифрован-

ным источником. Читательская аудитория была знакома лишь с «Воспоминаниями» Андрея Михайловича, впервые в неполном объеме опубликованными в 1930 году и затем пережившими несколько таких же сокращенных переизданий. С 2004–2006 гг. коллективом web-лаборатории филологического факультета Петрозаводского университета предпринята попытка реконструкции рукописных материалов Андрея Михайловича. Именно тогда началась работа по восстановлению печатных лакун «Воспоминаний», результатом которой стала их аутентичная публикация³. Наряду с изучением мемуарного наследия А. М. Достоевского, наиболее значимые эпистолярные образцы также подверглись детальному текстологическому исследованию и пополнили электронную научную базу архивных документов А. М. Достоевского⁴. В текущем 2014 году Web-лаборатория приступила к расшифровке дневников Андрея Михайловича⁵.

Стоит отметить, что дневниковые заметки о посещении А. М. Достоевским Дарового ранее получили свое освещение в статье проф. В. А. Викторovichа «Экспедиция в Даровое (2005)» [1]. На основании данных записей Владимир Александрович воссоздает архитектурную и бытовую картину прежнего Дарового, куда Достоевские так любили приезжать детьми. Впрочем, об успехах предпринятой В. А. Викторovichем научной экспедиции и роли дневников Андрея Михайловича в указанном исследовании мы поговорим отдельно, при обращении к соответствующим дневниковым цитациям.

Работа по расшифровке оставшихся дневников будет продолжаться. Мы надеемся, что читатель сможет разглядеть за нарочитой стилистической сдержанностью дневниковых текстов А. М. Достоевского их биографическую и документальную уникальность, по-новому взглянуть на уже знакомые персоналии из семейно-родовой хроники Достоевских. Возможно, некоторые личностные оценки (в первую очередь, отрицательного свойства), данные Андреем Михайловичем, вызовут у читателя противоречивые эмоции – от молчаливого скептического несогласия до выразительного протеста. В связи с этим хочется напомнить слова Андрея Андреевича, сына А. М. Достоевского, прозвучавшие в преамбульном комментарии к первому изданию «Воспоминаний»: «Возвращаясь к воспоминаниям Андрея Михайловича, мы должны указать на некоторые характерные свойства автора, а именно: на его кристальную честность, правдивость, аккуратность и точность» [2, 9]. Андрей Михайлович никогда намеренно не прибегает к деструктивным приёмам создания образа с целью «очернения» или профанации кого-либо из круга близких ему людей. Подобных негативных ремарок на страницах дневников встречается не так уж и много, но в силу своей изобразительной эмоциональности они выбиваются из привычного сдержанного ритма повествования, и поэтому оказываются яркими психологическими наблюдениями.

Жанровая специфика дневников А. М. Достоевского подразумевает их явную семейно-бытовую направленность. Эту мысль подтверждает и тот факт, что свои дневники Андрей Михайлович никогда не наделяет сугубо конфиденциальным значением. Они всегда ориентированы на адресата – в собирательном виде домашний близкий круг. Прочитируем небольшой фрагмент из вступления к «Воспоминаниям», где автор со всей возможной прозрачностью конкретизирует лицо будущего читателя, адресата: «Конечно эти записки мои будутъ имѣть интересъ, только для близкихъ мнѣ, то есть для жены и дѣтей, но ни для кого больше <...>» (л. 113 об.)⁶. В дневниках высказанная авторская установка А. М. Достоевского достигает предельного, абсолютного выражения. На первый взгляд, художественный мир дневниковых материалов Андрея Михайловича заключен границами частной узко семейной сферы. Однако стилистически хронотоп дневников функционирует не только в пределах личной семейной истории автора, но и лежит в плоскости генеалогической, родовой парадигмы Достоевских. Андрей Михайлович спорадически оживляет устоявшийся тематический контекст собственной домашней семейственности эпизодическими реминисценциями и портретными зарисовками, которые дают представление о жизни Достоевских как рода. Подобные повествовательные вкрапления не нарушают единую пространственно-временную структуру дневников, а, напротив, формируют стилистический модус генеалогической мемориальной непрерывности. С этой точки зрения, дневники Андрея Михайловича продолжают и дополняют творческую историю «Воспоминаний», где динамика авторского высказывания выстраивается по принципу поступательного движения от родового летописного бытописания к собственной семейной истории. Дневники же в данном случае экранируют путь художественной коммуникации «Воспоминаний»: отталкиваясь от личных семейных частностей, автор реконструирует хронику целого рода Достоевских.

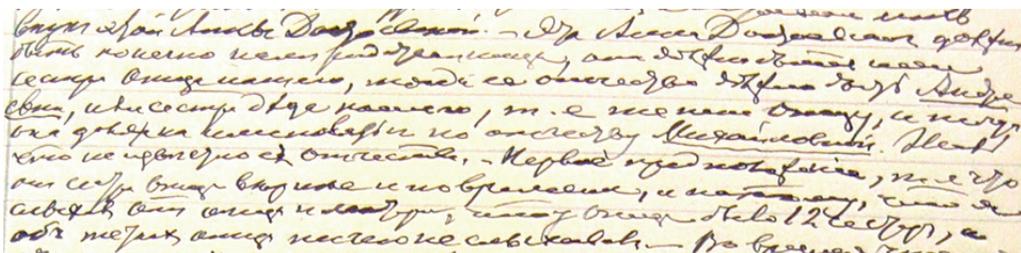
Начнём, пожалуй, с неизвестных фактов, которые не фигурировали в открытых биографических источниках. В дневниковой заметке от 6 июня 1890 года Андрей Михайлович делает следующую запись:

Среда 6го Июня <1890>

2 ½ версты

<...> Домой воротился около 3^х и засталъ два письма изъ П<етер>бурга, отъ Саши и Андреюшки. Они оба здоровы. Саша обѣщается быть въ Ярославль около 25го Июня. Андреюшка же не прїѣдетъ, потому что штатнаго мѣста еще не получилъ. Оба они пишутъ о нѣкоторомъ казусѣ. По газетнымъ объявленіямъ они узнали, что въ П<етер>бургѣ существуетъ нѣкто Достоевскій (Булочникъ). Они его разыскали и оказалось, что личность эта дѣйствительно носитъ фамилію Достоевскаго. Онъ разсказалъ имъ слѣдующую исторію. — Давно, Т. е. вѣроятно лѣтъ 50-60<,> а можетъ и 70 тому назадъ жилъ помѣщикъ Ѳедоровъ. У жены этаго помѣщика

жила компаньонка нѣкто Анна Достоевская (изъ дворянокъ). Эта Анна Достоевская жившая у Ѳедоровыхъ, вышла замужъ за простолюдина, прикащика Ѳедорова, и чтобы незазорно было ей носить фамилію простолюдина Ѳедоровъ выхлопоталь дозволеніе прикащику своему просить (л. 35 об.) фамилію жены. Отъ этаго брака родились сыновья уже Достоевскіе (хотя неизвѣстно, кто дозволилъ носить эту фамилію отцу ихъ). Отъ сыновей тоже сыновья, и вотъ нынѣ обрѣтенный въ Петербургѣ Булочникъ Достоевскій есть внукъ этой Анны Достоевской. — Эта Анна Достоевская должна быть конечно намъ родственница, она должна быть сама сестра отца нашего, тогда ее отчество должно быть Андреевна, или сестра дѣда нашего, Т. е. тетка отцу, и тогда она должна именоваться по отчеству Михайловной. Жаль что не извѣстно ея отчества. — Первое предположеніе, Т. е. что она сестра отца вѣрнѣе и по времени, и потому, что я слыхаль отъ отца и матери, что у отца было 12 сестеръ, а объ теткахъ отца ничего не слыхиваль. <...> (№ 5, лл. 35 об.-36)⁷.

Фрагмент рукописи из дневника А. М. Достоевского 1889–1891 гг., л. 36.

В настоящее время имя Анны Достоевской, жены приказчика, бабки булочника, не рассматривается ни в одном издании, посвященном семейному древу Достоевских⁸. Возможно, в дальнейшем нам удастся дополнить генеалогическую композицию рода Достоевских новым биографическим фрагментом.

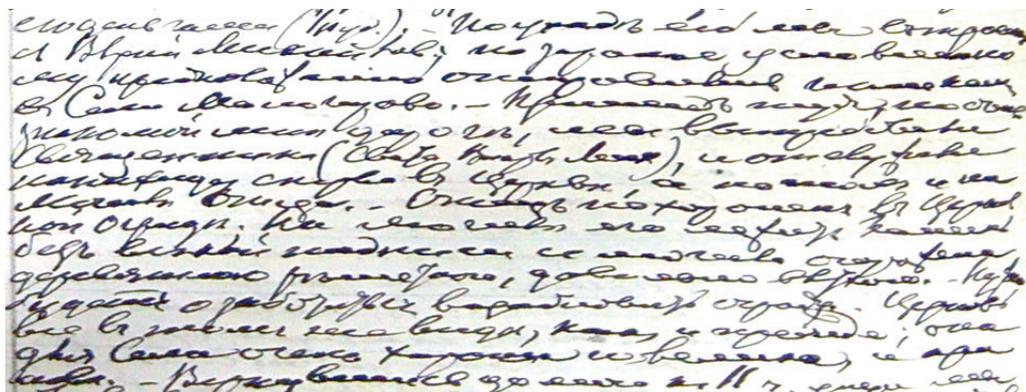
Возвращаясь к хорошо знакомым нам персоналиям, подробнее остановимся на обзоре летнего путешествия Андрея Михайловича в Даровое к сестре Вере Михайловне Карепиной, предпринятого им в июле 1887 года совместно с младшим сыном, Андреем. Приведем несколько наиболее ярких фрагментов:

Понедѣльникъ 20го Июля <1887> 13^й день отпуска

<...> Все 10^{ти} верстное пространство до поворота въ Даровое, мы проѣхали съ небольшимъ въ часъ; я припоминаль<,> но иногда смутно тѣ мѣста и тотъ путь по которому, такъ часто ходилъ пѣшкомъ въ дѣтствѣ! — Но наконецъ вотъ и поворотъ. — Съ этаго поворота сейчасъ же открылось нашимъ глазамъ Даровое, окруженное вѣковою Липовою рощею. Проѣхавъ Иваново озеро (простой небольшой прудъ) мы подъѣхали миновавъ перекрестокъ, къ самой деревнѣ, и я

Среда 22го Июля <1887>
 пребываніе въ Даровомъ
 15^й день отпуска

Проснувшись утромъ, я какъ и вчера много гулялъ. - Въ 9 утра проснулась Вѣра Михайлов. и мы напильсь съ нею чаю, къ которому подошелъ и Андреюшка <...> мы въ троемъ съ Вѣрой Михайлов., по заранѣ условленному предположенію отправились пѣшкомъ въ Село Моногарово. — Пришедъ туда, по столь знакомой мнѣ дорогѣ, мы вытребовали Священника (свата Вѣры Мих.), и отслужили панихиду сперва въ Церквѣ, а потомъ и на могилѣ отца. — Отецъ похороненъ въ церковной оградѣ; на могилѣ его лежитъ камень безъ всякой надписи и могила окружена деревянною рѣшеткою, довольно ветхою. — Нужно будетъ озоботиться возобновить ограду. Церковь все въ томъ же видѣ, какъ и прежде; она для села очень хороша и велика, и красива. — <...> (№ 3, л. 7 об.)

Фрагмент рукописи из дневника А. М. Достоевского 1887-1888 гг., л. 7 об.

О значимости данных дневниковых записей свидетельствуют результаты уже упоминаемой нами выше научной экспедиции 2005 года под руководством проф. В. А. Викторovichа. Тогда исследователи не раз обращались к циклу даровских заметок Андрея Михайловича. Во-первых, по роду своей профессиональной деятельности (главный губернский архитектор) А. М. Достоевский обращал пристальное внимание на трансформации архитектурного пейзажа. Вернувшись вновь в уголок своего детства по прошествии 50 лет, автор сразу же замечает произошедшие там перемены: «Общая физиономія всей мѣстности, Т. е.<.> построекъ совершенно измѣнилась въ 50 лѣтъ въ которые я не былъ въ Даровомъ». К сожалению, Андрей Михайлович не даёт развёрнутого описания новых архитектурных планов Дарового, а ограничивается лишь общей констатацией факта. Более детальное наблюдение автора обо всех увиденных там изменениях могло бы стать хорошим подспорьем для специалистов, желающих воссоздать аутентичную архитектурную картину Дарового. На сегодняшний день

единственным источником, проливающим свет на устройство и бытование прежнего Дарового, остаются «Воспоминания» А. М. Достоевского.

Во-вторых, благодаря небольшому дневниковому упоминанию Андрея Михайловича о поездке в село Моногарово, исследователи получили указание, где на Моногаровском кладбище был похоронен отец Достоевских, Михаил Андреевич (1789–1839): «Отець похороненъ въ церковной оградѣ; на могилѣ его лежитъ камень безъ всякой надписи и могила окружена деревянною рѣшеткою, довольно ветхою». Поскольку на данный момент в точности определить координаты могилы М. А. Достоевского не представляется возможным, участники экспедиции решили установить рядом с церковью поклонный крест и символическую гранитную плиту как в память об отце Достоевских, так и в знак некогда существовавшего здесь моногаровского погоста: «чтобы не оставался этот уголок земли глухим и немым, чтобы выполнить наконец волю сыновей Михаила Андреевича» [1, 104]. К слову, представляется любопытным наблюдение В. А. Викторovichа о некоторой мистической синхронности дат во времени посещения могилы отца братьями Ф. М. и А. М. Достоевскими. Обе поездки были предприняты 22 июля: только Ф. М. Достоевский совершил ее на 10 лет раньше, в 1877 году, перед началом своей работы над «Братьями Карамазовыми». Уже не одна ли эта хронологическая закономерность свидетельствует о неизбежной интуитивной вовлеченности художественного мира дневников Андрея Михайловича в историю целого рода?

На страницах дневников встречаются интересные портретные зарисовки из галереи семейно-родовых персоналий. Как правило, автор не прибегает к развернутым конструктивным или репродуктивным средствам создания образа. Чаще всего характеристика того или иного лица имеет вид схематичного наброска, эскиза, исключая рельефную психологическую детализацию. Но всё же иногда авторское высказывание содержит в себе эмоциональное оценочное суждение не только позитивного, но и негативного свойства. Ранее в прамбуле к нашей статье мы отмечали, что негативные ремарки, будучи наиболее психологичными, оказывают сильное воздействие на стилистические особенности дневникового текста. Поэтому процитируем несколько выразительных отрицательных суждений А. М. Достоевского, касающихся сестры Варвары Михайловны и племянницы Любви Федоровны, дочери Ф. М. Достоевского:

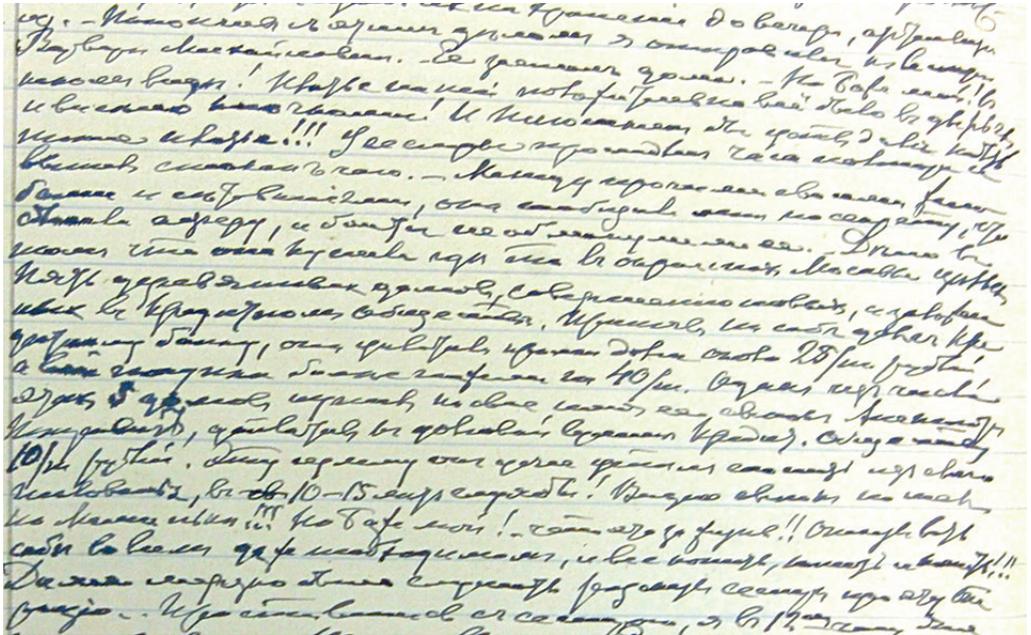
Понедѣльникъ 17го Апрѣля <1889>

Москва

Выѣздъ въ Ярославль.

Проснулся передъ Клиномъ, гдѣ напился кофе. – Въ 8 ½ часовъ по московскому времени поѣздъ нашъ, нисколько не опоздавши пріѣхалъ въ Москву. – Сейчасъ же я взялъ носильщика и перенесъ всѣ свои вещи и багажъ въ Ярославскій вокзалъ, гдѣ и сдалъ ихъ на храненіе до вечера, артельщику. – Покончивъ съ

этимъ дѣломъ я отправился къ сестрѣ Варварѣ Михайловнѣ. – Ее засталъ дома. – Но Боже мой! Въ какомъ видѣ! Платье на ней положительно всё было въ дыркахъ, и висѣло клочками! И Плюшкинъ бы устыдился надѣтъ такое платье!!! У сестры просидѣлъ часа полтора и выпилъ стаканъ чаю. – Между прочими своими жалобами и сѣтованіями, она сообщила мнѣ по секрету, что сдѣлала аферу, и боится не обманули ли ее. – Дѣло въ томъ что она купила гдѣ то въ окраинахъ Москвы цѣлыхъ пять деревянныхъ домовъ, совершенно новыхъ, и заложенныхъ въ Кредитномъ Обществѣ. Принявъ на себя долгъ Кредитному Банку, она уплатила кромѣ долга около 25/т. рублей, а всей покупки болѣе нежели на 40/т. Одинъ изъ числа этихъ 5 домовъ купилъ на свое имя ее сынокъ Александръ Петровичъ, доплативъ къ долговой суммѣ Кредит. Обществу 10/т. рублей. Эту сумму онъ уже успѣлъ скопить изъ своего жалованья, въ [св] 10–15 лѣтъ службы! Видно сынокъ пошелъ по маменькѣ!!! Но Боже мой! – что это за жизнь!! Отказывать себѣ во всемъ даже необходимомъ, и все копить, копить и копить!!! Даже мерзко было слушать рассказы сестры про эту операцію <...> (№ 4, л. 55 об.)

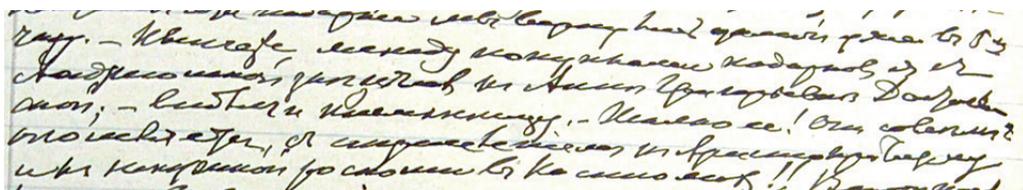
Фрагмент рукописи из дневника А. М. Достоевского 1888–1889 гг., л. 55 об.

Видимо, не легко было Андрею Михайловичу смириться с тем обстоятельством, что та самая нежно любимая им сестра Варвара Михайловна, которая поддерживала его в юношеские годы, превращается в расчетливую и скупую стяжательницу. Сильными ещё оставались воспоминания автора о днях, проведенных им в Петербурге, когда он был отдан на поруки старшему брату Федору для подготовки к поступлению в училище военных инженеров. Именно тогда Андрей Михайлович впервые соприкоснулся с художественной эсте-

тикой дневниковой формы письма. Он начал вести некоторое эпистолярное подобие дневника, день за днем регулярно фиксируя свои петербургские впечатления и адресуя их сестре Варе: «<...> я почти ежедневно описывалъ свои впечатлѣнїя адресуя ихъ къ сестрѣ Варинькѣ и мужу ея, но хотя я и писалъ ежедневно, но письма отсылалъ однажды въ недѣлю, по нѣскольку листиковъ за разъ <...>» (л. 212). Как мы видим, в дальнейшем доверительные и теплые отношения между братом и сестрой разладились, хотя Андрей Михайлович, будучи проездом в Москве, непременно навещал сестру Варвару Михайловну и в письмах регулярно справлялся о её семейных делах.

**Пятница [8]/7го Апрѣля <1889>
6^й день въ П<етер>бургѣ**

<...> Нынче же между покупками подарковъ я съ Андреюшкой заѣзжалъ къ Аннѣ Григорьевнѣ Достоевской; — видѣлъ и племянницу. — Жалко ее! Она совсѣмъ опошляется, съ стремленіемъ къ аристократизму и къ ненужной роскоши въ костюмахъ!! <...> (№ 4, л. 53 об.)

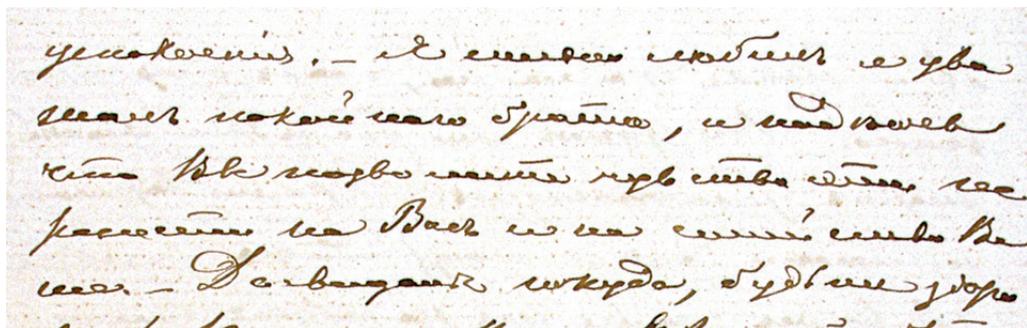

Фрагмент рукописи из дневника А. М. Достоевского 1888-1889 гг., л. 53 об.

Интересно, что при самой искренней любви к Федору Михайловичу, А. М. Достоевский не был столь близок с семьей покойного брата. К примеру, Анна Григорьевна Достоевская в глазах Андрея Михайловича получает довольно прохладную, даже в некотором роде ироническую оценку. Автор подчеркивает необычайную «говорливость» А. Г. Достоевской: «неожиданно прѣехала Анна Григорьевна Достоевская, чтобы сообщить мнѣ о какихъ то новыхъ расчетахъ по имѣнію. Она какъ высказалась прѣехала на крошечную минутку; но просидѣла часа 1 ½ не умолкая говоря; и задержала Рыкачевыхъ отъ посѣщенія Церкви» (№ 2, л. 60 об.), «Въ это же время Т. е. около 2^х прѣехала Анна Григорьевна Достоевская, и просидѣла у насъ до 4^х, <,> когда воротился изъ обсерваторіи Мих. Алекс. — Обыкновенно Анна Григорьевна всё время безъ умолку проговорила» (№ 2, л. 45 об.), «Вернулся домой въ 4^м часу и засталъ дома письмо отъ Анны Григорьевны Достоевской, запоздалое привѣтственное. — Письмо очень слащавое и на словахъ хорошее!» (№ 4, л. 38).

Однако не будем забывать о сочувственном ободряющем письме А. М. Достоевского, адресованном Анне Григорьевне после смерти Федора Михайловича, в котором он с неподдельной заботой и деликатностью вы-

казывал семье брата всяческую поддержку и участие: «Извините дорогая моя Анна Григорьевна, что пишу это письмо только теперь; — но я думалъ, что въ первое время оно болѣе потревожило бы Васъ; теперь же когда, первая боль, хотя нѣсколько притупилась, пишу Вамъ эти строки, съ полнымъ пожеланіемъ, возможно скорѣйшаго (л. 2) успокоенія. — Я сильно любилъ и уважалъ покойнаго брата, и надѣюсь что Вы позволите чувства эти перенести на Васъ и на семейство Ваше»⁹.

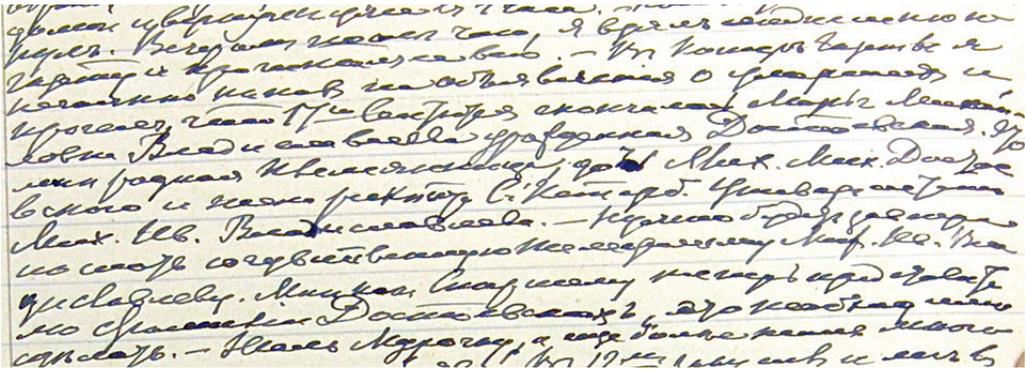

Фрагмент письма А. М. Достоевского к А. Г. Достоевской от 6 февраля 1881 г., л. 2 об.

Вообще, на тот момент Андрей Михайлович оказался единственным оставшимся в живых из всех братьев Достоевских. Он в полной мере ощущает всю возложенную на него миссию по объединению и хранению рода. Здесь вновь прослеживается духовная преемственность двух братьев Андрея и Федора. Внутренняя эмпатия, бескорыстное стремление к взаимопомощи, умение брать ответственность за близких ему людей роднит Андрея Михайловича и Федора Михайловича. Вспомним, как последний абсолютно бескорыстно принял на себя тяготы по опеке и устройству семьи старшего брата. Точно так же Андрей Михайлович воспринимает и свое предназначение. Вот какой комментарий А. М. Достоевский оставил в дневнике, узнав о смерти племянницы М. М. Владиславлевой, дочери Михаила Михайловича (запись от 20 сентября 1888 года):

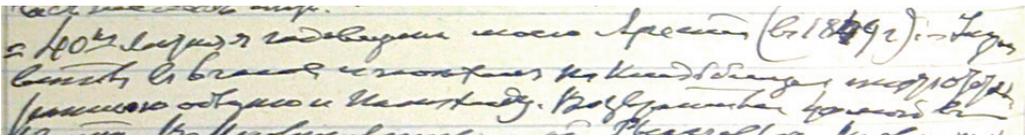
Вторникъ 20го Сентября <1888>

Вечеромъ послѣ чаю, я взялъ сегодняшнюю <Так в рукописи. — Ред.> газету и прочиталъ ее всю. — Въ концѣ газеты я нечаянно попалъ на объявленія о умершихъ и прочелъ, что 17го Сентября скончалась Марья Михайловна Владиславлева урожденная Достоевская. Это мнѣ родная племянница, дочь Мих. Мих. Достоевскаго и жена ректора С. Петерб. Университета Мих. Ив. Владиславлева. — Нужно будетъ завтра послать сочувственную телеграмму Мих. Ив. Владиславлеву. Мнѣ какъ старшему теперь представителю фамиліи Достоевскихъ, это необходимо сдѣлать (курсив наш. — К. С.)» (№ 4, л. 17 об.)

Фрагмент рукописи из дневника А. М. Достоевского 1888-1889 гг., л. 17 об.

В одном из дневников автор акцентирует внимание на знаменательной для себя дате – 40-летию со дня ареста в 1849 году, тем самым косвенно воскрешая в памяти образ старшего брата. Правда, далее Андрей Михайлович не обрамляет эту запись какими-либо дескриптивными подробностями, но сопровождает ее одной важной деталью – сообщением о посещении кладбища (могилы жены Домники Ивановны) и совершенных там панихиде и обедне: «Воскресенье 23 Апрелья. 40^{к^т} лѣтняя годовщина моего Ареста (въ 1849 г.). Утромъ всталъ въ 6 часовъ и поѣхалъ на кладбище; тутъ отстоялъ раннюю обѣдню и панихиду<...>» (№ 4, л. 56 об.).

Фрагмент рукописи из дневника А. М. Достоевского 1888-1889 гг., л. 56 об.

Данный эпизод вполне можно трактовать в том же духе семейно-родовой взаимообратимости. Личная боль Андрея Михайловича от утраты жены корреспондирует с чувством тоски от утраты брата, то есть многообразная хроникальная история Достоевских вновь выстраивается в чёткий генеалогический вектор. Столь же лаконичная формулировка рассматриваемого события, вероятно, объясняется естественным нежеланием А. М. Достоевского возвращаться к деталям того рокового дня (пусть даже и на страницах интимного дневника), когда его по ошибке вместо Михаила Михайловича на 13 дней заключили под стражу в Петропавловскую крепость. Позднее развернутое описание случившегося Андрей Михайлович представил в своих «Воспоминаниях».

Без сомнения, одним из центральных в дневниках Андрея Михайловича является эпизод, посвященный смерти младшей сестры Александры Михайловны Шевяковой (запись от 3 ноября 1889 г.):

Пятница 3го Ноября <1889>
-1^о морозу

<...> Въ Губернскомъ Правленіи я пробыль до 3хъ и вернувшись домой, былъ обрадованъ заставъ письмо [отъ] съ надписью на конвертѣ сдѣланною Женичкою. — Пока я раздѣвался, то пріятно помышлялъ, о томъ что прочту что нибудь пріятное, но распечатавъ письмо прочелъ не пріятное, — но весьма горестное для меня извѣстіе о томъ, что сестра моя Александра Михайловна (Шевякова <В рукописи было: Шевекова — ред.>) послѣ кратковременной болѣзни, — скончалась!!! Это извѣстіе меня очень поразило и опечалило, и я искренно всплакнулъ прочитавъ это горестное извѣстіе!!! Сестра Саша была еще не стара, ей всего 54 года. Она была по виду полна силъ и здоровья, и вдругъ она умерла (31го Октября). Еще 40 дней не прошло по смерти ея мужа Владиміра Васильевича (†26го Сентября), и вотъ она отправилась туда же!!! Женичка пишетъ что у нея была сахарная болѣзнь, которая приняла смертельный оборотъ, вскорѣ послѣ смерти ея мужа. — [Нынче]/Завтра/ 4го Ноября ее хоронять! Упокой Богъ ее Душу! Да! убываетъ насъ. Изъ числа семерыхъ насъ единокровныхъ и единоутробныхъ осталось только трое, я, и двѣ сестры Варв. и Вѣра Михайловны! За кѣмъ теперь очередь?!! — Всѣ послѣ обѣда и весь вечеръ, я продумалъ только объ сестрѣ и ея смерти!! (курсив наш. К. С.) (№ 5, л. 1 об.)

Судилъ сдѣланною Женичкою. — Пока я раздѣвался, былъ
обрадованъ заставъ письмо [отъ] съ надписью на конвертѣ сдѣланною
Женичкою. — Пока я раздѣвался, то пріятно помышлялъ, о томъ что прочту
что нибудь пріятное, но распечатавъ письмо прочелъ не пріятное, — но
весьма горестное для меня извѣстіе о томъ, что сестра моя Александра
Михайловна (Шевякова <В рукописи было: Шевекова — ред.>) послѣ
кратковременной болѣзни, — скончалась!!! Это извѣстіе меня очень
поразило и опечалило, и я искренно всплакнулъ прочитавъ это
горестное извѣстіе!!! Сестра Саша была еще не стара, ей всего 54 года.
Она была по виду полна силъ и здоровья, и вдругъ она умерла (31го
Октября). Еще 40 дней не прошло по смерти ея мужа Владиміра
Васильевича (†26го Сентября), и вотъ она отправилась туда же!!!
Женичка пишетъ что у нея была сахарная болѣзнь, которая приняла
смертельный оборотъ, вскорѣ послѣ смерти ея мужа. — [Нынче]/
Завтра/ 4го Ноября ее хоронять! Упокой Богъ ее Душу! Да! убываетъ
насъ. Изъ числа семерыхъ насъ единокровныхъ и единоутробныхъ
осталось только трое, я, и двѣ сестры Варв. и Вѣра Михайловны!
За кѣмъ теперь очередь?!! — Всѣ послѣ обѣда и весь вечеръ, я
продумалъ только объ сестрѣ и ея смерти!! (курсив наш. К. С.) (№ 5,
л. 1 об.)

Данный фрагмент ещё раз демонстрирует нам высокий уровень осознания А. М. Достоевским своего статуса хранителя семейно-родовых ценностей. Тётушка Александра Фёдоровна Куманина, передавая в дар Андрею Михайловичу памятные семейные реликвии и портретные миниатюры прадеда Михаила Федоровича Котельницкого и бабушки Варвары Михайловны Котельницкой, высказывает схожую мысль: «<...> ты умѣешь беречь и цѣнить вещи, въ особенности относящіяся до своихъ родныхъ» (л. 118 об.).

Действительно, этическая чуткость и аккуратность в обращении с семейными реликвиями всегда были свойственны Андрею Михайловичу. К примеру, в «Воспоминаниях» встречаются и другие ремарки на тему вещественной семейно-родовой преемственности: упоминания о единственном доставшемся Андрею Михайловичу от отца «осколке памяти» (потому особенно дорогим) бритве; о фотокопиях с портретов родителей в доме Варвары Михайловны, столь своевременно сделанных автором ещё до разрушительного, уничтожившего подлинники пожара; о телескопе покойного дяди Александра Алексеевича, который тот собственноручно передал в дар любимому племяннику. В этом отношении А. М. Достоевский напоминает Анну Григорьевну, которая также умела беречь семейные артефакты. В дневниковой записи от 28 февраля 1889 г. читаем: «Утромъ написалъ письмо къ Рыкачевымъ. — Еще въ воскресенье я вспомнилъ, что у меня должны быть гдѣ нибудь въ сундукѣ нѣсколько штукъ маленькихъ бриллиантовъ оставшихся отъ подарка Тетушки въ 1864 году. Порывшись въ сундукъ, я нашелъ ихъ въ числѣ 12 штукъ въ той же самой аптечной коробкѣ, въ которой они были подарены <...>» (№ 4, л. 46).

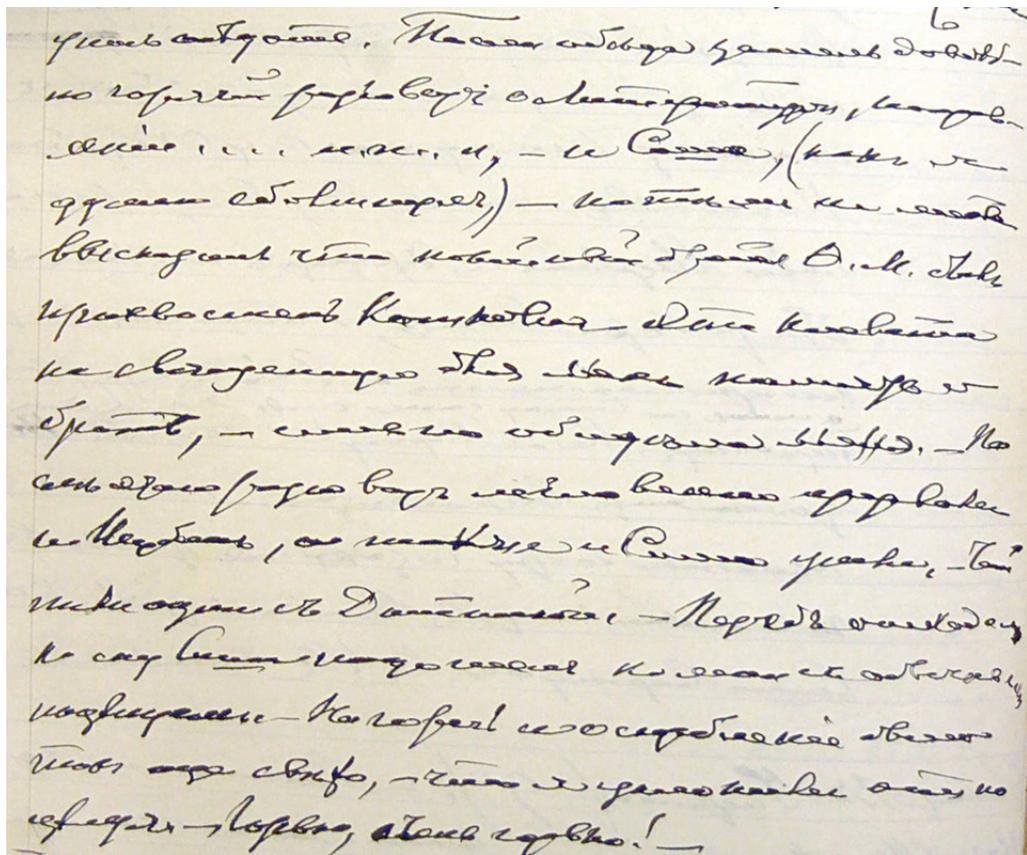
Естественно, что умение собирать, накапливать никоим образом не выступает здесь аналогом того самого «плюшничества», столь поразившего Андрея Михайловича в характере сестры Варвары Михайловны. Накопление является процессом вторичным, следствием, логично проистекающим из этико-культурного императива – живописать историю рода, передать семейные традиции потомкам, в неприкосновенности сохранив главные мемориальные реликвии.

В завершение хотелось бы привести наиболее драматичный для Андрея Михайловича фрагмент, воплощающий в себе всю силу его семейной укоренённости и ту степень любви, которую он испытывал к родным ему людям. Речь идёт о внезапно возникшем непонимании между А. М. Достоевским и старшим сыном Александром при разговоре о личности Фёдора Михайловича:

Декабря 5го Среда <1884>

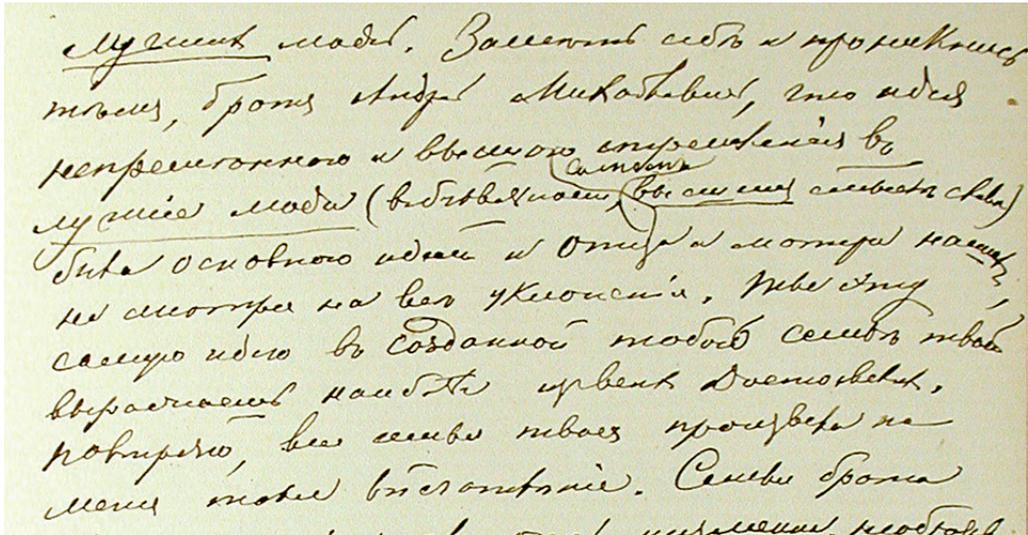
<...> Послѣ обѣда зашелъ довольно горячий разговоръ о Литературѣ, направленіи... и т. п., и Саша, (какъ я думаю сболтнулъ) — но тѣмъ не менѣе высказалъ

что покойный братъ Ѳ. М. былъ прихвостень Каткова. Эта клевета на священную для меня память о братѣ, сильно обидѣла меня. — Послѣ этого разговоръ мгновенно прервался <...> Передъ отходомъ ко сну Саша подошелъ ко мнѣ съ обычнымъ поцѣлуемъ. Но горечь и оскорбленіе было такъ еще свѣжо, что я уклонился отъ поцѣлуя. — Горько, очень горько! (№ 2, л. 8 об.)

Фрагмент рукописи из дневника А. М. Достоевского 1884-1885, 1887 гг., л. 8 об.

Конечно, данный эпизод не нуждается в каком-либо критическом комментарии. Ответим на это словами самого Ф. М. Достоевского из письма его к А. М. Достоевскому от 13 марта 1876 г.: «Замѣть себѣ и проникнись тѣмъ, братъ Андрей Михайловичъ, что идея непремѣннаго и высшаго стремленія въ лучшіе люди (въ буквальномъ, /самомъ/ высшемъ смыслѣ слова) была основною идеей и отца и матери нашихъ, не смотря на всѣ уклоненія. Ты эту самую идею въ созданной тобою[й]/ю/ семьѣ твоей выражаешь наиболѣе изъ всѣхъ Достоевскихъ <...> (курсив Ф. М. Достоевского. — К. С.)»¹⁰.

Фрагмент письма Ф. М. Достоевского к А. М. Достоевскому от 13 марта 1876 г., л. 30.

ПРИМЕЧАНИЯ

Исследование выполнено при поддержке РГНФ: проект № 14-04-00094а.

- ¹ Здесь и далее в квадратных скобках приводится расшифрованный зачеркнутый текст, в косых скобках — вписанный текст.
- ² Цит. по: РО ИРЛИ. Ф. 56. № 387. Л. 29.
- ³ [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petsu.ru/amdost/vospomin/vospomin.htm> (дата обращения: 22.08.2014).
- ⁴ [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petsu.ru/amdost/letters/letters.htm> (дата обращения: 22.08.2014).
- ⁵ [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petsu.ru/amdost/diaries/diaries.htm> (дата обращения: 22.08.2014).
- ⁶ Здесь и далее текст «Воспоминаний» цит. по аутентичному рукописному источнику: РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1 с указанием номера соответствующего листа в круглых скобках.
- ⁷ Здесь и далее рукописные материалы дневников цит. по: РО ИРЛИ. Ф. 56. № 2-9. Рядом в скобках через запятую указаны номер соответствующей архивной единицы и позиция в тексте в архивной пагинации.
- ⁸ См., например: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 Т. Л., 1972-1990; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 Т. 1821-1881. СПб., 1999; Наседкин Н. Н. Достоевский: Энциклопедия. М., 2003; Белов С. В. Ф. М. Достоевский. Энциклопедия. М., 2010; Волгин И. Л. Хроника рода Достоевских. Родные и близкие. М., 2013.
- ⁹ Цит. по: РГБ. 93.П.4.19. Лл. 2-2 об.
- ¹⁰ Цит. по: РО ИРЛИ. Ф. 56. № 387. Л. 30.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Викторovich В.А. Экспедиция в Даровое (2005) // Летние чтения в Даровом. 2006. С. 101-106.
2. Достоевский А.А. Вступительная статья // Достоевский А.М. Воспоминания. Л., 1930. С. 5-9.

Кибальник Сергей Акимович

*доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом)
(Российская Федерация, Санкт-Петербург)
kibalnik007@mail.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.9

МЕМУАРЫ БЕЗ КУПЮР: ДОСТОЕВСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ, ЗАПИСНЫХ КНИЖКАХ И ДНЕВНИКАХ НА САЙТЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Аннотация: На портале Пушкинского Дома размещен ряд материалов по теме «Русские писатели 1860-х — 1880-х годов в забытых воспоминаниях, записных книжках и дневниках»: помещены мемуарные книги М. А. Антоновича и Г. З. Елисеева, Х. Д. Алчевской, С. А. Берс, П. Д. Боборыкина, П. В. Быкова, Е. Н. Водовозова, П. А. Гнедича, г. К. Градовского, Д. В. Григоровича, А. Г. Достоевской, А. Ф. Кони, В. Г. Короленко, А. Лескова, С. Ф. Либровича, В. П. Мещерского, В. Микулич, Н. А. Лейкина, А. П. Михайловского, А. П. Милюкова, Н. К. Михайловского, А. Н. Мошина, А. В. Никитенко, И. И. Панаева, Л. Ф. Пантелева, А. А. Плещеева, А. Н. Пыпина, М. К. Салтыкова, А. М. Скабичевского, Н. Я. Стечкина, С. Л. Толстого, А. П. Суловой, Н. А. Тучковой-Огаревой, Н. В. Успенского, Е. М. Феоктистова, А. А. Фета, Н. В. Шелгунова и Л. П. Шелгуновой, Е. А. Штакеншнейдера, И. И. Янжула, И. И. Ясинского и др. (к книгам В. Микулич и И. И. Ясинского отдельно помещены новые и весьма обширные комментарии Б. Н. Тихомирова), воспроизведен ряд журнальных и газетных очерков, причем некоторые из них, в частности: Д. Н. Садовникова, Н. М. Павлова, П. Райского (И. И. Колышко), Ф. П. Чуфрина и Н. Миляева – в сопровождении детального текстологического и историко-литературного комментария, размещены «Воспоминания о Достоевском» А. И. Сувориной, ранее публиковавшиеся не полностью, осуществлена подготовка полного текста этих воспоминаний и комментария к ним, выполненная С. А. Кибальником. Им же публикуются по рукописям ИРЛИ РАН мемуарные очерки о Достоевском А. А. Зеленецкого и Л. В. Головиной, ранее напечатанные по другим спискам. Из рукописных материалов по невозпроизводимому ранее варианту размещена также статья В. А. Савостьяновой «В дополнение к Воспоминаниям Анны Григорьевны Достоевской» (подготовка

текста и комментариев Б. Н. Тихомирова). Впервые опубликованы некоторые рукописные материалы: относящиеся к биографии и творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина, К. Н. Леонтьева и А. П. Чехова.

Ключевые слова: мемуары, записные книги, дневники, Достоевский, архивы, рукописи

Что дает исследователю Достоевского знакомство с Интернет-ресурсом «Русские писатели 1860-х — 1880-х годов в забытых воспоминаниях, записных книжках и дневниках»?

В общем-то, многое: прежде всего проект делает огромное количество хорошо известных материалов (таких, например, как дневники Аполлинии Суловой или воспоминания Александра Милюкова) намного доступнее. Он же открывает и некоторые новые страницы в биографии Достоевского.

Так, например, в варианте воспоминаний племянницы Достоевского Варвары Андреевны Савостьяновой, впервые опубликованном на страницах Интернет-проекта Б. Н. Тихомировым, с важнейшими указаниями на контаминированный и в то же время сокращенный вариант текста другого их варианта, опубликованного в антологии «Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников», находим следующую выразительную бытовую деталь:

Начался разговор, не помню о чем; но дядя (т. е. - Ф. М. Достоевский. - С. К.) был нервен, его видимо беспокоил насморк А<нны> Гр<игорьевны>, и он несколько раз обращался к ней: <“>А<нна> Гр<игорьевна>, утри нос”. - <“>Ах, Фе<edor> М<ихайлович>, но что ж я буду делать, у меня такой сильный насморк” - и продолжала болтать. - <“>Ан<на> Гр<игорьевна>, утри нос<”>, - еще <с. 3> раз напомнил он ей, перебивая ее болтовню.

Это, конечно же, всего лишь мелочь, лишь отчасти характеризующая отношения Достоевского с женой, но насколько содержателен комментарий Б. Н. Тихомирова к этому тексту, в котором он показывает, что некоторые из свидетельств В. А. Савостьяновой (в частности, о сыне Достоевского Леше) навеяны воспоминаниями Л. Ф. Достоевской и вряд ли основаны на реальных событиях!

Другой пример. В воспоминаниях жены А. С. Суворина Анны Ивановны Сувориной впервые воспроизведено место, в котором рассказывается о том, что Достоевский присутствовал на любительском спектакле:

На одном из наших домашних спектаклей присутствовал и Фед<ор> Мих<айлович> Достоевский. Играли Островского “Доходное место”. Тогда эта пьеса имела громадный успех, роль либерального Жадова находила отклик у молодого поколения, всегда имела успех и была благодарнейшая роль для актера. Ставил пьесу у нас большой наш приятель Ник. Фед. Сазонов, Жадова играл Н. Пл. Карбчевский - красавец и знаменитый адвокат, очень талантливый актер и покровитель дамских сердец. И это была одна из его лучших ролей! Жену его, глупенькую, но милую Полинку, или Полину, играла я, мою мать, т. е. тещу (типаж)

Жадова играла жена Ив<ана> Ник<олаевича> Крамского С. Н. Крамская. Сестру мою Юленьку играла дочь моего мужа, моя belle fille А. Ал. Коломна и Викт<ор>Петр<ович> Буренин играл роль генерала Вышневого.

Вся пьеса держится на Жадове. Он дает тон всей пьесе. Затем идут роли Полины и матери. Со всеми нами, кроме, конечно, Жадова-Карабчевского, проходил Сазонов. Я никогда никого в этой роли не видела, и хотя я была бесстрашная и готова была играть, не читая даже пьесы, любую роль, хотя бы Леди Макбет, и начать спектакль пляской и пением простушки невоспитанной <?>, - но в этот раз я очень боялась, главное, боялась подвести Жадова, т. к. почти что лучшие его места все с “Полиной”. На репетиции он не вполне играл, я читала свою роль по указаниям режиссера. Одна Крамская играла на репетиции, и мне ужасно нравился ее тон. На генеральной репетиции было довольно много народу, но подъему не было, и я совершенно потерялась, тем более что слышала со сцены голос Н. Петр. Вагнера про меня, что я очень мила, - что-то в этом роде, а муж сказал, что, по его мнению, “она (т. е. я) как-то очень легкомысленно играет”. Услыхав это, я еще больше потерялась, ценя ужасно строгие, взыскательные, беспощадные, но искренние всегда и верные мнения Ал. Сергеевича. Я решила, что завтра буду играть, т. е. стараться играть Полину серьезнее и была совершенно какой-то потерянной. Жадов был недоволен мною.

Я смертельно боялась и с наслаждением бы отказалась, но это было невозможно уже. На спектакле была масса приглашенных, и когда я посмотрела в отверстие занавеса, то меня прямо сковал ужас. Первое лицо, что я увидела, это было лицо Достоевского, беседующего с Григоровичем, потом Я. П. Полонского в первом ряду из-за своих длинных костылей, Н. С. Лескова, Вагнера, <нрзб.> да много из наших отличных приятелей и посетителей наших воскресений, но Ф<едор> М<ихайлович> меня прямо подкосил! Я кинулась к Н. Ф. Сазонову, гримировавшему кого-то из наших, и 15 говорю, что я не могу играть, что умру, умираю, а он совершенно спокойно выводил какие-то тени на лице актера, говорит:

“Только, дорогая, не здесь, а на сцене... Там я не отвечаю...”. Я взглянула на себя в зеркало и ахнула: там в голубеньком открытом платьице была не провинциалка Полинька, а какая-то трагическая маска. Сазонов просто расхохотался и прибавил, что прямо хоть сейчас трагедию ставь и гримировать не надо. Потом сжалился, страшно ласково-любовно клялся мне, что буду мило играть и буду иметь успех, а я твердила, что если бы только не Достоевский! Мне совестно перед ним наивничать, да и всех, сколько я помню, смутила моя весть о прибытии Достоевского, но все равно раздался звонок, взвился занавес, и надо было идти “умирать”!

Но странная вещь! Когда я очутилась на сцене, когда я поняла, что спасения мне нет, я твердо решила играть, как только могу веселее и живей, чтобы только не быть деревянной - умру, но сыграю! Слова Вагнера и Ал<ексея> Сергеевича исчезли из головы. Я всегда восхищалась на игру Крамской, эта ее упрямая, ничему не поддающаяся пошлость воззрений и взглядов на жизнь в сравнении с благородством, может быть, немножко и надуманным, Жадова, восхищала меня, и я твердо решила быть достойной дочкою своей маменьки.

И действительно приводила в ужас бедного моего мужа. Несмотря на его благороднейшие речи и монологи, я упрямо повторяла: “А маменька говорит, что ты можешь это сделать!.. Маменька лучше нашего с тобой знает!” После этих сцен я несколько раз слышала тихо “браво! браво!”, но я совершенно не понимала, за что? и кому? И неслась по течению. Несколько раз смеялись после моих наивных поучений мужу, мне даже самой было жаль Карабчевского-Жадова, когда его милая, глупенькая, но в сущности добрая Полинька доводила его до гнева.

Но все хорошо, что хорошо кончается, и мы, наконец, окончили под аплодисменты наше представление, выходим все, конечно, вместе за руки. В один из вызовов вижу, Достоевский взбирается к нам по лестнице из зрительного зала на сцену, по этой лестнице то взбирался, то спускался наш режиссер, мы, конечно, были польщены его к нам визитом. Поздоровавшись со сцены, он подошел к нам по лестнице из зрительного зала на сцену; по этой лестнице то взбирался, то спускался наш режиссер. Мы, конечно, были польщены его к нам визитом. Поздоровавшись со всеми, он подошел ко мне, смотрит, как всегда, как-то строго и серьезно говорит: “вы мне очень понравились, у вас настоящий драматический талант... Вы должны работать и изучать эстетику”. Потом, обращаясь к мужу, говорит: “А<лексей> С<ергеевич>, настаите, заставьте вашу жену заняться серьезно драматическим искусством!”. Ал<ексей> Сер<геевич> на это ответил, что я такая лентяйка, каких еще свет не производил. И после, за каждой нашей встречей с Ф<едором> М<ихайловичем> он всегда меня спрашивал: “Ну что? занимаетесь эстетикой?”. Я очень конфузилась всегда и не могла дать желанного ответа.

Не правда ли этот эпизод, к сожалению, опущенный в первой публикации очерка¹, вполне заслуживает быть восстановленным? Отношения Достоевского с А. С. Сувориным и его женой, характер и манера обращения писателя с его знакомыми здесь отразились в живом эпизоде, который производит весьма яркое впечатление.

Таких вот небольших ярких деталей и эпизодов, впервые представленных читателю, в рамках данного Интернет-проекта, не так уж мало. Что же говорить о забытых текстах – таких, как, например, «Воспоминания» студента Алексея Зеленецкого, ранее печатавшиеся, но воспроизведенные на страницах Интернет-проекта по иному списку.

Вот что говорит этому студенту Достоевский в ответ на его признание в неверии:

— Знаете что? Я бы и вас, и всех молодых людей с вашими взглядами сослал в каторгу. Что вы улыбаетесь? Право, сослал бы! От народа вы там научились бы веровать в Бога и чтить святую правду Его. Прежде всего уверуйте в Бога всеми фибрами вашего существа, в Христа-Искупителя, в Христа-Любовь. А затем, если вы почувствовали, что вам тяжело есть, пить и ничего не делать, и если действительно вам стало жаль бедных, которых так много, то отдайте им свое имение и идите работать на общую пользу и получите «сокровище на небеси там, где не копят и не собирают». Но не раздача имения обязательна, не надевание зипуна,

– все это лишь буква и формальность: обязательна и важна лишь решимость ваша делать все ради деятельной любви, все, что вы сами искренно признаете для себя возможным. Все эти старания «опроститься» – лишь одно переряживание, вас унижающее. Вы слишком «сложны», чтобы опроститься. Лучше мужика вознесите до вашей «осложненности». Будьте только искренни и простодушны; это лучше всякого опрощения. Не говорите также: «не дают ничего делать», «связывают руки» и проч. Кто хочет приносить пользу, тот и с буквально связанными руками может сделать бездну добра. У нас одно изучение России сколько времени займет, потому что ведь редко какой человек у нас знает Россию. У нас, в России, надо насаждать истинные понятия о свободе, равенстве и братстве. Ныне полагают свободу в разнузданности страстей, тогда как истинная свобода состоит лишь в одолении себя и воли своей, так чтобы под конец достигнуть такого нравственного совершенства, чтобы всегда быть настоящим хозяином самому себе. Ныне полагают свободу в денежном обеспечении, а в сущности это не свобода, а рабство деньгам.

Звучит весьма актуально, не правда ли?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Перлина Н. М. Достоевский в воспоминаниях современников // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 295–304.

Тихомиров Борис Николаевич*

*доктор филологических наук,
заместитель директора по научной работе
Литературно-мемориального музея
Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге,
президент Российского общества Достоевского.
btikhomirov@rambler.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.10

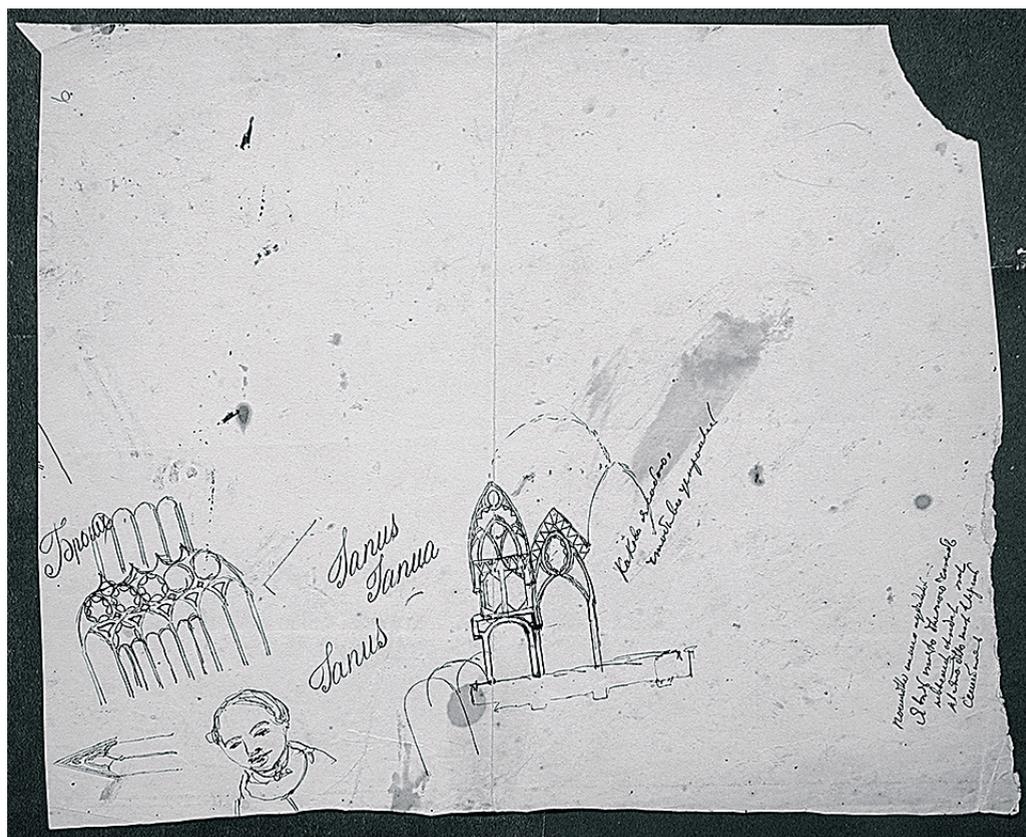
СЛОЖНЫЙ СЛУЧАЙ АТРИБУЦИИ НАБРОСКА К РОМАНУ «БЕСЫ»

Аннотация: В РО ИРЛИ хранится отдельный листок с разрозненными набросками, которые атрибутируются в научной литературе без достаточных оснований как относящиеся либо к «Преступлению и наказанию», либо к «Братьям Карамазовым». Автор статьи предлагает отнести указанные наброски к роману «Бесы» и датирует их приблизительно мартом-июнем 1872 года, а портрет молодой девушки в нижней части листа рассматривает как возможное авторское изображение Лизы Тушиной.

Ключевые слова: Достоевский, «Бесы», записные тетради, рукописи, атрибуция

В Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, в Фонде А. Г. Достоевской, хранится отдельный листок неправильной формы с частично обрезанными, частично оборванными краями, в нижней части которого сделана портретная зарисовка молодой девушки¹; чуть выше, слева и справа, — две композиции из архитектурных элементов готического стиля; между ними и по левому обрезу листа — несколько каллиграфически выписанных слов: «Бром», «Janus» (два раза), «Janua», а в правой части листа — две разрозненные краткие записи, достаточно отдаленно стоящие одна от другой².

В ПСС они напечатаны в разделе «Наброски и планы. 1874–1879» под условным редакционным заголовком «<Отрывки>» и квалифицированы

в примечаниях как «наброски диалога к художественному произведению»³ с указанием: «Фрагментарность записи не дает возможности ее датировать, а также более определенно связать с каким-то замыслом» (17; 442; подготовка текста и примеч. И. А. Битюговой). В ПСС эти наброски напечатаны так:

«Какова я собою, чтобы всё устроилось.

Поглядела на него с удивлением.

— Я ведь только для того, чтоб не вышел скандал, так как это дело, так сказать, семейное» (17; 13).

Через семь лет после публикации ПСС к этим записям повторно обратилась Т. И. Орнатская, атрибутировав их как подготовительные материалы (далее — ПМ), относящиеся к третьей части романа «Братья Карамазовы». Первый набросок («Какова я собою, чтобы всё устроилось») охарактеризован исследовательницей как «часть монолога Грушеньки, обращенного к Раkitину (глава III «Луковка» — 14, 322–323; ср. также: 15, 262)». Второй («Поглядела на него и удивилась ~ так сказать, семейное») — как одна «из ранних разработок главы V «Внезапное решение» книги восьмой «Митя» и главы I «Начало карьеры чиновника Перхотина», открывающей книгу

девятую «Предварительное следствие» <...> 14, 369, 401–402» [1, 71]. Т. И. Орнатской сделано важное уточнение в первой фразе второй записи («с удивлением» / «и удивилась»⁴). В то же время никаких конкретных наблюдений, подтверждающих правоту предложенной ею атрибуции, исследовательница в своей заметке не приводит. Возможно, такая лапидарность могла бы быть допустима, если бы на указанных страницах «Братьев Карамазовых» мы нашли более или менее точный повтор рассматриваемых черновых записей. Однако при обращении к тексту романа достаточных и убедительных совпадений, аргументирующих предложенную атрибуцию, обнаружить не удалось.

В первом случае записи: «Какова я собою, чтобы всё устроилось» — Т. И. Орнатской в соответствие, как можно судить, поставлена реплика Грушеньки (заочно обращенная к ее бывшему ухажеру-поляку): «...»Видал ты, какова я теперь, скажу, ну так и оставайся при том, милостивый государь, по усам текло, а в рот не попало!»...» (14; 322). Повтор ограничивается двумя служебными словами, синтаксической близости фраз нет.⁵

Во втором случае начальной части наброска «Поглядела на него и удивилась» — вообще не обнаруживается соответствий, а фраза:

«Я ведь только для того, чтоб не вышел скандал, так как это дело, так сказать, семейное», очевидно, запараллелена Т. И. Орнатской с двумя текстами: «”И тут скандалу наделаю!” — подумал он [Перхотин] с каким-то уже страданием в душе, но вместо того чтоб уйти окончательно, принялся вдруг стучать снова и изо всей уже силы» (14; 369). «Скандала же Петр Ильич боялся пуще всего на свете» (14; 402). Сходство текстов, прямо скажем, более чем отдаленное!

Несмотря на столь слабую аргументацию, атрибуция Т. И. Орнатской была «канонизирована» в последнем томе *ПСС* — в разделе «Опечатки, исправления и дополнения к томам I–XXX₁» (см.: 302; 417–418).⁶

В 2001 г. к указанным наброскам еще раз обратились И. А. Битюгова и К. А. Баршт, предложившие иную их атрибуцию. Как ни парадоксально, ни публикацию Т. И. Орнатской, ни ее «отражение» в перечне исправлений и дополнений в последнем томе *ПСС* исследователи не только не подвергли критическому пересмотру, но, по-видимому, и вообще не учли. Усмотрев близость портретной зарисовки на листке с несколькими рисунками писателя в записной тетради 1864–1865 гг., содержащей подготовительные материалы к «Преступлению и наказанию», И. А. Битюгова и К. А. Баршт атрибутировали содержащиеся на листе наброски как относящиеся к этому первому роману из «великого пятикнижия» Достоевского. Портретную же зарисовку на листке однозначно, по их мнению, молодой девушки соавторы посчитали изображением Сонечки Мармеладовой.

С каким же этапом истории текста «Преступления и наказания» поставлены в связь И. А. Битюговой и К. А. Барштом рассматриваемые наброски? В конце записной тетради 1864–1865 гг., содержащей материалы

самой ранней, так называемой «висбаденской» редакции романа, датированной августом–октябрем 1865 г., содержится набросок: «Дочь чиновника (то есть будущая Соня Мармеладова. — Б. Т.) мимоходом чуть-чуть и оригинальнее вывести. Простое и забытое существо. А лучше грязную и пьяную с рыбой. Ноги (Раскольников ей. — Б. Т.) целует» (7; 92). Роль Сони в судьбе героя уже намечена писателем: к ней он придет с покаянием и исповедью («Ноги целует»), но Сонечка здесь еще не имеет имени, и Достоевский пока что колеблется, в каком образе лучше ее вывести в произведении. По мнению исследователей, с этим моментом творческой истории и корреспондирует первая запись из рассматриваемого наброска: «Какова я собою, чтобы всё устроилось». — «...сомнения в предпочтении второго варианта (“А лучше грязную и пьяную с рыбой”. — Б. Т.) остаются (у Достоевского. — Б. Т.) и находят отражение, — пишут соавторы, — в приведенной записи на листе в виде вопроса⁷ как бы от лица дочери чиновника, а на самом деле авторского: какой же ее изобразить, чтобы она исполнила свою роль» [2, 328]. «Ответ на этот вопрос, — заключают они далее, — пропускает в представленном на том же листе силуэте скромной (то есть не “грязной и пьяной”. — Б. Т.) молодой женщины...» [2, 328].

Второй же набросок, по мнению И. А. Битюговой и К. А. Баршта, представляет собою «проект сцены появления пьяного Мармеладова в сопровождении Раскольникова перед Катериной Ивановной...» [2, 329]. Никаких вербальных соответствий исследователи не приводят, но в их интерпретации первая фраза: «Поглядела на него с удивлением»⁸ — описывает реакцию Катерины Ивановны на появление на пороге квартиры пьяненького Мармеладова⁹, а вторая — оказывается репликой Раскольникова, «оправдывающего в первоначальном наброске свой приход (в квартиру Мармеладовых. — Б. Т.) намерением предотвратить “скандал”»¹⁰.

Аргументация И. А. Битюговой и К. А. Баршта оказывается еще менее убедительной, чем аргументация Т. И. Орнатской. Но наиболее веским возражением всем трем исследователям должна послужить строго научная атрибуция, построенная на конкретных и доказательных текстуальных наблюдениях. Забегая вперед, укажу, что текстологический анализ позволяет отнести рассматриваемые наброски к роману «Бесы». Более конкретно — к первым главам третьей части романа (в журнальной публикации).¹¹ Датированы наброски приблизительно могут быть мартом–июнем 1872 г.

Но ранее обращения к конкретным наблюдениям необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Публикаторы ПСС два отдельно записанных на листе наброска интерпретировали как *единый текст*, представив его в примечаниях как «наброски диалога» (17; 442). Но уже Т. И. Орнатская посчитала возможным рассматривать записи на листе как отсылающие к *трем разным главам*, в придачу *двух разных частей романа* «Братья Карамазовы». Не принимая итоговый вывод исследовательницы, с этим ее

заклЮчением я должен согласиться. Причем, как будет показано ниже, соотнесенность записей на листе с разными местами как чернового, так и печатного текста «Бесов» окажется по своей «конфигурации» достаточно причудливой.

Второе замечание касается оформления в автографе первого из рассматриваемых набросков. В ПСС он воспроизведен как единая фраза:

«Какова я собою, чтобы всё устроилось» (17; 13).

Однако у Достоевского запись оформлена в две строки, хотя для продолжения фразы на листе оставалось достаточно места:

«Какова я собою,
чтобы все устроилось».

Почему так значим этот нюанс? Потому что первое текстуальное совпадение, на которое я хочу обратить внимание, покрывает не всю фразу, а только первую ее часть. Это слова Лизы после ночного эпизода со Ставрогинным (глава третья «Законченный роман» из третьей части романа): «Если ехать, то в Москву, и там делать визиты и самим принимать, — говорит девушка, — вот мой идеал, вы знаете; я от вас не скрыла, еще в Швейцарии, **какова я собою**» (10; 399). Уже само по себе *абсолютно точное совпадение* с первой половиной первого наброска заставляет отдать этому наблюдению предпочтение перед наблюдениями моих предшественников. Однако в силу элементарности и краткости совпавшей синтагмы все-таки есть возможность посчитать ее случайностью. Гораздо более доказательным делает ситуацию второе совпадение — и опять абсолютно точное! — первой части уже второго наброска со следующим местом из той же главы «Бесов» (здесь Лиза разговаривает с Петрушей Верховенским):

«— Какой вы добрый... — ласково проговорила Лиза.

— Помилуйте, в подобном случае всякий гуманный человек на моем месте также...

Лиза поглядела на него и удивилась» (10; 409).

Следующий круг наблюдений выводит нас к главе «Степана Трофимовича описали», которая в журнальной редакции печаталась как первая глава третьей части. В ней между Хроникером и Верховенским старшим происходит обсуждение обстоятельств прошедшего у Степана Трофимовича утром обыска, который проводил помощник губернатора Блюм. Сразу отмечу, что тут не обнаруживается подобных приведенным выше абсолютно точных совпадений. Но все равно текстуальная близость набросков к связной черновой или окончательной редакциям романа оказывается значительно выше, нежели в наблюдениях Т.И. Орнатской, И.А. Битюговой и К.А. Баршта.

Начну с печатного текста «Бесов». Вот фрагмент диалога Хроникера и Степана Трофимовича:

«— Помилуйте, да ведь он предлагал вам известный в таких случаях порядок и гарантии, а вы же сами и отклонили! — вскричал я в дружеском негодовании.

— Нет, этак лучше, без гарантии. **И к чему скандал?** Пускай до поры до времени en amis [фр. на дружеских началах]...» (10; 329).

Здесь пока еще совпадение чисто тематическое, закрепленное в единственном повторяющемся слове «скандал»: «Я ведь только для того, чтоб не вышел скандал» / «И к чему скандал?». Однако при обращении к черновому автографу обнаруживается значительно больший объем лексических совпадений. Достоевский записывает в черновой рукописи несколько вариантов этого эпизода. Среди сбивчивых и несвязных объяснений Степана Трофимовича отмечу следующие реплики:

«Но я не дал себя поймать и отклонил. **Всё устроилось** домашним образом. По крайней мере (Блюм. — Б. Т.) дал мне слово, что всё останется до времени шито-крыто и разглашать не будут»; «Я, кажется, стал его упрашивать, **чтоб всё обошлось [семейно]** секретно, так что **всё устроилось** домашним образом. <...> Нет, этак лучше, **пускай до времени без скандала**» (11; 337–338).

Абсолютно точных совпадений нет и здесь. Однако набросок на отдельном листе («чтобы все устроилось»; «Я ведь только для того, чтоб не вышел скандал, так как это дело, так сказать, семейное») органично встает в ряд вариантов, развернутых писателем в черновом автографе. Специально стоит отметить нелепое в устах Степана Трофимовича применительно к обсуждаемой ситуации выражение «дело, так сказать, **семейное**». Не будь свидетельства чернового автографа (далее — ЧА), затруднительно было бы «вписать» его в контекст эпизода. Однако зачеркнутый вариант ЧА: «... чтоб всё обошлось **семейно**», напротив, подтверждает, что несообразность выделенного слова — это черта сумбурной речи вверженного обыском в полную прострацию Степана Трофимовича. Кстати, тот факт, что в отличие от автографа на листке в ЧА слово «семейно» зачеркнуто как отвергнутый вариант, позволяет осторожно предположить, что по времени отдельный набросок, очевидно, предшествует работе Достоевского над связным текстом.

Представляется, что приведенные наблюдения вполне доказывают принадлежность черновых набросков на отдельном листке творческой истории романа «Бесы». А более конкретно — времени работы Достоевского над первыми главами третьей части романа (в журнальной публикации).

В заключение коснусь одной загадочной особенности в записи анализируемых записей, которая отчасти также препятствовала правильной атрибуции этих текстов. Я уже отмечал, что в автографе наброски образуют две отдельные группы, разделенные между собой определенным пространством. Можно было бы ожидать, что один из них относится к главе «Степана Трофимовича описали», а другой — к главе «Законченный роман».

Однако в действительности картина выглядит иначе, и возникшая «конфигурация» записей труднообъяснима. Дело в том, что в каждой из двух групп, как было продемонстрировано выше, верхняя строчка относится к главе «Законченный роман», а нижние строки (в первом случае одна, во втором — три) — к главе «Степана Трофимовича описали». Причем верхняя строчка — к более позднему тексту, чем нижние. Как это объяснить? Увы! Надо признать, что данные, которыми мы располагаем, не позволяют прокомментировать этот текстологический казус.

Что же касается зарисовки молодой девушки в нижней части рассматриваемого листка, то если согласиться с И. А. Битюговой и К. А. Барштом, настаивающими, что перед нами портрет героини Достоевского, то его необходимо квалифицировать, как авторское изображение *Лизы Тушиной*.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В «Описании рукописей Ф. М. Достоевского» (под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957. С. 142) этот рисунок квалифицирован как «набросок мужской головы». Считаю возможным согласиться с исследователями, оспорившими такую атрибуцию (см. ниже).
- ² РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29452.
- ³ Ср.: «Наброски диалога — подготовительные для литературной работы» (Описание рукописей Ф. М. Достоевского. С. 142).
- ⁴ Еще ранее верное прочтение этого слова было предложено Б. Н. Капелюш и Т. Н. Гармашевой в изд.: Описание материалов Пушкинского Дома. М. ; Л., 1959. Т. V: И. А. Гончаров; Ф. М. Достоевский. С. 122. № 523. Отмечу, что здесь исследователями неточно прочтено другое слово: «устраивалось» вместо «устроилось».
- ⁵ В указанном месте ПМ к «Братьям Карамазовым» повтор столь же минимален; ср.: «... может быть, выйду к нему, скажу: видел меня, хороша али нет? <...> Видел, какова я теперь, скажу» (15; 262).
- ⁶ Однако в вышедшем годом позднее 10-м томе так называемого «малого академического» собрания сочинений Достоевского, выпущенного на основе ПСС, указанные наброски по-прежнему напечатаны под рубрикой «<Отрывки>» в разделе «Незаконченные повествовательные произведения, наброски и планы»; справедливое текстологическое уточнение Т. И. Орнатской здесь также не учтено и примечания перепечатаны из ПСС без изменений (см.: Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 Т. Л., 1991. Т. 10. С. 337, 436; публикатор И. Д. Якубович).
- ⁷ Отмечу, что в записи Достоевского вопросительный знак отсутствует.
- ⁸ Текстологическое уточнение Т. И. Орнатской исследователями также не учтено.
- ⁹ Соавторы некорректно приводят фрагмент, в котором Катерина Ивановна реагирует на появление Раскольников, по тексту окончательной редакции: «Женщина, увидев незнакомого, рассеянно остановилась перед ним, на мгновение очнувшись и как бы соображая: зачем это он вошел?» (6; 24). В ранних редакциях, о которых идет речь, повествование ведется от лица героя и вместо 3-го лица естественно появляется 1-е, что разрушает аргументацию исследователей: «Женщина, увидя меня, остановилась передо мной, как бы соображая и догадываясь, зачем это я вошел» (7; 117, ср. 119).

Очевидно, что с так грамматически организованным текстом фраза: «Поглядела на него и удивилась» — соотнесена быть не может.

¹⁰ Там же. Лишь прокламированный «первоначальный набросок» исследователями не указан и мною не обнаружен (ср.: «Мне самому хотелось поскорее с ним развязаться и потому я не отказал его довести» — 7; 115).

¹¹ В отдельном издании это глава девятая второй части («Степана Трофимовича описали») и глава третья третьей части («Законченный роман»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орнатская Т. И. «Братья Карамазовы». Черновые наброски // Достоевский : Материалы и исследования. Т. 5. Л., 1983. С. 69–71.
2. Баршт К. А., Битюгова И. А. К творческой истории «Преступления и наказания»: (Атрибуция одного из набросков) // Достоевский : Материалы и исследования. Т. 16 : Юбилейный сборник. СПб., 2001. С. 325–329.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОМИНКИ ПО МИХАИЛУ ДОСТОЕВСКОМУ, 150 ЛЕТ СПУСТЯ

<i>В. Н. Захаров</i>	
Памятник как текст, или Послание братьев Достоевских	4
<i>П. Е. Фокин</i>	
«Брата моего я любил бесконечно...»	18
<i>Т. Н. Шипова</i>	
М. М. Достоевский – предприниматель (по материалам русской периодики XIX века)	33
<i>В. Н. Захаров, О. В. Захарова</i>	
Кто автор некрологов по случаю смерти М. М. Достоевского?	47

ПУБЛИКАЦИИ. ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ И АТРИБУЦИИ

<i>Л. В. Алексеева</i>	
Анонимные письма в архиве Достоевского	62
<i>И. С. Андрианова</i>	
Письма Достоевского к жене: проблема цензурных исправлений	73
<i>И. С. Андрианова</i>	
Клевет Достоевского	94
<i>Б. Н. Тихомиров</i>	
Портретные зарисовки Достоевского: из новых атрибуций	112
<i>К. В. Сизюхина</i>	
Мысль семейная и родовая в дневниках А. М. Достоевского	124
<i>С. А. Кибальник</i>	
Мемуары без купюр	137
<i>Б. Н. Тихомиров</i>	
Сложный случай атрибуции наброска к роману «Бесы»	189